

Сергей Яковлев

Олигархический транзит

Почти документальная история

От автора

Всё, что описано ниже, происходило или вполне могло произойти на самом деле. В наши дни граница между реальностью и вымыслом стерлась. Не говоря уже о средствах массовой информации, по определению являющихся «фабрикой грёз», не говоря о многочисленных преступных сообществах и профессиональных дезинформаторах, — самые серьезные политические и общественные институты заняты внедрением в умы абсолютно фантастического, искажённого до неузнаваемости образа окружающего мира, кому-то по тем или иным причинам желанного или выгодного.

В условиях, когда бред шизофреника не способен конкурировать с ежедневными новостями на экранах и страницах газет, а сказочной ведьме и во сне не привидятся злодеяния, которые рутинно планируют и осуществляют заурядные люди в пиджаках и при галстуках, мне не остаётся ничего другого, как поклясться в достоверности изложенных здесь событий. Надеюсь, что читатель, осиливший повесть до конца, простит подобную самонадеянность, которая на самом-то деле не самонадеянность вовсе, но лишь признание в ограниченности авторского воображения: сам я ни за что бы не додумался до того, о чём поведу речь.

А чтобы не бередить раны людей, переживших нечто похожее, добавлю, что моя история, конечно, имела (или, что одно и то же, могла иметь) место, но не там, не тогда и не с теми. Всех моих персонажей с их судьбами, характерами, отношениями и поступками я взял из головы, поместив в предзаданные, не мной означенные рамки. Любое совпадение здесь, как принято говорить, случайно.

Глава первая

Студент

Миша Бугаев попал на «Global Spring» за три дня до отхода. Он знал, что судно после непродолжительной стоянки зайдет за малой партией груза в Сундсвалль (почти рядом, точнее — напротив, если глянуть на карту, сутки пути или

Сергей Яковлев (1952) — родился в г. Солигаличе Костромской области. Окончил Ленинградское высшее инженерное морское училище им. адм. С.О. Макарова по специальности «Судовождение на морских путях» и Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Андрея Битова). Учредитель и гл. редактор журнала «Странник» (Литература, искусство, политика). В 1994–1998 гг. — заместитель главного редактора в журнале «Новый мир». С 2008 г. — редактор-издатель литературного альманаха «Письма из России». Автор романов «Наследство» (1992), «Письмо из Солигалича в Оксфорд» (1995), «На задворках “России”» (2001), «Советник на зиму» (2018), многих повестей, рассказов, очерков и статей. Лауреат ряда литературных премий. Член Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра.

около того), а затем отправится вокруг всей Европы: Балтика, Датские проливы, Северное море, Ла-Манш, Бискайский залив, Гибралтар, Средиземное море... Для практиканта, впервые выходящего в рейс на настоящем океанском теплоходе да ещё в штатной должности матроса, это можно было назвать крупным везением. Накануне он как раз встретил двоих однокурсников, которые уже несколько дней околачивались на берегу — не было вакансий. К тому же Бугаев (а это был худенький, даже шуплый вихрастый юноша, стыдившийся, кстати сказать, своей обманчивой «деревенской» фамилии) не имел в морской среде, в отличие от многих однокашников, ни старших родственников, ни знакомых, никаких заступников, кто бы замолвил слово перед кадровым начальством, направил на хороший пароход, поговорил с капитаном. Да и вообще ни одного близкого человека, который был бы выше его уровня по социальному статусу и деньгам. А Мишин уровень — казённая форменка с чёрными суконными клёшами, выданные год назад в училище изношенные ботинки, старенький тренировочный костюм, пара рубашек, из которых он вырос ещё в школе, да восемьсот материнных рублей в кармане, чтобы хватило на среднестатистическую неделю ожидания в порту, по сто рублей в день на хлеб и молоко. Больше, чем необходимо, он у матери никогда не брал. А на судне харч бесплатный.

Впрочем, был ещё другой уровень, вернее, другая шкала ценностей, о которой он про себя никогда не забывал: медаль в школе, отличное завершение двух курсов, дававшее возможность учиться за государственный счет и получать дармовое обмундирование (ту самую форменку, клеши, бушлат, пару тельников и т.д. вплоть до широкого ремня с якорем на бляхе, которым можно было устроить шпану в уличной потасовке), да вспыхнувшая ещё в раннем детстве страсть к книжкам, особенно приключенческим, что, собственно, и стало причиной того, что он, паренёк из бедной семьи, живший в захолустном городе в глубине России, видевший море и за границу только по телевизору, абсолютно ничего не знавший об этой профессии, вдруг надумал — наперекор матери и школьным учителям, прочившим ему успехи в более спокойных и уважаемых сферах, вопреки даже собственным закрадывающимся сомнениям — пойти в моряки. По этой шкале он чувствовал себя вполне самостоятельным, нередко сознавал внутреннее превосходство перед теми, кто выделялся связями или богатством (а таких у них на курсе было довольно), даже позволял себе относиться к некоторым людям и явлениям жизни немного свысока, хотя имел уже достаточно опыта, чтобы знать, что эта его внутренняя шкала почему-то не совпадает с житейской иерархией, и его вероятные достоинства, равно как несомненные достоинства его матери и ещё нескольких близких ему людей, никогда не будут должным образом вознаграждены.

Тем более неожиданным подарком судьбы стал для юноши поджидавший его теплоход. Но, как часто бывает у впечатлительных людей, нечаянная удача стала причиной смутных тревожных предчувствий.

Пока он поднимался на судно по длинному шаткому трапу, сверху на него смотрели, облокотившись на фальшборт, несколько человек. Вахтенный матрос, коренастый коротышка в наглухо застёгнутом чёрном кителе, с засаленной повязкой на рукаве, без лишних расспросов звонком вызвал штурмана. Пока Бугаев ждал, смущённо переминаясь с ноги на ногу под любопытными взорами, на палубу из надстройки вышла светловолосая девушка.

— Гляди, Светлана, помощника тебе на камбуз прислали, — громко сказал один из стоявших возле трапа.

— Точно. Будете вместе картошку чистить. А то ты чего-то долго не рожаеть! — поддакнул другой, гогтнув.

— Не от тебя же рожать! — привычно нашлась девушка, машинально (а может, и не без интереса) переведя взгляд на Бугаева. Он успел удивиться её блестящим и ясным, но как будто незрячим, целиком сосредоточенным на каких-то далёких неведомых предметах глазам.

Появился вахтенный помощник, молодой толстяк с длинными сальными волосами, стянутыми на затылке в узел, повёл его вверх по трапам и коридо-

рам. Заскочив ненадолго в каюту старшего помощника капитана, велел ждать у двери и удалился. Миша суетливо пригладил вихры на голове. В приоткрытую дверь можно было разглядеть на диване седоватого человека лет пятидесяти, в клетчатой рубашке с коротким рукавом, что-то говорившего высокому красивому блондину в синем комбинезоне, стоявшему перед ним. Тот отвечал громко, чёткими, отрывистыми репликами, в которых звучал прибалтийский акцент, — вначале как будто оправдывался, а затем с нотками раздражения, всё более и более повышая тон. Миша не разобрал, о чём речь, да и неловко было прислушиваться. Минут через пять блондин вылетел в коридор и промчался мимо с красными пятнами на лице, что-то сердито про себя бормоча. Дверь после него осталась нараспашку. Хозяин каюты заметил Бугаева и коротким кивком пригласил его зайти.

Невольно подсмотренная ссора настолько поразила Мишу, что он переступил порог с тяжёлым сердцем. Однако старпом показался спокойным и даже приветливым.

— Вы сами-то откуда? — спросил он, просмотрев документы.

— Там написано, — сказал Миша.

— Я не про то. Фирма известная. Спрашиваю, откуда родом?

Когда услышал ответ, сказал задумчиво:

— Вон как! И чем ваши места славятся? Наверное, грибов там сейчас в лесу!.. Вы не робейте. В России много отличных мореходов из лесных краёв вышло, даже адмиралы были знаменитые. Усерднее вникайте в дело, не стесняйтесь спрашивать. В училище ведь больше теории учат, здесь другое нужно... Как у вас с языками? Знаете, как название судна переводится?

— Мм... Весна, наверное. «Глобальная весна»?

— Верно. Мы судно весеннее, оттепельное. Заморозков не любим. Хотя есть и другие толкования, очень уж слово многозначное... За границей раньше бывали? Ну, по турпутевке или ещё как?

— Откуда? Мать библиотекарём работает, только-только на прокорм хватало. Теперь в казарме живу.

— В экипаже, — поправил старпом. — А отец?

— Отец умер, когда мне двенадцать лет было... У меня к вам просьба. — Миша расхрабрился и решил сразу разъяснить неприятное сомнение, возникшее после сценки у трапа. — Хотелось бы работать... в соответствии с моей квалификацией. То есть не картошку там чистить, не полы подметать...

— На судне полов нет, есть палуба, — сказал старпом с лёгким укором. — Жабин! — неожиданно крикнул он кому-то в коридор.

В проёме двери появился неуклюжий парень с крупным носом, в засаленных куртке и штанах, в кирзовых сапогах с отворотами.

— Когда же ты свою робу постираешь, Жабин! А следы за тобой смотри какие! Здесь ковры, а ты в промазученной обуви шатаешься. Где боцман?

— Он только что у вас был.

— Знаю, что был. Сейчас где?

— В первый трюм спустился. Вы же его туда...

— Ладно. Сипенко позови ко мне!.. Значит, квалификация, — повторил старпом, снова поворачиваясь к Бугаеву. — Вы человек умный, интеллигентный, по образованности на голову выше простых матросов. На судне народ ушлый, не давайте лишних поводов над собой насмехаться. А приборка — в ней ничего зорного нет, нам всем время от времени прибираться приходится. Я вот до сих пор... Иван Егорович, заходи.

В каюту скромно вошёл суховатый пожилой человек небольшого роста. По извоженной в пыли и древесных опилках одежде, по неостывшим жилистым рукам, по раскрасневшимся щекам на морщинистом лице видно было, что его в самый разгар оторвали от какой-то усердной работы.

— Вот тебе пополнение, — сказал ему старпом. — На практику прислали, на один рейс. Михаил... Как по батюшке-то? Смотри, и отчество хорошее. У нас уже есть один Митрич, ещё будет... Посели его в тринадцатую каюту, к Черне-

цу. Робу подбери, хоть бэушную, что ли, у него ведь, кроме курсантской формы, и нет, поди, ничего...

— На уборку поставить или как? — спросил моряк.

— На палубу. Присмотри за ним первое время, объясни, что к чему. Боцману сейчас не до того.

— А ещё народу пришлют?

— Никого нам больше не пришлют, Иван Егорович, экономия нынче. Как-нибудь управимся. Да скажи Жабину, чтобы не шлялся по верхним палубам. В прежнее время матросы даже на вахту только по наружным трапам поднимались, а теперь, понимаешь, на лифте ездят куда хотят. Избаловался народ, Иван Егорович.

— Избаловался, Владимир Алексеевич!..

Каюта, куда привел Мишу старший матрос Сипенко, была рассчитана на двоих, с двухъярусной кроватью под пологом, узким диванчиком, раковиной с краном для умыванья и небольшим столом возле иллюминатора. Нижняя койка, судя по примятой постели, была кем-то занята. Едва Миша успел сбросить на диван сумку с вещами, как позвали обедать.

В столовой команды Иван Егорович указал ему постоянное место. Сам сел на дальнем торце длинного стола, ближе к камбузу. Несколько человек уже ели. Напротив Миши громоздился, сверля его белёсыми глазами, большеротый, носатый Жабин. Обед накрывал смуглый юноша в белой курточке, с широким плоским лицом и косыми щёлочками глаз. Через раздаточное окошко Мише был виден на прострел квадратик камбуза с плитой, возле которой мелькала иногда женская фигура.

Стул во главе стола занял стремительно вошедший боцман.

— Хо-ро-шо си-дим! — пошутил он, ударно выговаривая каждый слог. — Времени мало, быстро давайте. Скоро перетяжка.

— Опять, что ли, на двадцатый? — пробурчал Жабин, недовольно топыря толстую губу. — У меня башка болит, не пойду. Делать им нечего, таскают взад-вперёд...

— Не пойдёшь? — задорно сказал боцман. — Ну так списывайся на берег! Мы тебе замену найдём! — И многозначительно стрельнул глазами в сторону Бугаева.

— Замена, как же, — ворчал Жабин на полтона ниже, как будто специально для одного Миши, но на этот раз не поднимая на него глаз. — Присылают всяких блатных, тать. Он тут наворочает, тать, до утра не распутаешь, впенду нажить...

Миша внутренне напрягся и про себя решил держаться от этого вредного парня подальше. Жабин тем временем продолжал бурчать, перескочил на другие предметы, заведя теперь что-то о доплате за перевозку опасных грузов, при этом так густо, бестолково и занудно матерясь, что боцман не выдержал:

— Такие слова вредны для пищеварения! — После чего сказал примирительно: — Я этих вопросов не решаю. Вот будет общее собрание, там и скажешь.

— Как же, станет крысятник меня слушать!.. — Жабин выхлебал компот, с шумом всасывая разваренные сухофрукты, ударил кружкой об стол. — Башка трещит! Пойду полежу.

За минуты, пока обедали, Бугаев успел проникнуться симпатией к уверенному, жизнерадостному боцману. Особая манера держаться и акцент только добавляли ему какого-то европейского лоска. Судя по всему, он был человеком остроумным, хладнокровным, с врождённым чувством долга и порядочностью (качества, которые Миша страстно искал в людях и которыми более всего дорожил), и оставалось только гадать, что же могло так вывести его из себя в разговоре со старпомом.

Когда Бугаев, ещё недостаточно хорошо ориентируясь в коридорах надстройки и успев изрядно поплутать, попал в свою каюту, там находились двое. На нижней койке сидел приземистый крепыш, первым встретивший его у трапа, всё в том же чёрном кителе, а на диване — кареглазый курчавый человек в ладно сшитом клетчатом пиджаке бежевых тонов, с подвижным лицом и высоким

голосом. Этот назойливый голос, услышанный Мишей ещё из-за двери, и стал первым впечатлением.

— Спринг э лик, — говорил незнакомец. — Спринг — и на дно! Да вот спроси у студента, он язык учил, то же самое тебе скажет. — Курчавый первым обратил внимание на вошедшего Мишу, предупредительно отсел поближе к столу, освобождая место на диване. — Меня зовут Александр Васильевич Сикорский. Если подождем, то Саша. А вас? Я говорю Андрею, — он кивнул на матроса в кителе, продолжавшего сидеть неподвижно, с мрачно-скептическим выражением лица, — говорю, что «спринг» в конце-то концов означает «тонуть». Спринг э лик — значит иметь дырку ниже ватерлинии и большие проблемы. Какой умной голове пришла идея так назвать пароход, а?

— Чур тебя, чур, — серьезно возразил матрос в кителе, не меняя позы.

— Ну да! А где твое знаменитое «бленах..»? Михаил, когда будешь с ним жить, не удивляйся: у него на все случаи жизни есть одно волшебное слово. «Иди ты, бленах..!», «Работай, бленах..!», «Сиди, бленах..!», «Давай выпьем, бленах..!»

— Давай выпьем, бленах.., со знакомством, — сказал матрос. — Андрей Чернец! — Он протянул Мише короткопалую жесткую ладонь.

— Я же говорил! — восхитился Александр Васильевич, радостно оборачиваясь к Бугаеву. — Никакое это у него не ругательство. И ещё одно словечко есть... Вылетело из головы. Ну напомни, как ты ещё говорил?

— Дай повод — напомню.

— А, вот: «И песец». Кончил дело — «и песец». Вот это мне нравится. Великий и могучий! Просто музыка. Всю бы жизнь слушал... А кто ставит?

— Я ставлю.

— Ну да! У тебя есть?

— У меня всегда есть.

Андрей неожиданно шустро вскочил, вытащил из рундука и поставил на стол початую бутылку со стаканами. Затем выглянул в коридор и крикнул громовым голосом:

— Матрос Жабин, на выход!

Издали донеслась ворчливая матерщина.

— На выход, говорю! — ещё более грозно крикнул Андрей и захлопнул дверь.

— Пашку зовёшь? — спросил Александр Васильевич, зевнув. — А ваш литовский воевода... Как бишь его? Герман Ругинис? Он с вами выпивает или больше втихаря?..

— Боцман вообще не пьет.

— Ну да! Тёмная лошадка?

— Нет. Прынцypi-ал-но.

Андрей произнес это слово с нарочитым акцентом, словно подражая боцману. Александр Васильевич и Миша прыснули.

— А Сипенко? — продолжал расспрашивать Сикорский.

— Егорыч — он экономный, — лаконично пояснил Андрей.

— Понятно. Иван Стаканыч — полбанки на ночь... Что ж, в его возрасте не разгуляешься.

В ожидании Жабина присели к столу.

— А вы где... живёте? — спросил Миша Сикорского, слегка запнувшись.

Тот оценил суть вопроса и заминку.

— Сами мы не здешние!.. Я механик. Когда вас на палубе водичкой поливает, когда у штурманов на мостике поджилки трясутся, я сижу себе в тёплом машинном чреве и в ус не даю...

— Если надо, парку поддашь, веничком потрюхаешь, — вставил Андрей.

— Вот-вот! Ничего не вижу, ничего не слышу. Твою мореходку кончал, между прочим, — повернулся он к Мише. — Ох, давно это было! Года три назад. А то и все четыре... Кстати, насчет чрева, ребята. Однажды мы стояли в ремонте. Машина разобрана, цилиндры распакованы. А тут к нам приводят взвод зелёных

погранцов — тренировать, значит, как нужно досмотр вести, где и что искать. Командир ихний нам говорит: сейчас мы спрячем в цилиндре одного человечка, вроде как лазутчика, вы его временно закройте крышкой, а мои ребята будут искать. Ну, залезает парень в цилиндр, мы его аккуратненько накрываем. Запускают взвод — те ничего, конечно, не находят. Начальник устраивает им разнос: ах вы, салажата, не догадались в цилиндр заглянуть, а там как раз лазутчик сидит!..

— Бленах... — добавил Андрей, внимательно склонив к рассказчику ухо.

— Бленах... Но самое смешное дальше. Вышли мы из ремонта, идём в рейс. Машина под парами, через полчаса назначен отход. Приходит досмотровая комиссия, из тех самых ребят. Уже учёные, значит. И говорят «деду»: а ну-ка, кто там у вас спрятан в цилиндрах? Отвинтить крышки! «Дед» им: вы что, друзья, опупели, машина запущена, кто же в работающем двигателе на поршне усидит?!

— Где-то я слышал это раньше, — флегматично заметил Андрей. — У нас на северах.

— Ты слышал, а со мной такое было, — не растерялся Александр Васильевич.

Ввалился носатый Жабин:

— Чего разорались? У меня башка трещит, я только заснул...

— Иди сюда, поправим.

— Вы чего тут... С этим? — Он бесцеремонно устался на Бугаева.

— Да. Он со мной будет жить, — сказал Андрей.

— Ну, Андрюха, теперь держись.

— Вы что, ребята? — вступился за новичка Сикорский. — Михаил свой парень. Года через три, может, штурманить сюда придёт, а там и до мастера недалеко. Давайте-ка за успехи студента! И всем нам того же, конечно... — Он поднял свой стакан и отпил плоток.

Миша скосил глаз на матросов и вслед за ними отважно выпил до дна.

— А чего это старпом утром на боцмана окрысился? — решил спросить он. Ему не столько хотелось выяснить тайну сороры, сколько поскорей стать в этой компании своим, усвоить общий тон, принять их приоритеты. К тому же, за обедом узнав Ругиниса поближе, он теперь так всё себе и представлял: что боцман отстаивал какую-то правду, а старпом на него наезжал.

— Ха! «Окрысился». Это ты угадал, — одобрил Андрей.

— Потому что крысятник, — пробурчал Жабин. — Видал по телевизору опыты? Крысу сажают в клетку, а после бьют током. Или химией травят. Вот и мы здесь такие крысы...

— Кончай, ребята, — Александр Васильевич почему-то поёжился. — Кто там кого травит... Все под богом ходим. Нет, знаете, что мне больше всего понравилось? Как они обнимались. Подкладывала малолетку под мужиков, а потом по головке гладила!

— Вы про что? — спросил Миша.

— Вчера в новостях показывали. Мать продавала свою дочь. Вообразите у нас такой сюжет при Советах, а? Да чтобы по телику на всю страну!..

— Это хорошо, что правду говорят. — Миша почувствовал, что захмелел, ему стало легче в незнакомой компании, напряжение ушло. — Чем больше будут говорить, тем скорее мы станем нормальными... Ну, цивилизованными. Как на Западе.

— Понятно, — сказал Сикорский. — Только я не уверен, что такая гласность людям на пользу. Дурные примеры заразительны, особенно когда дело касается дурных денег...

— Вы что же, хотите вернуть, как было? — задиристо вскинулся Миша.

— А ты что, помнишь, как было? — с иронией спросил Андрей.

Только тут Мише пришло в голову, что этот чудаковатый коротышка, наверное, старше, чем показался на первый взгляд, — старше и Жабина, и Александра Васильевича: что ему где-то под сорок.

— Я-то не помню, конечно, но есть универсальные ценности, которые не обсуждаются...

— Например?

— Например, свобода. Или демократия...

— Ох, если б знать, что это такое! — выдохнул Сикорский, не ждавший от вихрастого практиканта такой горячности. Он уже корил себя, что неосторожно набрёл на скользкую тему.

— Ты за границей-то бывал? — в лоб спросил Бугаева Жабин.

— Нет ещё, в первый раз иду. — Миша смутился.

— А чего тогда про Запад трепешься? Чем на Западе лучше? В магазинах у нас всего навалом, баб красивых — захлебись...

— Ты не понял, — вспыхнул Миша, — я как раз говорю, что у нас сейчас как на Западе, что восстановлены ценности, которые раньше попирались...

«Палубной команде по местам стоять», — прохрипел репродуктор.

Сикорский с облегчением поднялся:

— Побегу в машину, меня же «дед» убьёт!

— Какая тебе машина! Перетяжка, бленах.., — бросил ему вдогонку Андрей, прибирая пустую бутылку и стаканы.

В коридоре Жабин не спеша двинулся на корму, Мишу Андрей за локоть уверенно потащил в другую сторону:

— Егорыч сказал, ты с нами на баке будешь.

Перешвартовывались на соседний причал. По команде с мостика скинули с кнехтов и ослабили носовой шпринг (стальной витой трос толщиной с руку), докеры на причале подхватили тяжёлую петлю и понесли её на другую тумбу, далеко впереди. Третий помощник капитана Бородин, тот самый одышливый молодой толстяк, что был на вахте и сопровождал Мишу к старпому, привстал на кницу и, перегнувшись через фальшборт, показывал докерам, куда его крепить, одновременно в микрофон докладывая обо всём на мостик. Приказы оттуда раздавались по громкой связи, Миша узнал голос старпома. Тем временем на корме, где должны были орудовать старший матрос Сипенко с Жабиным (за надстройкой не видно, да и расстояние между баком и кормой — не меньше полутора метров), ослабили продольный конец, и другая пара береговых швартовщиков поступила с ним так же — потащила вперед, к носу судна. Стравили прижимные концы на баке и на корме. Затем началось главное: Андрей осторожно стал сбрасывать с другого кнехта носовой продольный, частично освобождённый трос начал было скользить в клюз, Андрей ловко зажал его ногой на ребре литого фундамента и накинуд цепной стопор, а боцман в тот же миг несколько раз намотал свободный конец троса на турачку брашпиля и включил мотор: турачка завертелась, трос натянулся, Андрей снял стопор и подскочил к боцману, перехватывая у него конец двумя руками; боцман увеличил скорость, мотор загудел, трос спружинил и скользнул по турачке, посыпались искры...

— Гера, стой, бленах..! — крикнул Андрей, которого в момент отдачи рывком бросило на брашпиль. — Стой, ещё один шлаг положу.

Набросил на барабан четвёртую петлю упировавшегося троса, подумав, положил ещё и пятый шлаг (боцман удовлетворённо кивнул), снова откинулся назад, удерживая конец всем телом. Боцман врубил полную скорость.

— Уходи, Митрич! — кричал Андрей третьему штурману, все ещё стоявшему на приступке возле самого клюза. — Уходи, шибанет!..

Длинный швартов натянулся, как струна, судно дрогнуло. Андрей быстро перебирал руками, откидывая высвобождавшиеся петли, берег медленно поплыл назад...

Миша неприкаянно стоял по другую сторону от брашпиля за спиной боцмана. Голова после выпивки немного ещё кружилась. Он рассеянно думал, какая это естественная и, в общем, примитивная вещь — морское дело. Всё подчинено простой механике и здравому смыслу. Как в ремесле плотника, каменщика или, к примеру, в крестьянском хозяйстве. Чтобы стать хорошим моряком, совсем не нужно учить шесть лет высшую математику, сопротивление материалов и философию.

Из оцепенения его вывел третий помощник.

— Ты что, не видишь, трос путается под ногами? — заорал толстяк над самым ухом Миши, показывая на выросшую за спиной Андрея гору стальных колец. — Ты что, глазеть сюда пришел? Быстро убирай!

Миша растерялся, ухватился за липкую стальную петлю голыми руками, поволол её по палубе куда-то в сторону, к борту...

— Куда!!.. На вьюшку наматывай!

— Не надо! — возразил боцман, обернувшись. — Сейчас будем его снова подавать. Разнеси по палубе. Возьми голицы!

— Выброску привязывать умеешь? — спросил Андрей.

Миша лихорадочно соображал. Он не успевал реагировать на всё, что на него сыпалось с разных сторон. Но выброска — да! Это он помнил по занятиям в училище, это приятная и лёгкая работа. К тросу привязывают длинный тонкий линь с мягким грузом на конце, этот груз кидают на берег, там линь подхватывают и уже за него подтягивают швартовный трос... Выброску, вспомнил Миша, необходимо привязывать к боковой стороне огона, чтобы линь не зажал при швартовке между тросом и тумбой. Кажется, выбленочным узлом. Выбленочным с петлёй.

— Умею! — торопливо сказал Миша. — Я сейчас.

Вдвоём со штурманом подтащили к клюзу петлю троса, крепко привязали продетый с наружной стороны линь.

— Кидать умеешь, студент? Давай! Эй, там, берегись!

Причал был рядом, прямо под скулой судна. Докеры внизу задрали головы и ждали броска. Не докинуть было невозможно. Мише хотелось сделать это красиво, чтобы хоть немного подняться в глазах боцмана, Андрея и штурмана-придиры. Раньше он видел, как это делают матросы: берут бухту с грушей, широко замахиваются, и груша красиво летит по параболе, разматывая в воздухе кольца бухты, а затем мягко шлёпается и катится по причалу...

Спутанная бухта на коротком поводке, привязанном к швартову, спружинила назад, почти невозможным образом, вопреки закону притяжения, скользнула в обратную сторону по отрицательной параболе — и груша ухнула в узкую щель между бортом и причалом, увлекая за собой весь линь. Прямо в воду.

— Морская серость! — в сердцах отчеканил боцман.

Рабочие на причале смеялись. Лицо Бородина налилось кровью.

«На баке, что там у вас происходит? — возмутились на мостике. — Доложите о подаче продольного!»

— Сейчас, — смущённо хрипел в микрофон третий помощник. — Сейчас подадим. Заминка.

Боцман отошёл от брашпиля, свесился далеко за борт, ухватил привязанный к тросу конец выброски и вытянул её всю из воды. Небрежно кинул мокрую грушу на причал к ногам докеров, подтолкнул трос в клюзе...

Тут случилось то, чего, видимо, никто не предвидел. Боцман со штурманом в суматохе недоглядели, а Миша вообще не мог знать. Раскинутый по палубе широкими шлагами толстый стальной трос под тяжестью огона заскользил вниз, набирая скорость.

После всех промахов и перенесённых унижений Миша находился в ступоре. Он уже не думал о том, чтобы реабилитировать себя, вовсе не собирался кидаться грудью на амбразуру. Но он видел устремившуюся за борт стальную змею, запрыгавшую, зарохотавшую по палубе своими тяжелыми кольцами, и подсознательно чувствовал, что это вне плана, этого никак не должно быть. И так же подсознательно перед его глазами возникла картина, как всего несколько минут назад одним движением ноги Андрей ловко остановил рванувшийся было в клюз трос. В этот миг один из скачущих шлагов упал на ребро кнехта, на то самое место, где недавно придержал трос Андрей, и Миша, не отдавая себе отчета, подскочил и наступил на него носком ботинка...

Что было дальше, он сам не смог бы описать. Чудовищная змея билась под его ногами, ускоряя бег, ударяла по бедрам и рукам, пыталась опутать, повалить и затянуть в железную дыру, порвать там на клочки, а он плясал на ней, инстин-

ктивно выделывал безумные антраша, чудом уходя от бешеных удавок, от испуга лишившись всякого соображения.

Когда трос, напоследок с силой рванув приваренную к палубе вьюшку, до конца смотался в воду и застыл, Миша нетвердо отступил от кнехта и прислонился к фальшборту, ошеломлённо оглядываясь кругом с жалкой улыбкой. Лицо третьего штурмана из пунцового сделалось землистым, а у боцмана дёргалась щека.

— С меня же голову снимут! — пробормотал Бородин.

— Кто-то за тебя молится, — сказал Мише боцман, глядя на него, как тому казалось, с презрением.

— Какой-то охеренный праведник, — невозмутимо подтвердил Андрей.

После швартовки Миша лежал в каюте на верхней койке, отвернувшись к стене. Теперь он точно знал, что морская работа не для него, и лихорадочно искал выход из положения. Отправляться в рейс на этом судне было невысказано. На него станут показывать пальцем и смеяться в лицо. Распоследней чурбан, какой-нибудь Жабин будет смотреть на него сверху вниз, как смотрел боцман. Его отправят драить туалеты и мыть кастрюли, справедливо решив, что ни на что другое он не способен. Хорошо, что всё разрешилось так скоро, пока он ещё не вышел в рейс; списаться на берег где-нибудь за границей было бы сложнее. Сейчас он просто пойдёт к старпому, заберёт документы, сойдёт с трапа со своей сумкой, как пришёл сюда, ни с кем не прощаясь и ни на кого не глядя, а там... Дальше начиналось, конечно, самое тяжёлое. Предстояло как-то объяснить свой поступок в училище, заявить, что он не хочет плавать, и приготовиться к крутой перемене судьбы. Возможно, его сразу отчислят и отправят служить в армии. В лучшем случае, учитывая хорошую успеваемость, разрешат перейти на другой факультет, учиться на какого-нибудь экономиста или диспетчера в порту. Скучная и совершенно чуждая профессия случайным образом свяжет его на всю последующую жизнь. Предстояло признать своё поражение дома — перед матерью, бывшими учителями, друзьями, знакомыми... Всё это казалось обвалом жизни, чуть ли не хуже самой смерти. Он снова и снова начинал искать выход и неизбежно шёл по тому же кругу.

«Боцману Ругинису срочно подняться в каюту старпома!» — несколько раз прохрипела принудительная трансляция голосом, похожим на голос третьего помощника.

«С меня же голову снимут», — вспомнилось Мише. Похоже, Бородин предупредил события и изложил начальству свою версию происшедшего. А старпом на боцмана имеет зуб, он будет рад возможности свести счёты. Боцман не станет оправдываться и объяснять, не такой это человек. Да и кому объяснишь, разве что капитану? Только капитан может предотвратить расправу. А рассказать ему всю правду может только он, Миша. Призвав в свидетели, если понадобится, Андрея Чернеца. Матрос сам заступаться не пойдёт, но и вилять, когда призовут к ответу, не будет. А Мише теперь нечего терять: возьмёт всю вину на себя и покинет судно. Надо будет сказать капитану напоследок: «Гоните вы отсюда этого старпома!» Или лучше так: «Я всё равно ухожу, но мой вам совет: гоните вы этого крысятника, иначе быть беде!»

Он решительно поднялся и прыгнул с койки. Надо было торопиться — капитан со старпомом после рабочего дня могли сойти на берег, ищи потом концы и требуй свои документы непонятно у кого...

Пошёл наугад, подозревая, что капитанская каюта должна быть где-то близко от каюты старпома, возможно, на той же палубе. Впереди него как раз поднимался по трапу боцман — обернулся на Мишу сверху, глянул пронзительно, но ничего не сказал. На командирской палубе боцман свернул налево, к старшему помощнику, Миша направился в другую сторону и скоро упёрся в нужную дверь. Постучал не без трепета.

Капитан сидел за столом перед ноутбуком. Выглядел он лет на тридцать пять — сорок: вальяжный суровый мужик с короткими усиками, густой вол-

нистой шевелюрой над крутым лбом, насупленными бровями и заметно выпирающим под белой сорочкой брюшком. Обратил на вошедшего строгий взгляд, снова углубился в работу. Миша скромно стоял у двери.

— Я вас не вызывал, — бросил наконец мастер после затянувшейся паузы, уже не оборачиваясь.

— Товарищ капитан, я на вашем судне первый день, — вымолвил Миша. — Разрешите представиться...

— Это не нужно, — оборвал мастер. — В чём дело?

— Дело безотлагательное. Как раз сейчас, в эти самые минуты, старший помощник чинит несправедливую расправу над боцманом.

— Что?! — Капитан оторвался от работы, всем телом повернулся вместе с креслом и уставился на Мишу с изумлением.

— Я допустил во время швартовки на баке грубые ошибки, — торопливо продолжил Миша, плотая слова и дрожа всем телом. — Не докинул выброску, затем утопил трос... То есть трос сам пошёл, а я пытался его остановить... Нарушил технику безопасности. Я виноват и должен понести наказание, но боцман тут ни при чём. Он, наоборот, удерживал меня. Утром я оказался свидетелем его ссоры со старшим помощником и теперь боюсь, что мои промахи станут поводом, чтобы расправиться с Ругинисом. Пожалуйста, возьмите это дело под ваш личный контроль.

Скользнувшее было по лицу капитана в начале этого монолога подобие улыбки быстро исчезло, сменившись хмуро-непроницаемым выражением.

— Похвально, что вы признаёте свою вину, — проговорил он с внушительной расстановкой. — Но плохо, что забываете о субординации. Когда старшина роты даёт вам два наряда вне очереди за нечищенные ботинки или плохо заправленную постель, вы что, сразу к начальнику училища бежите?

— Я пришёл к вам не жаловаться и не доносить, — вымолвил Миша упавшим голосом. — Я пришёл защитить невиновного. Мне здесь уже ничего не нужно, я...

— Запомните, ваше мнение о ваших непосредственных начальниках меня интересует в самую последнюю очередь. Надо не обсуждать начальников, а подчиняться их приказам. И больше без вызова не являйтесь. Идите и работайте.

С этими словами мастер отвернулся к компьютеру, не оставляя ни малейшего шанса на продолжение беседы. Миша попятился к выходу. О дерзкой заготовке насчёт старпома-крысятника он уже и не вспоминал.

Остаток времени до ужина Бугаев одиноко провёл на шлюпочной палубе. Ему не хотелось ни с кем встречаться. Слабый ветерок с причала наносил запахи речной гнили. Иногда лязгал портовый кран, слышались крики и перебранка докеров и тальманов, глухо ударялась о горловину трюма очередная связка груза. Грузили древесное сырьё — доски разной длины и толщины, в основном горбыль, кое-как стянутый стропами. Ещё на причале рыхлые связки начинали рассыпаться.

— Сортовой пиломатериал, — сказал Сипенко, незаметно подошедший сзади. — Во всяком случае, так в бумагах значится. Ты бы стал из таких досок строить?

— Строить? — растерялся Миша. — Смотря что... Хотя нет, они и на забор не пойдут. Только на дрова.

— И дрова худые, одно корьё. Копоти много, а жару нет. Ничего не научились производить. Продаём дерьмо, получаем шиш. Вот в Швеции, там умеют дерево ценить. Придём в Сундсвалль, сам увидишь. Ты, это... Заступишь на вахту у трапа. С двенадцати ночи, то ись с нуля.

— Я... не могу, — пробормотал Миша.

— Что ещё за «не могу»? — Егорыч растянул щербатый рот в простодушной улыбке. — Старпом назначил. Вас всего-то трое, больше некому. Жабин сейчас на вахте, Андрюха после тебя с восьмью заступит. Третий наш матрос, Женька, сегодня отстоял вахту и в отпуск ушёл, ты как раз на замену ему прислан. А что не всё у тебя получается пока, так быстро только кошки, это самое... Присмо-

трисся, и будет получаться. Сразу после ужина спать отправляйся, а то ведь не добудятся!

Егорыч устало заковылял на кривоватых ногах к наружному трапу, и Мише показалось, что он сейчас не на палубе океанского судна, а на окраине своего городка, и Сипенко не старший матрос, а живущий в соседнем домишке плотник дядя Вася, которого он знает давным-давно.

На ужин Бугаев отправился в растрёпанных чувствах, так ничего до конца и не решив. У трапа возле доски объявлений стояли боцман, сосед по каюте Андрей и механик Александр Васильевич. До Миши донеслись возмущённые слова Ругиниса:

— У него что, надстройку снесло с перепугу, или прикидывается?

— Он не прикидывается, — сокрушенно отвечал Александр Васильевич. — Он на самом деле такой.

Заметив Мишу, механик бочком отделился от собеседников и быстро скрылся в кают-компанию. Миша догадался, что разговор шёл про него.

Боцман ужинал молча, опустив глаза. Его настроение как будто передалось всем: Андрей не отпустил ни одной фирменной остроты, Жабин ни разу не выругался. Только Егорыч на своём краю негромко переговаривался о чём-то с лысым мотористом. Когда Миша поднялся из-за стола и вышел, боцман тотчас его нагнал:

— Откуда у вас бредовая идея, что меня нужно от кого-то защищать? Зачем вы ходили к капитану?

Не дождавшись ответа, махнул рукой:

— А, всё равно толку не добьёшься...

Андрея в каюте не было. Миша знал, что теперь не уснёт, а сидеть одному было невозможно. Он снова поднялся в столовую: там Андрей с лысым мотористом играли в шашки, а Егорыч подсказывал им ходы. Потом играли Андрей с казахом-стюардом (его звали Стёпой), а подсказывали уже двое. Миша включил телевизор и тупо уставился в него, не видя, что происходит на экране. Временами проваливался в темноту. В какой-то момент, уронив голову на грудь и оттого сразу очнувшись, увидел стоящего рядом старшего помощника. Больше никого в помещении не было.

— Что ж без звука-то смотрите? — спросил старпом. — Идите-ка лучше в постель, чем тут кемарить.

Миша вскочил.

— Я сделал глупость, — вырвалось у него от растерянности. — Ходил к капитану просить за боцмана... Чтобы его не наказывали за меня.

— Это хорошо, что вы понимаете, что сделали глупость.

— Верните мне документы. Даже если вы не отдадите, я всё равно уйду. После того, что случилось...

— А что случилось? Ничего не случилось. Давайте-ка присядем на минуту... Не нужно усложнять, это всё ваши нервы и воображение. Никто не погиб, не изувечен, ничего не сломалось. Ошибки совершают на каждом шагу даже опытные моряки, а вы только учитесь. Возможно, капитан разговаривал с вами не слишком ласково, но это оттого, что у него сейчас много действительно серьёзных забот, о которых нам с вами лучше не знать. Он забыл про вас в ту же минуту, как вы от него ушли, поверьте. Держите положенную дистанцию, не напоминайте о себе без надобности, и всё будет в порядке. Это не злопамятный человек, он не станет вас преследовать. Боцман тоже не станет, и он догадывается, что вы желали ему добра. Палубная команда — славные ребята, они пошутят и тоже забудут. А что вас ждёт на берегу? Крушение жизненных планов, чувство поражения? И разве там легче утвердиться среди людей, за что бы вы ни принялись? Я не имею права и не хочу вас удерживать, но попробуйте взвесить всё. — Старпом помолчал и зачем-то повторил задумчиво: — Я меньше всего хотел бы вас здесь удерживать. Но как знать, может быть, именно в этом рейсе вас ждёт первое в жизни серьёзное испытание на прочность... Вы ведь не простите себе потом этой слабости. Подумайте до завтра, а теперь поспите перед вахтой.

В каюте Миша всё-таки уснул, и в тот же самый миг, как ему показалось, его принялись бесцеремонно трясти за плечо. Он не сразу и сообразил, где находится. В темноте возле койки стоял Жабин.

— Поднимайся, — шипел тот прямо в ухо, чтобы не разбудить спящего внизу Андрея. — Меняется пора! Ну, проснулся, или мне ещё раз прийти?

На палубе было зябко. Холодное балтийское небо сложилось низкими чуть различимыми облаками. Миша пожалел, что не взял с собой из дому тёплый бушлат.

— Надевай мой ватник, потом отдашь, — расщедрился Жабин. — Смотри, куда повязка у тебя сползла, уронишь сейчас! Эх, штурмана...

Он показал, как опускать-поднимать трап (ночью, в целях безопасности, трап был приподнят над причалом), какой кнопкой вызывать вахтенного штурмана. Передал распоряжение по вахте: раньше других, в половине шестого, разбудить шефа...

— Шефа? — не понял Миша. — Это кто, старпом?

Жабин от возмущения даже отвернулся и произнёс несколько крепких выражений в сторону.

— Шеф — это повар, Светка Юнаева. Тут на бумажке номер её каюты записан. А в семь разбудишь Андрюху и второго помощника, сегодня он на вахте. Про Андрюху не забудь, он тебя меняет, до этого ему надо позавтракать успеть. Иначе будешь тут торчать до посинения... А старпом твой — крысятник, понял? Ты всё начальство успел облазить, с крысятником лясы точил. Смотри!

— Что ты несёшь? Я требовал у него документы, хочу списаться на берег.

— Списаться, говоришь? Значит, расчухал? Молоток! А у меня весь день башка трещала. От этого, наверное.

— От чего «от этого»?

— Сам знаешь. Ящики у нас в первом трюме, а что в ящиках — неизвестно. Тяжеленные, тонн под тридцать. Говорят, бомбы или ракеты. То ли химия, то ли радиация. Их сразу горбыльком прикрыли, чтобы портовый контроль за границей не приклепывался. И крысятника прислали сторожить. Этот старпом у нас меньше недели, раньше мы с другим плавали. Мужик был — задубись... Капитаном на контейнеровоз ушёл. Видишь, на причале двое с собакой? Вон, вон, напротив полубака! До погрузки их не было, а теперь каждую ночь дежурят. Смотрят, как бы кто ящики до отхода не спёр. А ты, значит, бежишь, как крыса с тонущего корабля? Всё верно, свои яйца ближе к телу. Я бы тоже сбежал, да потом с волчьим билетом никуда не возьмут. Они умеют это устраивать, у них система. Ну, будь!

Оставшись один, Миша принялся механически бродить по палубе: пять шагов от своего поста в корму, пять шагов обратно. Дальше отойти не решился. Иногда вглядывался в подсвеченные палубными огнями силуэты судовых кранов, за которыми в недрах трюма должны были скрываться таинственные ящики. Жабину он верил и не верил: очень уж комичную, на его взгляд, фигуру представлял собой этот матрос, да и предположения его были из разряда фантастики. Бомбы, секретные агенты — всё это выглядело чересчур увлекательно, такое Миша мог представить только в кино. Должно было здорово повезти, чтобы среди рутин и убожества матросской работы на этой загруженной дровами посудине, пришвартованной где-то в болотном краю, попасть в подобную переделку! Это всё равно что увидеть НЛО с зелёными человечками. Жабин злится на старпома, тот к нему придирается, вот и всё объяснение.

Другое дело, что Миша пока так и не решил, как ему поступить: остаться здесь или забрать утром документы и уехать. Старпом обещал, что не будет препятствовать. Но Жабин что-то говорил насчет «волчьего билета». Надо думать, какая-то нехорошая бумага непременно пойдёт отсюда следом за Мишей в училище, и это точно будет конец карьере. Готов ли он к этому? Теперь же примешивалось ещё одно щекотливое обстоятельство: есть на борту ящики или нет их, но его уход будет восприниматься Жабиным и другими (Жабин не такой человек, чтобы хранить молчание) как бегство от опасности. Сколь бы случай-

ным и кратковременным ни было пребывание Миши на этом судне, он не хотел прослыть среди этих людей трусом. Можно было вообразить, каким пренебрежительным взглядом одарит его на прощание боцман, как осклабится сосед по каюте Андрей, как искренне огорчится Иван Егорович, сколько язвительных шуток отпустит Александр Васильевич. Да и старпом... Стоп. Что — старпом? Если Жабин прав, то он знает о ящиках побольше других, и насмеяться ему вроде как не пристало. А если всё это выдумки и наветы, то тогда ему тем более не до смеха. Надо ведь как-то оправдываться перед экипажем...

Миша вспомнил странную многозначительную реплику старпома накануне вечером: о том, что рейс может стать серьёзной проверкой и уроком на всю последующую жизнь. Что он подразумевал — только ли обычные трудности и опасности в море? И почему подчеркнул, что не вправе и даже не хочет удерживать Мишу на судне?..

Два человека с овчаркой на поводке, на которых указывал матрос, вскоре стронулись с места, прошли от носа мимо трапа в сторону кормы, равнодушно поглядывая вверх на Мишу, и скоро скрылись из вида в темноте на соседнем причале. Скорей всего, это была обычная охрана порта.

Существовала ещё одна причина для задержки на судне, о которой следовало, наверное, подумать в первую очередь: деньги. Ведь он взял в обрез, не рассчитывая на обратную дорогу, — наоборот, надеялся хорошо подзаработать в рейсе. Теперь на билет до дому не хватало. Единственный выход — позвонить матери и попросить выслать телеграфом до востребования. А до прихода денег оставаться, конечно, здесь: хотя бы есть койка и кормят. Сколько ещё дней простоят судно в порту? Успеют ли прийти деньги?.. Миша вспомнил, что хотел позвонить маме ещё вчера, порадовать её, что благополучно устроился настоящим матросом и скоро отплывает в тёплые страны. Но вчера на него обрушилось так много неожиданных впечатлений и событий, что в суматохе это намерение как-то вылетело из головы. Мобильник был при нём, можно звонить хоть сейчас, кругом тихо, никто не мешает. Да только мать спит — не будить же? И что он ей скажет? От вчерашней эйфории не осталось и следа. Попросит прислать денег, объявит, что бежит с судна, уходит из училища, сжигает за собой все мосты и едет к ней, чтобы навсегда остаться дома? Бред, бред! Да если бы дома, а то ведь сразу в армию, и она тоже держит эту опасность в голове. Можно вообразить, как подействует на неё такая новость...

Так он всё бродил туда-сюда, как маятник, то сонно замедляя, то ускоряя ход в такт беспокойным размышлениям, пока нечаянно не обратил внимание, что фонари на палубе и на причале сильно потускнели, а на северо-востоке за бесформенными нагромождениями пакгаузов обозначились на зеленоватом фоне неба башенки городских строений. Он спохватился и взглянул на часы: было уже без двадцати шесть! Жабин ничего не сказал по поводу того, на кого оставлять пост, когда идёшь будить. Судя по всему, вахтенного помощника так рано тревожить не полагалось. А что, если он сам проснётся, выйдет на палубу как раз в эту минуту и обнаружит, что возле трапа никого нет? А если, не дай бог, выглянет старпом, а то и капитан?.. Как бы там ни было, выбора не оставалось. Миша ещё немного приподнял лебёдкой трап, чтобы на него нельзя было забраться с берега, внимательно оглядел в обе стороны пустынный причал и быстро прошёл в надстройку. На этот раз, обвыкнув, сориентировался довольно быстро: каюта повара была внизу, на той же палубе, где жили он и все матросы, но по другому борту. Дверь была немного приоткрыта; на него пахло теплом и какой-то ароматной косметикой. Он замешкался, раза три легонько стукнул в дверь костяшками пальцев. Услышал сонное «да!». Помедлив, стукнул ещё.

— Да, войдите! — недовольно сказал женский голос.

Он вошёл. В тёмной глубине каюты приподнялась на койке, наполовину занавешенной пологом, взлохмаченная голова. Затем матовая голая рука протянулась к выключателю над головой, и перед Мишей предстало заспанное лицо в обрамлении золотистых волос, которое он хорошо запомнил по вчерашней встрече на палубе. Светлана села на постели, машинально поправила волосы,

ещё непослушными пальцами попыталась собрать их на затылке в узел, обнажая подмышки в глубоких вырезах ночной сорочки, но спохватилась, встряхнула головой, окончательно прогоняя сон, и с удивлением подняла глаза на остолбеневшего Мишу.

— Ну? — спросила она совсем не грозно, без досады, как будто даже весело. И вдруг в самом деле рассмеялась, поднялась с постели, подошла к нему, крепко обняла, обдав новой, близкой волной тепла и ароматов, чмокнула в щеку и мягко подтолкнула к двери:

— Хорошо разбудил, спасибо. Беги.

Бежать после такого Миша, конечно, был не в силах, но что-то вынесло его на палубу, к трапу. Щёки горели, по лицу блуждала глупая улыбка. Он ещё долго не мог думать ни о чём, кроме обхвативших его шею мягких рук, прикосновения пушистых локонов и волшебного запаха чистого надушенного женского тела.

Остаток вахты пролетел незаметно. Нескромные фантазии рождались в голове, много разных мыслей толпилось, но чего там точно больше не было — это мысли о побеге. Вчерашние переживания, ночной разговор с Жабиным, недавние страхи, отчаяние, чувство безысходности казались просто дурным сном. Над портом вошло солнце, и всё вдруг предстало ясным и свежим, как само утро. Даже странно, что после бессонной ночи ощущался такой прилив сил. Но в самом деле: как можно было усомниться в этом заманчивом рейсе, сулящем столько экзотики, в этом огромном современном судне, в этих бывалых моряках, — разве не об этом он грезил с раннего детства, зачитываясь морскими приключениями? Какое затмение ума чуть было не отвратило его от воплощения мечты? Теперь он твёрдо верил, что создан именно для такой жизни.

Без пяти семь, до того как идти будить вахтенного штурмана и Андрея, Миша позвонил матери. Взволнованно описал ей судно и предстоящий рейс, сказал, что ни в чём не нуждается, обещал подавать о себе вести при первой же возможности — если, конечно, в море будет связь с берегом. По его голосу она что-то почувствовала, допрашивала с тревогой:

— Миш, кормят-то как? Там, наверное, всё пьяницы вокруг тебя? Ты уж не пей много-то, скажи, что тебе здоровье не позволяет. Да ложись вовремя, слышишь? И тяжёлого ничего не поднимай. А то развяжется пупок, на всю жизнь инвалидом станешь...

Ближе к восьми на палубу поднялся, зевая и потягиваясь, курчавый Сикорский, облокотился неподалеку от Миши на планширь. Вскоре появился и сменщик Андрей, как всегда невозмутимо-ироничный, вполне довольный жизнью после сытного завтрака, в неизменном кителе.

— Салют машине! — громко поприветствовал он механика. — Ну как там, внизу, соларка есть или всю выпили?

— Соларка-то? Да почти не осталось, — в тон ему откликнулся Сикорский.

— Не дрейфь, на Лайнере пойдём!

— Лайнер — это фамилия, — пояснил Александр Васильевич специально для Миши. — Электромеханика.

До восьми оставались какие-то минуты, можно было бы передать Андрею повязку и идти в столовую, но Миша держался, не торопил события, сладострастно оттягивая долгожданное удовольствие от стакана крепкого горячего чая с бутербродами. И тут на причал въехал чёрный лакированный лимузин.

Роскошная машина встала прямо у трапа. Сидевший рядом с водителем охранник услужливо распахнул заднюю дверь, оттуда один за другим не спеша выбрались два немолодых солидных человека в дорогих костюмах и при галстуках. У одного на рукавах чёрного пиджака золотились внушительные знаки отличия.

— Ого! — присвистнул со своего наблюдательного поста Александр Васильевич.

Миша сообразил, что прибыло большое морское начальство, — кто ещё мог заявиться в столь ранний час в подобном сопровождении? Трап к тому времени уже был опущен, стоял на причале; но Мише показалось, что тросы как-то по-

дозрительно обвисли, прижались к поручням, и это может начальству не понравиться. Он поторопился включить лебедку на подъём и немного просчитался; трап дёрнулся, поехал в сторону, и первый гость, уже успевший поставить ногу на нижнюю площадку, отпрыгнул и с изумлением посмотрел наверх.

Мишу обдало жаром. Впрочем, трап он тотчас приспустил, и этого секундного недоразумения больше никто, казалось, не заметил.

Визитёры поднялись на борт.

— Проводите нас к капитану, — сухо приказал тот, что был с украшениями на обшлагах.

Миша послушно ринулся к двери.

— Стой! Куда? — неожиданно резко одёрнул его стоявший поодаль Андрей. Подошёл к Мише, по-хозяйски стащил с него и нацепил на себя повязку, вдавил пальцем кнопку звонка. — Ты вахтенный, а не посыльный!

Когда явившийся на вызов штурман увёл посетителей наверх, Миша всё ещё стоял на палубе в замешательстве, смущённый агрессивной вспышкой соседа по каюте. Андрей застыл у трапа столбиком, немой и загадочный, как истукан.

— Осенью запахло, — мечтательно прервал молчание механик, тоже, наверное, испытывая неловкость.

— Говном пахнет, бленах..., — возразил Андрей. И вдруг снова налетел на растерянного Мишу: — Боишься обосраться?

— Брутальный народ! — попытался пошутить Сикорский, кивая Мише на Андрея. — Вам с ними будет нелегко.

— ...Нет ничего хуже! — яростно продолжил Андрей. — Особенно когда мастер боится обосраться. И перед чужими, и перед своими, и с начальством, и с подчинёнными. Когда им всякий вертит как хочет, а он выкручивается, врёт, сам барахтается в дерьме и всю палубу дерьмом обсирает!

— Тогда пиши пропало, — смиренно поддакнул Александр Васильевич.

— Да тут уж полный песец, бленах..! Ничего и писать не надо.

Глава вторая Мастер

Такого с капитаном Красносёловым за три с лишним года на «Global Spring» ещё не было. Судно работало в тайм-чартере у неприметной офшорной фирмочки, принадлежало небольшой финской компании «Микофрейт», менеджмент которой состоял почему-то сплошь из наших соотечественников; экипаж тоже был целиком российский, плавали под флагом Мальты — обычное дело для моряков страны, сорванной с якорей и катастрофически затянутой в мировой коловорот. За рубежом тоже есть всякое, в том числе и криминала хватает, но там практика судоходства отстаивалась десятилетиями, там белые, серые и чёрные разложены по полочкам. Обычно сразу знаешь, с кем имеешь дело: кто тебя может подставить с контрабандой, кинуть с зарплатой, вообще бросить где-нибудь в Азии на дырявой посудине с голодным экипажем на произвол судьбы, а кто доведёт до пенсии с хорошими бонусами и ещё обеспечит безбедную старость.

Конечно, Красносёлов догадывался, что «финны» — это не вполне финны, что там окопалась родная морская братва. Но, во-первых, они предложили неплохое судно, а он считался молодым, только начинал работать в капитанской должности, и ещё неизвестно, сколько бы ему пришлось поколотиться в старпомах у каких-нибудь греков; во-вторых, иметь дело со своими и выяснять щекотливые проблемы по-русски, в том числе и с экипажем, все ещё как-то привычнее; в-третьих, нынче рассуждать на тему «законно — незаконно» смешно: вся страна, начиная с правителей, живёт незаконно, зарабатывает невесть чем и прячет доходы; да и весь мир живёт незаконно, даже Европа тотчас затыкает свою либеральную глотку при угрозе настоящей силы; и если ребята из «Микофрейта» платят ему по высшему стандарту, как какие-нибудь немцы или

англичане, да ещё разрешают в порядке исключения держать сверх штата буфетчицу, нелепо задавать им вопрос, из какой тумбочки они вытаскивают деньги.

Все три года он ритмично ходил по одному и тому же не слишком дальнему маршруту, на зубок выучив фарватеры и вполне обходясь, где это разрешалось, без лоцмана, регулярно бывая дома и без задержек отгуливая отпуска — для моряка это стоит многого.

Кое-что нестандартное за это время случалось. Посреди рейса вдруг прикажут зайти на пустынный рейд где-нибудь в Африке да ещё выключить систему опознавания судна (но кому она нужна, эта система? Её только-только начали вводить, никакого контроля за пределами Европы пока не налажено); ночью к борту подойдет шаланда, скинешь на неё своими кранами пару контейнеров, по документам вроде как с детскими игрушками, — и все дела. В журнале, конечно, требовалась безупречная чистота. Задержка небольшая, каких-нибудь полсутков. Откуда? А был противный ветер, волна заливала палубу, там груз деликатный — пришлось сбросить скорость. Заходили только в Беджаю, где по документам и приняты игрушки. Штурмана свои ребята, всё понимают — тоже ведь не на луне купоны стригут. Палубной команде и мотористам вообще эти дела до лампочки: что везли, куда везли, что там в судовом журнале написано — только ушами хлопают; им лишь бы сверхурочные платили. Случается, попадётся какой-нибудь правдолюбец из молодых, начнет вынюхивать да пасть разевать, но тут уже многое зависит от дисциплины на судне и прежде всего от капитана. Нельзя проявлять слабину, давать повод усомниться. А вообще, от крикунов стараются обычно поскорее избавиться.

Но такого, как в этом рейсе, чтобы все на ушах стояли, — не бывало.

После отбытия чрезвычайных визитеров, которые проторчали у него за коныком два часа, окончательно заморочили голову и при этом умудрились почти ничего не сказать, Красносёлов позволил себе передышку, просто сидел с закрытыми глазами и думал. Остановить время, когда его попросту не осталось, — это особая привилегия капитана. Он нередко так поступал в самые критические моменты жизни и выигрывал. Неопытные и боязливые начинали суетиться, кидались из стороны в сторону, необдуманно хватались за соломинку и первыми шли на дно, а он выжидал, и время поворачивало вспять, начинало работать на него. После он делал то же, что пытались делать они, то есть спасался, но уже в других, гораздо более выгодных условиях. Так было при катастрофе «Академика Тряпкина», когда вся команда, в том числе и капитан, попрыгали в ледяную воду и погибли от переохлаждения, а он, тогда третий штурман, преодолев смертный ужас, заполз следом за опытным стармехом в полузатопленное машинное отделение, по примеру «деда» покрыл свое тело толстым слоем тавота и обмотался широким скотчем, а затем успел в последний момент выскочить на поверхность, попал в бушующий океан — и был один из всех спасен норвежцами. «Дед» оказался не таким проворным, застрял в стальной ловушке, пошёл на дно вместе с судном...

Вот и теперь он представлял, на что так или иначе придётся пойти, знал, что сделает это, но спешить не хотелось. Этот шаг при малейшей осечке мог обнаружить его слабость, открыть ту самую брешь, через которую в конце концов ворвется хаос. Прежде надо было спокойно обдумать ситуацию.

За обедом Красносёлов присматривался к сидевшему напротив старпому¹ (сноска!). Он знал Акимова всего пять дней — с той минуты, как тот появился на судне. До этого их пути никогда не пересекались. Послужной список Акимова говорил слишком уж о многом, то есть опять-таки почти ни о чём. И то перепробовал, и это, и в каких только переделках не бывал... Непростой человек, с двойным или даже тройным дном. Да ещё большая разница в возрасте — можно сказать, старше поколение. Что ему на этом судне понадобилось, откуда такая блажь — под старость бросать работу на берегу и снова идти плавать, да

¹ Если стол в кают-компании один, как было на «Global Spring», капитан его возглавляет, а старпом занимает противоположный конец, тоже как бы возглавляя свой край.

ещё в должности старпома? Тут требовалось воображение, нужно было что-то додумывать и даже дофантазировать, а капитан выдумок не любил. Он всегда опирался на конкретную сиюминутную реальность. Вот сейчас, например, — о чём там Акимов, не переставая, травит с третьим механиком, что у них может быть общего?

— Магросы совсем как дети, — говорил между тем старпом. — Обратите внимание, как они выражаются: «тать», «накить», «впенду»... Это же детский лепет! И воображают они вокруг этого своего лепета совсем по-детски: страшные слова и пугают, и затягивают...

— «Тать», «накить», «впенду», — с восторгом повторил Сикорский. — Грандиозно! Я бы никогда не додумался, что ниточка тянется из младенчества. Слушайте, а поп-музыка, все эти шлягеры? Это ведь то же самое! «По-ра-по-ра-по-радуемся», помните?

— Точно! Люди так и просятся назад в утробу. А их не пускают.

Слушая старпомовскую ахинею, капитан почему-то вспомнил другого новичка, нелепого мальчишку-практиканта, что ворвался вчера к нему в каюту. Оба они, старый и малый, словно какие-то «облаки в штанах». Искomой реальности с Акимовым не получалось. Есть, правда, два-три пунктика, по которым его можно прижать (и тут, кстати, спасибо мальчишке, подкинул лишнюю зацепку), но ведь этот иезуит увернётся. Делать нечего, нужно пробовать.

Капитан не стал вызывать старпома по телефону, сам заглянул к нему где-то через час после обеда. И снова удачно: у него как раз сидела повар Юнаева. Разговор шёл, судя по всему, приватный, повариха вся просто пылала, да и Акимов, увидев капитана, заметно занервничал. Юнаева, конечно, пробкой вылетела из каюты. Красносёлов сделал вид, что ничего такого не заметил.

— Владимир Алексеевич, ко мне сейчас два генерала заезжали... Да пойдёмка лучше поговорим в моей каюте, здесь у тебя... сквозит.

Когда уселись у капитана, старпом пошутил:

— Настоящие хоть генералы-то?

Красносёлов открыто поморщился.

— Да это я так, — поправился старпом. — Сейчас и правда все генералы, во всех фирмах бывшие гэбэшники сидят.

Капитан посмотрел на него пристально, но оставил реплику без внимания.

— Владимир Алексеевич, дело очень серьёзное, я буду просить вас соблюдать полную конфиденциальность нашей беседы. Приезжали из Москвы представитель фрахтователя и ещё кто-то замаскированный, с двумя широкими лычками и капитанским якорем на лацкане, он толком не назвался. Скорей всего, из МИДа или разведки. Короче, нельзя нам идти в Сундсвалль.

Если стол в кают-компаниии один, как было на «Global Spring», капитан его возглавляет, а старпом занимает противоположный конец, тоже как бы возглавляя свой край. В этом, помимо исключения подобострастия в отношениях, выражается определённая самостоятельность старшего помощника в делах и поступках.

Капитан внимательно наблюдал.

Внешне Акимов принял новость спокойно.

— В чём причина-то, Николай Николаевич?

— Получены сведения, что на подходе нас поджидают экологи. Ну, что это за экологи и чем они занимаются, известно... В общем, готовят скандал. Будут шмонать судно.

— Ну и что? Пускай досматривают. Портовый контроль имеет на это право, надо всегда быть готовыми. Другое дело, если это хулиганье какое, так на них полиция есть. Швеция — это всё-таки не Африка...

Мастер недоумённо откинулся на спинку кресла и какое-то время молчал. Нет, определён этот старпом или полный дурак, или очень ловко играет какую-то роль. Вот уж удружили с ним капитану в компании, в такой-то трудный момент.

— Вы не хуже меня знаете, Владимир Алексеевич, что у нас на борту груз.

— У нас много груза, Николай Николаевич. Одних только щепок полпарохода везем, не знаю, как матросы трюмы потом зачищать будут, бедолаги.

— У нас на борту ящики с буровыми установками, отгруженные в Сундсвалле назначением на Бенгази.

— Как — в Сундсвалле?..

— Так по документам. И не только в этом дело. Мы должны были принять там большую партию пиломатериалов. Теперь пойдём с недогрузом.

— Подождите. То есть ящики, которые лежат в трюме, мы только ещё должны были забрать в Швеции? Каюсь, Николай Николаевич. Проморгал. Жаль, что вы раньше мне об этом не сказали.

— Это бы что-то изменило?

— Да нет... Да. Возможно, я бы отказался идти на этом судне.

— Ещё не поздно. Давайте серьёзно, Владимир Алексеевич. Есть предположение, что кто-то сливает иностранцам информацию. Кто-то из тех, кто посвящён в дело.

— Николай Николаевич, откуда же нам знать, кто посвящён? Мы с вами друг про друга-то ничего не знаем, оказывается, что же о других говорить. И почему обязательно здесь, на судне? На берегу цепочки длиннее. Но если так, то второй помощник, может быть?

— Нынешний второй из подмены, он не в курсе. Штатный помощник тоже ничего не знает, он в отпуске, прибудет к самому отходу.

— Ну, не знаю, не знаю... Практиканта вот вчера прислали, башковитый паренёк. Может, он докопался, что к чему, и быстренько отстукал шифровку, а? У боцмана фамилия подозрительная... Беда с этими нацменами. Служат, как гвардейцы сатаны, а кому и чему служат — не понять. Империи вроде как больше нет, мы для них просто бедные некультурные соседи... Кстати, в детстве я слышал и понимал это слово, «нацмен», как «надсмен». Что-то такое высшее и лучшее, чем мы, русские. А ещё говорят, будто оно пренебрежительное, «имперское»... Еду однажды с отцом и матерью в метро. Лет шесть, наверно, мне было. Народу много, сидячие места заняты. И вдруг поднимается такой браваый высокий грузин и с галантным жестом матери место уступает — она у меня красивая в молодости была... А я не понимаю, что это всего-навсего грузин, для меня этот добрый смуглый великан никак не меньше француза или там инопланетянина какого, это уж без разницы, я тяну отца за рукав и шепчу восторженно: «Кто это? Кто это?» А он мне небрежно так: «Нацмен». Приревновал, значит. С тех пор и пошло. Вообще-то я грамотный был, но лет до двадцати писал «надсмен». Такой уж у нас менталитет: все иностранцы как боги...

— Всё издеваетесь, Владимир Алексеевич? Я смотрю, вы больше филологией увлечены, чем служебными обязанностями.

— А без филологии нынче куда, Николай Николаевич. Вы заметили, каким слогом мы с вами, командный состав, изъясняемся? «Сливает», «шмонать»... Между прочим, у матросов, я специально прислушивался, воровского жаргона меньше. Матерок — да, но первозданный, без этой уголовной шелухи. А мы без неё не можем. Она накапливается с повышением статуса, так сказать. И я вдруг подумал: а как же на самом-то верху наши паханы общаются? На каком наречии? Или уже без слов обходятся, с помощью одних только знаков? Ваши сегодняшние генералы — о чём хоть они говорили?

— Про вас ничего не говорили, можете быть спокойны. А вот у меня есть основания думать, что к сливу... к разглашению могли быть причастны вы.

— Ровно настолько, насколько и вы, Николай Николаевич. Это тупиковый путь, поверьте.

— Вы пришли сюда не с улицы...

— Я пришёл через парходскую контору, как и вы. Лично мне удружил бывший однокашник Тимоша Лихонос. Его зовут Тимофей Петрович, вы его наверняка знаете. Когда-нибудь, если захотите, я расскажу вам о нём поподробнее.

— И вы не в курсе?

— Ни сном ни духом.

— Как тогда понимать вашу вчерашнюю разборку с Ругинисом?

Капитан пошел ва-банк. Нет, Акимов и глазом не моргнул.

— Как понимать... Плохо надо понимать, Николай Николаевич. Когда нет информации, в экипаже начинают бродить слухи. Я попросил его закрепить оттяжками на талрепах ящики в первом трюме. Вокруг них навалены кучей рыхлые доски, если бортовая качка начнётся, всё на сторону съедет. А команда баствует. Чем-то им эти ящики не нравятся. Только теперь я начинаю догадываться чем.

— Владимир Алексеевич, мне даже неловко, вы постарше меня... Неловко слышать от вас всё это. Войдите и в моё положение. Сундсвалль закрыт, ящики везти надо. Если нас поджидают в Швеции, то могут ждать и в любом другом месте. Один я, получается, подставляю свою задницу. Прямо какой-то заговор. Вы можете переговорить с этим, как его... с однокашником? Неофициально, по-дружески?

— О чём говорить-то, Николай Николаевич? Судовладелец будет от всего открещиваться, вы же сами знаете, и правильно сделает. Судно в аренде. Почему вы не задали свои вопросы генералам, когда они здесь были? Не сразу дошло или струсил?

Капитан почувствовал, что стгоряча раскрылся непозволительно, сверх всякой меры, и теперь опасную пробоину ничем не закроешь — она будет только расти. Он молчал, уже больше от досады на себя, чем на собеседника.

— И потом, — не унимался Акимов, — что-то не могу взять в толк, при чём здесь экологи. Это в первую очередь проблема таможенников. Кстати, вы не боитесь, что наша таможня при оформлении отхода начнёт возникать?

— Наших — не боюсь.

— А как дальше с этими ящиками, будем крепить?

— Оставьте как есть. Прикрыты, и ладно. Команда увидит, опять вонь пойдёт... Сейчас не зима, сильных штормов не будет, проскочим. Что у вас за отношения с поваром Юнаевой, старая дружба?

— Не понимаю, Николай Николаевич.

— А чего тут понимать. Не из-за неё ли вы сюда причалили?

— Думаю, эту тему нам с вами лучше не поднимать.

— Ну почему. Повариха девица пикантная.

— Да уж не клеитесь ли вы к ней, Николай Николаевич? Не советую. Духлый номер.

— Ишь ты, какой самоуверенный! Это мы ещё посмотрим. Одно дело старпый старпом, другое — капитан в расцвете сил...

Напрасно он так сказал. Задела его, конечно, старпомовская наглость, но лучше было сдержаться. А теперь они вроде как соперники, то есть на равных, и нежные чувства Акимова к поварихе ни к какому делу уже не пришьёшь.

— Послушайте, — сказал старпом. — Я вам буду помогать, коль уж так вышло. Не в моих правилах прятаться за чью-то спину. И с Лихоносом попробую переговорить. Глупо это, но попробую. Об одном прошу: не трогайте вы Светлану! Я не за себя опасаюсь, честно. За вас...

Об изменении рейсовых планов никто из команды, как ни странно, не узнал до самого отхода. Обычно такие новости распространяются мгновенно. Тут мастер отдавал должное выдержке старпома.

О том, что Сундсвалль отменяется, Красносёлов сам объявил за завтраком в кают-компании в день отхода, когда все уже были на борту. Просто поставил перед фактом, не вдаваясь в причины.

На какое-то время народ оторопел.

— Ну и правильно, — первым нарушил тишину звонкий голос третьего механика. — Что мы у этих шведов забыли? От них с петровских времён одна только головная боль. Побили их один раз, и хватит.

— Мы их побили, — возразил электромеханик Лайнер, — а теперь они вон как живут, а мы...

— А чего вы хотели, Борис Исаакович? — изгалялся Сикорский. — За победы приходится платить. Мы за славу Родины ничего не пожалеем.

— Во-во, даже последних портков. Я три года в отпуске не был...

— Что так? — вступил в разговор второй помощник Грибач, бесцеремонный и заносчивый молодой человек, у которого были какие-то высокие связи.

— А не хочу на берег, не могу там ни на что глядеть! Мне непонятно, как можно унижать людей этой грязью и вонью, которая у нас везде! Как можно столько времени терпеть такое!

Над Лайнером открыто насмеялись, особенно часто Грибач, но тот словно не понимал, на любые приколы отвечал обстоятельно и серьезно.

Неожиданно тему поддержал старший механик Пильчук:

— Моя матушка в станице живёт. Условий же ж никаких! Воду из крыныцы роздобувати. А я никого не знаю охайней. Всё на ней всегда свеженькое, стираное, хотя и штопанное богато разив. Посуда на кухне сияет, гостя усегда на хрусткие белоснежные простыни уложит... Откуда вот это, а? И куда ж девается?..

— Это вы хорошо сказали, Станислав Игоревич, — заметил старпом. — Существенное уточнение. Недавно открываю книжку современного писака и читаю: от бабки, мол, сильно воняло, потому что она была из деревни. Поотрывать бы уши таким идиотам... Слушайте, Нина Васильевна, вы хотя бы капитана можете вовремя накормить?

Последняя реплика относилась к новой буфетчице Нине Портянкиной. Старпому чуть не каждый раз приходилось напоминать ей об её обязанностях, чем дальше, тем резче. С буфетчицей в этот раз не повезло. Скагерти вечно мятые, в крошках, приборы кладёт как попало, с раздачей не поспевает... Хорошо хоть Акимов проявлял в этом деле строгость. Оставалось только вздыхать об ушедшей в отпуск Марине Портновой. Краснощёлов поражался, как иногда оправдываются фамилии. Портнова и за столом в кают-компани, и как уборщица, и во всех других качествах (а у капитана были с ней отношения не только служебные) была внимательна и ловка, точно белошвейка за работой. Эта же — неряха неряхой, да и поглядеть не на что, и за версту потом разит... Нет, что-то есть в этой старпомовской «филологии».

— Значит, сразу идём в проливы? — уточнил второй помощник.

— Сразу в Ливию под разгрузку, — решительно отозвался капитан. — Сегодня в шесть часов общесудовое собрание. Владимир Алексеевич, проконтролируйте, ваша вахта.

Утро было занято предотходной суетой, капитанская каюта превратилась в проходной двор — агент, портовый надзор, пограничники, таможенники... И тут вдруг, когда уже шёл досмотр и все входы-выходы были перекрыты, прибежала — легка на помине — Маринка с огромным букетом роз. Оказывается, ни в какой отпуск она ещё не уехала, возникли какие-то проблемы то ли с путёвками, то ли с билетами, и раз уж так вышло, то не смогла не проводить, до того привязалась. Пришлось мастеру просить пограничников разрешить ей подняться, и она прямо на трапе, не стыдясь посторонних, кинулась обниматься, дура, хотя поодаль на причале ждал её муж. В общем, расстались сердечно, Марина даже прослезилась и долго ещё потом, взяв мужа под руку, махала с причала. Вот уж старпом позлорадствует, когда ему эту сцену распишут! — думалось капитану.

Растроганный Краснощёлов прошёл с цветами в столовую — в его каюте сидел казённый народ, туда нести букет не хотелось, — заглянул в «красный уголок», как по старой привычке звали переднюю часть столовой, где команда смотрела телевизор, играла в шашки-нарды-шахматы и где проходили судовые собрания, поискал глазами какое-нибудь подобие вазы. На диване перед выключенным телевизором сидели третий механик и практикант Бугаев. У этого Сикорского, похоже, было просто словесное недержание, он хватался за любого собеседника и тут же начинал звенеть своим голоском. Иногда эта черта вырuchала, Александр Васильевич всё-таки тонко чувствовал атмосферу и снимал лёгкой болтовней ненужное напряжение, как сегодня утром в кают-компани;

но каково было его постоянным слушателям? Впрочем, собеседникам Лайнера, хоть тот и немногословен, было, пожалуй, ещё тяжелей...

— Ох, это такая женщина! — услышал капитан. — Мы в прошлом рейсе в Руане с ней в город выходили. Забрели в кафе посидеть — там есть недорогие кафешки с музыкой. И я имел глупость пригласить её на танец. У меня есть кое-какой опыт с женщинами, я женат, да и постарше неё, но тут я понял, что в подмётки ей не гожусь. Она ведёт, понимаете? Ведёт во всём. Она не оставляет от мужика ничего! Я почувствовал себя тогда полным нулём. Даже грустно стало.

Вначале Красносёлов насторожился, но тут же с облегчением понял, что речь не о буфетчице Марине, а о поварихе (на судне в том рейсе были две женщины). Однако какое дело Сикорскому и новому матросу до Юнаевой, чтобы так заинтересованно её обсуждать? И опять что-то заскребло внутри, какая-то невыразимая досада.

Юнаева появилась у них недавно, сходила только в один рейс. Пока рядом была Марина Портнова, капитан к поварихе не очень-то и приглядывался. Обратил внимание, что немного взбалмошная, гордячка, держится независимо (так и буфетчица её сразу аттестовала), глаза странные... Смотрит на тебя и будто не видит, будто ты прозрачный. Но готовила хорошо, команда была довольна. А хороший повар на судне — это половина успеха всех дел.

Красносёлов сунул цветы в руки подбежавшему стюарду Стёпе, велел их временно пристроить и больше про Марину Портнову не думал.

Отошли без задержек. К вечернему чаю уже распрощались с буксирами и лоцманом. В пять часов капитан ушёл с мостика (погода была ясной, да и старпом, принявший вахту, держался вполне уверенно), а ровно в шесть началось объявленное по трансляции общесудовое собрание.

В столовую команды пришли все, кроме вахтенных — старпома со стоявшим на руле Бугаевым и «деда» Пильчука, хозяйничавшего в машинном отделении. Расселись, поглядывали на мастера, которого нахально отвлёк каким-то разговором Грибач, переговаривались.

— Уф, наконец-то ушли из этой дыры, — выдохнул Стёпа-казак.

— Ты это... — Сидевший рядом Иван Егорович суеверно встрепенулся. — Знай, самая худая стоянка лутче любого плавания! Вот как поддаст на выходе с Балтики, начнут у тебя тарелки летать...

— А что, в Северном штормит? — с тревогой громко поинтересовалась буфетчица.

— Есть немного, — важно откликнулся толстяк Бородин. — Циклончик зреет.

— Ой, я не могу, когда такое начинается...

— Ладно вам! — прикрикнул боцман. — Кто вышел в море, тот должен забыть, что такое страх.

Чернец с лысым мотористом, таким же низкорослым, как он сам, пристроились в углу за маленьким столиком с шахматной доской, сделали по несколько ходов и задумались. За их игрой рассеянно следил второй механик Карапетян.

— А вот это знаешь? — говорил Лайнер матросу Жабину. — Про Красную Шапочку: «Волк, а волк, ты что, хочешь меня распяты? — Хочу раз шесть, а там посмотрим!»

До Жабина доходило медленно, и сидевший напротив Сикорский, чтобы выручить Лайнера, неискренне смеялся.

— А историю с квадратным трехчленом? Это когда Василия Ивановича заставили ликбез пройти. «Всё, говорит, понимаю, Петька, что учительница мне рассказывает, только вот никак не могу себе квадратный трехчлен представить!»

— Что-то вас, Борис Исаакович, сегодня на эротику тянет! — сказал, в очередной раз натужно улыбувшись, Александр Васильевич.

Светлана села в углу на диване, подальше от мужиков.

Все ждали, что скажет капитан. Рядовые члены экипажа были особенно возбуждены — они узнали об отмене захода в Швецию позже комсостава, из вторых рук, и как ни скучен был хорошо знакомый многим из них Сундсвалль,

перспектива многодневной болтанки в море без европейских заходов удручала ещё больше. А главное, всё решилось неожиданно и втайне, словно за этим стоял недобрый умысел. Некоторые сразу связали отмену захода с подозрительным грузом на борту. А Жабин уверял, что он слышал из-за двери рубки, как старпом-крысятник звонил своему береговому начальству и ссылался на какого-то Гринписа. Присутствовавший при том разговоре Александр Васильевич, конечно, сразу нашёл и сказал, что Гринпис, к сожалению, — не фамилия...

Мастер наконец закончил с Грибачом, хлопнул тяжёлой ладонью по столу, призывая к молчанию.

— Мы с вами идём обычным маршрутом. Кто ещё не слышал — впереди у нас Средиземное море, апельсины, пляжи. Сейчас там самый разгар купанья. Вы почти все тут люди постоянные, знаете, что я всегда даю экипажу возможность отдохнуть, если позволяют условия. Надеюсь, что и отношение к работе у вас будет, как всегда, ответственное. Рейс продлится четыре-пять недель, на обратном пути нам обещали несколько хороших заходов. На судне новый старший помощник, сейчас он на вахте, вы все с ним знакомы. Могу сказать, что это человек знающий, вьедливый, спуску никому не даст, а потому смотрите в оба. Прошу выполнять все его требования беспрекословно, как мои собственные. В палубной команде тоже есть пополнение, практиканта прислали. Молодой, только учится. Чуть было шею себе не свернул на швартовке. Нам таких ЧП не надо, Юрий Дмитриевич! Напоминаю, помощники капитана несут персональную ответственность за соблюдение техники безопасности на тех участках, где они расписаны во время авралов и по тревогам. А вы, Герман Витольдович, присматривайте за практикантом и самостоятельной работы ему на палубе не поручайте. Пускай трудится под началом более опытных матросов... Что касается машины, там никаких перемен, она остается надёжным звеном. Численность экипажа у нас сокращается, как везде, так что на более лёгкую жизнь не рассчитывайте. Всем придется поднапрячься. И помните, мы одна семья. Раздоры в море недопустимы. Чем больше будем доверять друг другу, тем легче пройдет рейс. Теперь задавайте вопросы, у кого есть. Только побыстрее, у каждого из нас много работы.

После паузы первым негромко подал голос из своего угла Андрей:

— Столько слов про зелёного мальчика и ни одного про то, в какой мы все задице...

— Что-что? — грозно переспросил капитан. — Чернец! Вы хотя бы игру отставьте. Бормочете себе под нос, как в бреде. Это по вашему примеру, между прочим, практикант на тресе плясал. Ещё одно нарушение, и о премиальных можете забыть. Сами себя наказываете.

— Николай Николаевич! — Сипенко поднялся. — Мы в первом трюме свалили всё как попало, тяжеловесы вперемежку с горбылём. Ладно бы ещё пакетами, а то ведь рассыпалось всё, одна щепка там. Теперь, как начнём выгружать, ни то ни другое не возьмёшь. Пусть ваши помощники скажут, почему сепарации не было? Ящики можно было вообще одни в твиндеке положить, а весь горбыль свалить во второй трюм, он полупустым остался. Теперь нам что, вручную по одной доске разгребать, чтобы ящики достать? Ведь народу и так не хватает!

— А при чём тут я? — взвился Грибач. — Я вообще только сегодня из отпуска, меня на погрузке не было!

Не выдержал Ругинис:

— Все ни при чём! Почему здесь нет того, кто при чём? Что, собрание специально назначено во время старпомовской вахты?

Тут загалдели сразу многие:

— О чём без старпома говорить?

— Давайте соберёмся после ужина, и пусть он ответит!..

Капитан насупленно выжидал, пока схлынет волна. Но когда все уже притихли, вдруг вылез Лайнер:

— Николай Николаевич, нельзя ли всё-таки проинформировать экипаж, что мы везём кроме дров? Люди всякое говорят...

— Как пройду мимо первого трюма, так башка трещать начинает, — ворчливо добавил Жабин. — И роба искрит. Во, ещё осталось, глядите!

Он оттянул свою грязную куртку на груди, пробуя вызвать разряд. Послышались смешки.

— Пить надо меньше, Жабин, чтобы голова не трещала, — сказал капитан. — Тогда и чудиться не будет. Что в ящиках, ни для кого не секрет: комплектующие буровых установок. Я знаю, откуда идут эти разговоры. Кто-то сильно хочет навлечь на нас неприятности. По приключениям соскучился. Провокатор в конце концов себя обнаружит, но я сейчас, до всякого разбирательства, должен серьёзно предостеречь всех. Что бы мы там ни везли, мы это довезём. Такая у нас работа — возить грузы и в целости сдавать их грузополучателям. За это нам деньги платят. А вот когда на судне в иностранных водах находят что-то запрещённое, сажают весь экипаж. Так что лучше не торопитесь с домыслами. Не накликайте беду.

Начальник, когда формулирует, не обязан следить за логикой. Наоборот, двусмысленная или противоречивая угроза действует порой даже сильнее. Красносёлову достаточно было знать, что его предостережение дошло до команды — об этом можно было судить по смущённому и подавленному виду расходившихся с собрания людей. Поле боя осталось за ним, теперь крикуны на время заткнутся, а когда злосчастный груз будет сдан, исчезнет и повод для пересудов. Он немного боялся этого собрания, зная накалившуюся атмосферу в экипаже, соображал, как объяснить им всё, не сказав ничего; он специально решил провести встречу без старпома, чтобы на крайний случай иметь в запасе громоотвод; и теперь, когда удалось в рабочем порядке, экспромтом, почти на одной интуиции разрешить кризис, он испытывал что-то вроде победной эйфории.

Столовая опустела. В раздаточной громыхал тарелками Стёпа, готовясь к ужину. В дальнем углу за шахматным столиком доигрывали свою партию матрос Чернец с мотористом Симкиным. А на диване всё продолжала сидеть Юнаева, рассеянно листая какой-то глянцевого журнальчик, и прямо перед ней в керамической вазе стоял пышный букет роз, подаренный капитану Мариной Портновой. Он совсем забыл про эти цветы. Близкое соседство девушки и букета, это странное знаменательное совпадение, по-настоящему его взволновало. Светлана явно задержалась тут не просто так, она чего-то ждала. В Красносёлове проснулся бесшабашный молодой задор.

— Света, возьми букет, сможешь мне устроить эти цветы в каюте.

Он никогда и никому из подчиненных, даже Марине, прилюдно не говорил «ты». А здесь это почему-то показалось нужным, как знак свершившегося сближения.

Юнаева удивлённо подняла голову от журнала.

— Николай Николаевич, вашу каюту прибирает Нина Васильевна!

— Я не прошу тебя... вас делать приборку. Я хочу, чтобы вы навели уют и красоту.

Он уже почувствовал сбой, отсутствие того заочного контакта, который казался таким очевидным. Но не отступать же теперь!

— Николай Николаевич, у меня не получится.

— Светлана, вы себя недооцениваете. Такая привлекательная девушка, как вы, просто обязана уметь делать всё вокруг красивым. Смелее, берите букет.

Она нерешительно поднялась. Он встал рядом, приобнял её за талию, чтобы подбодрить, чтобы не смущалась перед капитаном. Всё-таки он впервые общался с ней накоротке. Стан её под тонкой блузкой был неожиданно горячим, его даже в жар бросило.

Светлана взяла в руки вазу с цветами.

— Прямо так, с вазой? — с сомнением спросила она, опустив глаза.

Он задумался над ответом, но сказать ничего не успел. Тяжелый букет вдруг покачнулся у неё в руках в опасной близости от капитанского живота, ваза накренилась, вода хлынула на рубашку и брюки.

— Ну вот, — сказала Светлана. — Я же говорила, что у меня не получится. Простите.

Капитан ошеломлённо оглянулся. Два убогих коротышки продолжали сосредоточенно переставлять шахматные фигуры. Стёпы вообще не было видно, он скрылся где-то на камбузе. Никто, слава богу, не смеялся.

— Честное слово, — тихо бормотала Светлана, пытаясь промокнуть его одежду салфеткой, — я никогда никому об этом не скажу. Просто случайность. Мне так стыдно!

Красносёлов отвел её руку, вырвал букет из вазы на столе и стремительно вышел.

За полчаса до конца старпомовской вахты капитан появился в ходовой рубке. Прошёл к своему обычному месту, встал в углу за радаром.

— Надувает? — не то спросил, не то констатировал.

Волна шла от норд-веста, судно заметно раскачивало. У борта вспенивались барашки.

— Начинается, Николай Николаевич, — сказал старпом. — В Северном уже восемь баллов. Я за первый трюм беспокоюсь, как бы не пошла эта пирамида дышать...

— Ничего-о, проскочим. Как практикант справляется?

При этих словах Миша возле штурвала подтянулся.

— Нормально, лучше авторулевого курс держит — похвалил старпом. — Я ведь тоже был фреш-уотер сейлор², сдуру когда-то в море пошёл. Жил далеко от воды, в роду моряков не было. Книжек начитался, парусами бредил, — да только какие нынче паруса... Ничего не знал. Тогда почти все шли в море за деньгами, покупали за валютные гроши всякий мохер-гипюр-кримплен, у нас перепродавали втридорога. Опасное дело, между прочим! За это срока давали. В магазинах-то пусто было, народ заграничный ширпотреб с руками отрывал. Когда я в это дело вник, когда после первой заграничной практики матери обмолвился, как моряки деньги зарабатывают, она в ужасе за голову схватилась — и мысли не могла допустить, что сын спекулянтом станет. Такое в семье воспитание было...

— Там, в лоцманской, грязная посуда с отхода стоит, — недовольно сказал капитан.

— Курс двести двадцать пять! — громко скомандовал старпом.

— Двести двадцать пять! — откликнулся Бугаев.

— Хорошо. Переходите на автомат... Знаете, как это делается? — Сам подошёл, показал тумблер на рулевой колонке. — Как выйдете из штурманской, направо по коридору будет каюта. Соберите там посуду, снесите всё в буфетную. И поглядите, чтобы в целом порядок остался. После сразу сюда.

Бугаев вспыхнул, на секунду замешкался. Как будто хотел возразить, но сдержался, с оскорблённым видом направился к выходу.

— Самолюбивый дурачок, — сказал старпом, когда дверь за ним захлопнулась. — Всё боится, что его на камбуз сошлют или прибирать заставят. Не на то молодые люди гордость расходуют. Научить бы их вот так же настоящие свои права отстаивать...

Капитан широко оперся руками на поручень перед иллюминатором, смотрел на море.

Какое-то время молчали.

— Можете себе представить, — тихо сказал Красносёлов. — Водой из цветочной вазы облила. А я попросил её перенести букет из столовой в мою каюту, только и всего.

— Светлана?

— Ну да...

Снова помолчали.

² freshwater sailor (англ.) — «сухопутный», случайный, неопытный моряк.

— Не знаю, будет ли это для вас утешением, — сказал старпом, — но у меня с ней никогда ничего не было. Так, отирался около. Всё на что-то надеемся, изображаем из себя до старости... Давно не встречались, забываться уже стало, и вот снова судьба свела. И опять всё как будто заново.

— Семьи, что ли, нет?

— Нет. Вовремя не завёл, а потом уже казалось — поздно. Глупость, конечно...

— Да. Команда утихомирилась. Но они все на вас тычут!..

Глава третья

Старпом

Ему ли было не знать об этом!

Ещё в порту, на второй день пребывания на судне, когда Акимову впервые удалось уллучить минуту побеседовать со Светланой наедине и он заверил её, что его появление здесь — чистая случайность, он не искал встреч и не преследовал её, но раз уж так вышло, то не может скрывать, что по-прежнему её любит, — она отреагировала сурово:

— Думаю, мне лучше списаться на берег.

— К чему такая жертва? — грустно сказал он. — Я пришёл сюда после вас, значит, и уходить, если уж это необходимо, надо мне.

— Но вам нельзя, вы приставлены к этому грузу!

И сколько он потом ни разубеждал её, как ни возмущался нелепой мыслью, что он, которого она как-никак знала не первый день, с которым раньше работала, мог стать чем-то вроде экспедитора при сомнительном грузе, — это клеймо, волей случая на нём поставленное, не удалось до конца смыть даже в её глазах. Что уж говорить об остальном экипаже! Все они, не исключая и капитана, были убеждены, что его появление на судне как-то связано со злополучными ящиками. Одни верили в это больше, другие меньше, кто-то боялся этой версии, кто-то сознательно раскрывал её в своих интересах, кто-то пользовался ею исподтишка, — но все так или иначе постепенно начинали видеть в нём, старпومه, врага.

Для него такой поворот был не нов, он поневоле пытался разобраться в подобных коллизиях ещё с юности.

В ту пору он, подобно практиканту Бугаеву, был обременён множеством комплексов и страдал гипертрофированным честолюбием. А в морской среде царил настоящая шпиономания. То есть боялись, конечно, не иностранных шпионов-разведчиков, каких можно было увидеть только в кино, а своего ближнего, соседа по каюте или по столу. Морякам было за что опасаться: у них была редкая по тем временам возможность выезжать за границу, держать в руках валюту, покупать за рубежом одежду, безделушки, даже подержанные автомобили. Они могли в одночасье лишиться всего этого, допустив оплошность или проявив «несознательность» — в чужом порту не туда пойти или не то купить, разоткровенничаться с прохожим иностранцем, познакомиться с девушкой, да просто рассказать в кругу товарищей двусмысленный анекдот. На каждом судне был, кроме старшего, еще и «первый» помощник — помполит, в обязанности которого входило следить за политической сознательностью и моральным обликом подчинённых; на эти должности назначали, как правило, партработников, не имевших отношения к морской профессии. В город за границей помполит выпускал моряков только группами из трёх-четырёх человек, в каждой обязательно назначался старший — кто-то из комсостава. Но и эти старшие, и сам помполит хорошо знали, что за ними тоже существует негласный надзор со стороны сексотов, нештатных и штатных сотрудников органов безопасности.

Мореходка, эта кузница кадров, не избежала общей судьбы: с одной стороны, институт стукачества позволял следить за курсантами и своевременно отсеивать ненадёжных, с другой — воспитывал особо ценных сотрудников для дальнейшей работы на судах и за границей.

Вероятно, доносительство носило не столь уж массовый характер: молодые люди, приходившие на флот, многие из глухой провинции, в большинстве своём были настроены романтически, придерживались своеобразного, но твердого кодекса чести (так, по крайней мере, помнилось Акимову), их не так-то просто было растлить. Использовали немногих уже готовых, имевших предрасположенность к этому делу, или быстро запуганных, желавших любой ценой загладить какую-то вину. Но сколько бы их ни было, общая атмосфера была отравлена. Все подозревали всех, и от этого больше других страдали нервные и мнительные, болезненно реагировавшие на всякую несправедливость. Юноши с воображением и совестью. Володя Акимов был как раз из таких.

На одном курсе с ним учились два Лихоноса — Тимофей и Павел. Они не были ни братьями, ни родственниками, родились в разных концах страны и столкнулись, к несчастью для одного из них, только в стенах училища.

Тимофей был крепкий парень из дальнего сибирского города, рыжеватый, с ясным светлым лицом и голубыми глазами. Характер имел упорный и незлобивый, перед начальством не прогибался, со сверстниками держался ровно и доброжелательно, но скверных, вызывающих у всякого нормального человека отвращение проступков никому не спускал — имел храбрость сказать пакостнику в лицо всё, что о нём думает. Среди молодежи это редкое свойство, особенно нынче. Очень скоро Тимофей стал неформальным лидером — с его оценками сверялись, его дружеское расположение означало определенный моральный статус; те же, от кого он отворачивался, чувствовали себя изгоями. Акимова тоже тянуло к Лихоносу: его, среди прочего, подкупало то, что этот простоватый сибиряк имел чувствительную душу, старался во всем разобраться и любил поговорить на разные отвлечённые темы.

Павел Лихонос, напротив, был сутулым, прыщеватым, имел нездорово жёлтый цвет лица и убегающие от прямого взгляда глазки. Поэтому никто особенно не удивился, когда по роте курсантов разнеслась весть, что Павел профессиональный стукач и от него лучше держаться подальше.

С Тимофеем Акимов в конце концов сдружился. Эта дружба не была безоблачной и беззаветной, она предполагала известную дистанцию. Всякий раз, когда Акимов делал что-то, за что мог себя осудить (а всякий человек, особенно в молодости, совершает такого немало), он натёкался на упрёк в ясных глазах Тимоши, ласковый или горький — в зависимости от тяжести проступка. И этот негласный товарищеский суд, совпадавший с судом собственной совести, заставлял Акимова ценить Тимофея всё больше, чувствовать его почти родным, человеком одной с ним крови, только более стойким и сознательным, чем он сам. Они были одногодками, но Акимов привык относиться к Тимофею как к старшему брату и наставнику.

Когда в общем разговоре заходила речь о стукачах, Акимов жаловался, что с трудом выдерживает общение с товарищами, которые, как он догадывался, могут подозревать и его, что сам себе уже не верит и не знает, какой он и на что способен, что это, конечно, малодушие, но нельзя жить в такой жуткой атмосфере... В ответ на что Тимофей только крепче сжимал губы, высокий лоб у него бледнел, щеки покрывались гневным румянцем, и Акимову становилось по-настоящему стыдно своей слабости. А если к слову неосторожно упоминалось презренное имя Паши Лихоноса, лицо Тимофея становилось особенно непримиримым и строгим. Акимов понимал: для него ситуация болезненна вдвойне — выродок срамил его фамилию.

Они откровенно обсуждали всё, что творилось в непосредственной близости от них и в целом мире. Акимову не нравилось лицемерие коммунистических бонз, убеждавших народ в том, во что они сами давно не верили, их беспринципность и карьеризм. Не нравились засилье мертвых догматов, подавление свободы мысли и творчества, нищета и убожество быта — особенно по сравнению с тем дразнящим богатством, какое они могли уже наблюдать на Западе во время практики на судах заграничного плавания. Тимофей не спорил, хотя и не слишком поддакивал, — современная политика занимала его меньше, чем, к примеру,

античная философия. Лишь иногда печально говорил: всё так, всё похоже на правду, но какой же выход из этого ты можешь предложить? Акимов задумывался и вдруг понимал, что предложить ему действительно нечего.

К несчастью, он рассуждал на эти темы не только с Тимофеем, но и со многими другими (исключая, разумеется, Пашу Лихоноса). Дошло до начальства; его вызвали к декану, пригрозили закрыть визу и даже исключить из училища, но, поскольку он был круглым отличником, решили передать дело на суд комсомольского бюро, в котором к тому времени заседал и Тимофей. Бюро отнеслось к нему сурово, надумало примерно наказать за политическую близорукость, и Тимофей, сидя в президиуме, всем своим скорбным видом признавал правоту обличительных речей своих товарищей. Но потом вдруг взял слово и сказал: «Я знаю Володю, у него много недостатков. О них сегодня правильно говорили. Но какой же он диссидент? Это даже смешно. Диссидентов среди нас просто не может быть». И дело спустили на тормозах, ограничившись выговором по комсомольской линии.

После окончания училища они попали на разные суда, но не разошлись. Тимофей приложил немало сил для сохранения контактов и был, казалось, заинтересован в этом даже больше Акимова. Созванивались, переписывались, при случае не упускали возможности встретиться. Лихонос вступил в партию. Акимов, понимая, что никогда на это не пойдёт, а без партбилета капитаном не станешь, решил сменить род деятельности, занялся наукой и преподаванием. И снова это их не развело. Они уважительно относились к убеждениям друг друга. Тимофей хотя и рос по службе, но начинал тяготиться плаванием (когда произносили тост «за тех, кто в море», любил вставлять: «А за дураков не пьют!»), тоже присматривал себе на берегу занятие и с интересом расспрашивал Акимова о его работе. И тот охотно рассказывал: о том, какие книжки нынче читают, о чём рассуждают в курилках; и вот ещё: помнится ему, что когда-то Тимофей упрекал его в голом критицизме, в том, что нет у него никакой позитивной программы преобразований, так сейчас она — есть! И он даже хочет изложить её письменно и довести до максимально возможного числа людей. Ведь он имеет на это право, верно? На что Тимофей с волнением отвечал: если у тебя есть в голове что-то такое, ты просто не имеешь права это утаивать!

Шла первая половина восьмидесятых, время было смутное. Брежнев сменил Андропов, Андропова — Черненко... Заведующего кафедрой, с которым Акимов любил общаться, уволили. К толковому пареньку, работавшему в их институте на копировальном станке (с помощью их — паренька и станка — Акимов надеялся размножить в десяти экземплярах свои умные мысли), однажды пришли люди в штатском, опечатали станок и все бумаги, а юношу забрали. Один из друзей, с которым Акимов поделился в письме впечатлениями о творчестве поэта Бродского, при встрече по секрету сообщил, что его вызывали в местное управление КГБ, зачитывали вслух это самое письмо и настоятельно рекомендовали с такими вредными людьми, как Акимов, не знаться.

Единственным, кому Акимов мог в этих условиях откровенно пожаловаться, был Тимофей. Пока на свете жили такие честные, прямые и открытые люди, ещё не всё было потеряно. И он шёл и жаловался, иногда не упуская в полушутку кольнуть: вот она, твоя партия!.. И снова видел перед собой бледный лоб и плотно сжатые губы.

А дальше продолжалась жизнь, и Акимов рассказывал другу Тимофею про моряка, что подарил ему привезённую из-за границы Библию, или про знакомую девушку, дочь известного музыканта, которая дала почитать на несколько дней слепую копию нового романа Солженицына...

Он не успел проследить судьбы всех — слишком быстро менялось время. Кажется, моряк остался моряком, а девушка уехала в Америку и вышла там замуж. Страх уходил из жизни, но вместе с ним почему-то испарялась и совесть. Однажды Акимов повстречал другого однокурсника, занимавшего одно время видный пост в зарубежном торгпредстве, и тот, вполне в духе времени, откры-

венно признался, что все годы успешно работал под прикрытием на разведку и имеет немаленький чин. Акимов не был шокирован, шпион — профессия интересная. Посидели в ресторане, вспомнили курсантские годы.

— Интересно, где теперь Паша-сексот? — спросил зачем-то Акимов.

— Лихонос? — уточнил собеседник.

— Ну да, только не Тимофей Лихонос, мой близкий друг, а Павел.

Собеседник вскинул брови.

— Значит, Тимоша — твой корешок? Ну-ну... Никакой Павел не сексот. Наклепали на него тогда как раз из-за твоего Тимофея. Умышленная деза, которую он усердно распространял. Кто-то посторонний выхватил краем глаза фамилию «Лихонос» в секретном списке сотрудников, растрезвонил, вот и перевели стрелки с Тимофея на бедного Пашу. Тот уже закончил училище, пошёл плавать, а слухи всё тянулись за ним хвостом. Парень не выдержал нагрузки, очень быстро спился, повесился где-то на Севере... Уж ты мне поверь, я сам в том списке значился...

Ко всему прочему тогда Акимова изумило, с каким презрением к Тимофею это было сказано. Получалось, что даже многоопытные и циничные рыцари плаща и шпаги руководствовались в своей среде неким кодексом, предпочитали не выходить за известные пределы. И это искреннее отмежевание лучше всего другого убеждало в правдивости слов собеседника.

Вышло так, что сразу после этого с Лихоносом надолго потерялась связь. То ли нюхом почуял Тимофей, то ли кто подслушал прямо довел до его сведения тот случайный разговор в ресторане, но исчез он и много лет не всплывал. У Акимова, понятно, тоже не было желания его разыскивать, хотя поначалу всё ещё не хотелось в это верить, переживал страшно. (После, сопоставив задним числом некоторые очевидные факты, посмотрел на дело иначе и корил себя за слепоту.)

А пару лет назад вдруг отыскал Лихонос Акимова и предложил поплавать. Разговор шёл сугубо деловой, формальный, старого вовсе не поминали — ни дружбы, ни чего другого. Ни один не выказал желания возвращаться к прежним доверительным отношениям. Да и обстановка была уже не та, рядовой обыватель Акимов теперь не представлял для Тимофея интереса. Если и продолжал Лихонос свою специфическую деятельность, то совсем в других, более узких сферах. Так или иначе, но жил он к тому времени в Хельсинки, являлся совладельцем небольшой судоходной компании, и можно было предполагать, что дорогу к загранице и деньгам проложили не одни только коммерческие способности ясноглазого сибиряка.

И Акимов — согласился. Потому что возможность (в его положении) была действительно редкой, а он по морю сильно соскучился. Да и с деньгами на берегу было совсем туго. Тем более что согласие это ни к чему его не обязывало и не давало повода к новому сближению. Просто на флоте во всём мире дефицит кадров, и Лихонос вспомнил о нём (долгой идеологические шоры!) как о добросовестном профессионале. Один — капиталист-работодатель и сидит в своей конторе в Финляндии, другой — наёмный труженик и болтается в море...

Так он попал на работу в «Микофрейт». Сходил несколько раз на их судах в Арктику дублёром старпома, чтобы заново обвыкнуться на мостике (в одном из этих рейсов как раз и познакомился со Светланой), прошёл переаттестацию, оформил все необходимые свидетельства и в конце концов оказался на борту сухогруза «Global Spring», совершающего симпатичные рейсы в Северную Африку.

Акимов был уже взрослым, на чей-то взгляд даже старым, он набрался жизненного опыта и от многих давних комплексов избавился. Ему не приходило в голову сравнивать своё положение на судне с печальной ролью Паши Лихоноса и подозревать, что Тимофей нарочно его подставил. Если даже судовладелец и вёл здесь свою игру (в телефонном разговоре, как и предсказывал Акимов, он решительно отверг свою причастность к изменению рейсового задания и переадресовал со всеми вопросами к фрахтователю), то всё же никакой шум вокруг

перевозки, никакой скандал, будь то с участием или без участия Акимова, не был ему на руку. Всё произошло само собой. Просто сама жизнь всё больше катилась теперь по Тимошиным рельсам. И горечь, связанная с несправедливыми подозрениями экипажа, не пересиливала в Акимове снисхождения к людским слабостям и понимая, что есть на свете вещи пострашнее обид...

— Владимир Алексеевич, а что мы всё-таки везём в первом трюме? — спросил в начале утренней вахты Бугаев.

В тёмной рубке они были вдвоём. Старпом не видел его лица, но по хриловатому голосу из пересохшего горлышка можно было догадаться, как долго и трудно собирался практикант для этого вопроса. Никакой подначки, лишь волнение и страх. Чистая экзистенция.

— И вы туда же! — с досадой промолвил старпом. — Жабина, что ли, наслушались?

Ветер свистел в приоткрытую наружу дверь, шипела вспененная вода у бортов. Шторм усиливался. Ночью на вахте второго помощника судно крутой волной несколько раз хорошо положило на левый борт. У старпома в каюте сорвало с рычагов телефонную трубку, смело бумаги со стола. Из каюты «деда» слышался грохот и звон посуды — должно быть, не успел прибраться после отхода. Акимов сразу почувствовал неприятность, а придя на вахту, удостоверился: кренометр упорно клонился на два-три градуса влево. Случилось именно то, чего он опасался: стронулись с места плохо раскреплённые тяжеловесы, примяв к борту жидкую прослойку из горбыля. Крен можно выровнять балластировкой, но не раньше, чем ящики перестанут свободно ходить туда-сюда. Иначе поддаст с другого борта, перевернутся они на правую сторону, утяжёлённую балластом, — будет худо вдвойне... Пока волнение, несмотря на ураган, стихло: шли под защитой недалекого острова. Настоящая болтанка предстояла завтра, по выходе из Датских проливов. До этого надо было закрепить груз.

— Железо везём, — сказал старпом. — Части буровой установки для шельфа. Знаете, на какую глубину нынче бурят? Пять километров! И это только в грунте, прибавьте ещё километр-другой от поверхности воды до дна... Представляете, какой длины бур нужен?

— А может быть такое, что по документам одно, а на самом деле другое? Радиация там или химия какая вредная... Ведь никто же не проверял!

— Не может! Если с судном или, не дай бог, с вами из-за этого груза что случится, грузоотправитель головой за обман ответит. К тому же существует контроль в портах. А вот мы проверять содержимое контейнеров и ящиков не имеем права. Наше дело — всё доставить в порт назначения в сохранности и в неповреждённой таре. На старших курсах вам объяснят, что для опасных грузов существуют специальные условия и правила перевозки.

— Разве мы узнаем? Ведь последствия могут проявиться не сразу, после не докажешь. Когда людей согнали в Чернобыль на ликвидацию, никто ни о чём даже не догадывался. А после начали болеть и умирать.

— Отец там, что ли, был?

— Был... Совсем недолго. Потому и пожил ещё... Говорят, если иностранцы найдут на судне что-то вредное, то пересажают всю команду. Но ведь это несправедливо, мы сами не знаем, что везём!

— Кто тебе сказал такую глупость? — не выдержал старпом.

— Капитан вчера на собрании. Я сам не слышал, на вахте вместе с вами был, мне пересказали.

«Вон куда наш Николай Николаевич с испугу-то завернул!» — изумлённо подумал про себя Акимов. А вслух произнёс:

— Откуда у вас недоверие? Нет, я правда хочу понять. Вы здесь человек новый. Поди-ка, и в трюме ещё не спускались, в глаза тех ящиков не видели. Кто вас напугал?

— А почему заход в Швецию отменили? Зачем досками груз засыпали? И сами вы вчера при мне капитану говорили, что боитесь, как бы вся эта пирамида не начала дышать...

— Чудак-человек! Думаете, я имел в виду какие-то ядовитые испарения? Или ядерный взрыв? Смешной вы, Бугаев. Я говорил про то, что незакреплённый груз переваливается при качке с борта на борт, ухудшает остойчивость. Слышали про такую? Судно становится слишком валким. Вот это реальная опасность, чтоб вы знали. «Дышит»!.. Наверное, кому-нибудь ещё и передали это слово со своими дикими догадками, а? Говорили? То-то. Так сплетни-то и рождаются из ничего. А досками засыпали по дурости. Сегодня с утра крепить будем, всё вручную разгрести придётся.

— Возили же при Советах на торговых судах ядерные ракеты на Кубу! И тоже скрывали от моряков, что везут. Один-два человека знали, кому было положено, и всё.

— На Кубу?.. Может, и возили.

— Я читал об этом недавно. Привезли на нескольких торговых судах под охраной наших подлодок и сразу развернули под боком у Штатов. Американцы забеспокоились, сделали запрос. Наши отвечают: не знаем ни о каких ракетах! Тогда они послали самолёт, сфотографировали. Всё отчетливо видно, глупо же отпираться! Спрашивали у нашего посла, у министра иностранных дел Громыко, показывали им фото — а те снова: никаких ракет на Кубе нет, ничего не знаем! Ну, как можно после этого к такой лживой стране относиться?

— Не знаю, честно.

— Даже сейчас не хотите признаваться.

— Милый мой, я бы рад признаться, да только меня в ту пору... Нет, постой: это шестьдесят второй, кажется? Мне уже четвёртый годик тогда пошёл. Вам, молодым, хочется, наверное, всех старших и за сталинские репрессии, и за дедушку Ленина, за всё скопом — к ответу, да? Посмотрим, за что с вас спросят, когда час придёт.

— А с нас за что? В наше время ничего такого нет... Ну, редко бывает. Ходорковского вот посадили. Так это ещё неизвестно, может, он на самом деле заказывал убийства. Вы считаете, что если бы не разоблачили ужасы социализма, было бы лучше?

— Да вы сами себе противоречите! Вы же сейчас, на этом судне, не тогдашних ужасов опасаетесь. Вы боитесь того, что с вами сегодня могут сделать. И сделают, будьте уверены, глазом не моргнут. Вас не удивляет, что столько было всяких разоблачений, а правды в мире не прибавилось? Ваша мама как получала при советской власти мизерную зарплату, так и получает. Сами же говорите, с хлеба на воду всю жизнь перебивались... Правда — это какая-то очень шкурная категория. Она каждый раз служит неправде, которая всегда почему-то больше и сильнее.

— Зато сейчас обо всём можно писать и говорить. И разные кухарки не лезут управлять государством...

— Вот оно что! И кто, по-вашему, должен управлять?

— Ну, специально подготовленные люди... Европейски образованные.

— Элиты, привилегированные касты? Это вроде как на роду, что ли, написано — кому-то в господах ходить, а кому-то в холопах? Ну, тогда и не спрашивайте, что господа вам в трюм погрузили. Избранным на вас и на любого другого плевать, у них много рабов. Или вам всё равно, вы здесь случайно и временно, до лучших времен? Себя-то вы кем в этой иерархии видите, тоже избранным, наверно? Мне интересно, правда, каким вы своё будущее представляете. Пойти после мореходки в МГИМО, выучиться на министра и говорить правду и только правду? Неплохо бы, да ведь не дадут, никому правда-то не нужна. Ни в России, ни в других местах.

Акимов и не заметил, как раскипятился. Очень уж его огорчили в устах вдумчивого юноши расхожие «либеральные пошлости», как он это про себя называл. У всех молодых мозги набекрень.

Отошел, уткнулся в экран радара, но опять не выдержал:

— Кстати, знаете, во сколько нынче «европейское образование» обходится? Не потянет ваша матушка. Как голуби, пьёте из отравленных луж, а после вали-тесь и пропадаете без следа...

Бугаев вскинулся было, чтобы ответить, — но благоразумно промолчал, забился в угол возле иллюминатора.

В рассветных сумерках заморгал справа знакомый маячок на острове, за ним впереди по курсу другой. Старпом вышел на крыло к пеленгатору, вдохнул ночной ветер, постоял с грустным чувством — когда-то его учили определяться по маякам, по солнышку, по звёздам и ещё многому, что теперь, с новой техникой на мостике, оказывалось совершенно ненужным. Когда вернулся в рубку, матрос стоял всё там же в расслабленной, обмякшей позе.

— Вы не уснули? Прогуляйтесь по палубе, проветритесь!

— Можно пойти разбудить шефа? — спросил Бугаев. И снова каким-то странным, пресекающимся от волнения голосом. Словно давно к этому вопросу готовился и боялся услышать отказ.

— Шефа?!.. Да-да. Конечно. Стюарда не забудьте поднять.

— Стёпу и Нину Васильевну будит сама Света, попозже.

— Кто?..

— Света! А что?

— Кх-м. — Акимов поперхнулся. — Светлана Герасимовна её зовут. Идите.

Он впервые с некоторым даже изумлением подумал, что этот взъерошенный птенец-практикант Светлане должен быть гораздо ближе и, возможно, куда интереснее, чем он, старпом предпенсионного возраста. И все то, что Акимов видит, чувствует и превозносит в этой молодой женщине, ей самой неведомо и не имеет для неё никакого значения, как и сам он с его обожанием. Она живёт своей жизнью, ему совершенно чужой, и знает и любит эту жизнь только со своей стороны. Она живёт. Это простое слово, сложившись с преследующим его образом девушки — такой трепетной, грациозной и с такими непроницаемостеклянными, полными тайной жизни глазами, вдруг прожгло его непостижимой животной, звериной сущностью. С таким же правом и столь же безнадежно он может любить, например, прекрасную лань: она так же недоверчиво будет ускользать и так же никогда не поймет, как он её любит. В её глазах будет светиться совсем другое существо, какой-нибудь молодой рогатый самец о четырех ногах... Боже! И в этом вся высокая трагедия любви? И этому недоразумению посвящены необъятные ворохи человеческих жалоб, называемых памятниками литературы и искусства?

Бугаев вернулся незаметно — тихо прошёл в открытую с подветренного борта дверь, встал в углу, не проронив ни слова. Старпом застал его снова в той же расслабленно-мечтательной позе. Хотел окликнуть, да передумал...

Около семи поднялся на мостик мастер. Акимов сообщил ему о крене, изложил свой план: днём немного сбавить ход и дать возможность палубной команде зафиксировать верхние ящики стальными растяжками, протянутыми к бортам. Что, конечно, следовало сделать ещё в порту.

— Тросы с талрепами найдём? — хмуро спросил капитан.

— Тросов достаточно, а подтянуть кое-где можно и на пружине, закрутить ломиком двойной трос.

— Добро. Боцмана и свободных от вахты матросов с утра отправляйте в трюм.

После завтрака палубной команде было велено собраться на корме. Старпом сам пришёл туда в каске и рукавицах, переодевшись в рабочую тужурку. Народ стекался медленно. Болтун Сикорский был тут как тут, занимал разговорами подошедшего раньше других Бугаева. Говорили опять о женщинах. Судя по доносившимся до старпома репликам, практикант недоумевал, как моряки, имеющие на берегу семью, выдерживают многомесячную разлуку с женами. Ведь кроме собственных неудовлетворённых потребностей их каждодневно должны терзать муки ревности. Даже самая стойкая и верная молодая женщина может не выдержать долгой разлуки и когда-нибудь уступит чужому натиску... Неужели морская работа, как бы она ни оплачивалась, стоит таких переживаний? Допустим, эти проблемы мало заботят людей пожилых или бесстрастных, таких, как старпом или, к примеру, электромеханик, но большинство...

— А вот насчёт Лайнера вы ошибаетесь, — звонко возразил Александр Васильевич. — Он как раз очень, очень... Помните Высоцкого? В общем, сексуально озабочен. У него есть на этот счёт своя теория, наверняка вы её ещё слышите от него. Но скажите, что за штука эта ваша верность, как именно вы её себе представляете? Одна любовь до гроба и больше никогда и ни с кем? Вот у меня дома как раз молодая жена, мы любим друг друга, но мне не придёт в голову давать ей клятву в вечной верности, так же как немыслимо, на мой взгляд, требовать такой клятвы от неё. Хотя вы правы, наверное. Иной раз в конце рейса мерещится: приходишь ты домой, а там уже кто-то прочно занял твоё место, и тебе предлагается поразмышлять о превратностях жизни на лестнице...

Появились боцман Ругинис с Иваном Егоровичем. Вразвалочку вышел из надстройки расхристаный Жабин, уселся на кнехт, всем видом выражая недовольство.

— Не сиди на холодном, болеть будешь, — заметил старпом.

— Лучше бы о другом побеспокоились! — отпарировал Жабин, набычившись.

— Надо обо всём думать заранее. Пока молодой, не чувствуешь, а с годами скажется... Ну что, все собрались? Идем в трюм?

Боцман не двинулся, стоял молча. Жабин продолжал сидеть, опустив голову.

— Вы в курсе дела? — спросил старпом. — У нас сместился груз, пока ещё не очень сильно. Но если выйдем так в океан, можем плохо кончить. Надо поставить растяжки, всего-то на полдня работы.

— Надо так надо, — сказал Сипенко. — О чём тут ещё разговаривать.

— Я останусь на палубе, — сказал Жабин, не отрывая глаз от палубы. — Буду троса подавать.

— Хорошо. Вы? — Старпом повернулся к Ругинису.

— Я уже высказывал вам своё мнение и не хотел бы здесь излагать его ещё раз, — с немецкой педантичностью отчеканил Ругинис. — Вы можете мне приказать, но я попрошу сделать это в письменной форме.

— А судно? — спросил старпом. — Вас не тревожит опасность, которая грозит судну и нам всем?

— Это не моя проблема.

— Не буду никого принуждать, — тихо сказал старпом. — Только стыдно должно быть.

Механик Сикорский, чувствуя неуместность своего присутствия при этом тяжёлом разговоре, тихонько отошёл и скрылся в надстройке.

— Бугаев, вы как? — спросил старпом.

Миша слушал перепалку в полной растерянности. Посмотрел вопросительно на боцмана, потом на Ивана Егоровича, перевёл глаза на старпома. Видно было, что дело не в страхе, он пытался решить для себя какую-то трудную задачу.

В это время сверху загремела по трапу торопливая дробь, подкатился Андрей Чернец, наглухо застегнутый в чёрный китель:

— Прислан в ваше распоряжение. Там на мостике капитан с третьим помощником, я не нужен.

— Я тоже иду! — торопливо подтвердил Бугаев. — Иду, конечно.

Но тут внезапно вмешался Иван Егорович со своей щербатой улыбочкой:

— Тебе лучше тоже троса подавать. Наверху руки будут нужны.

Старпом посмотрел на старшего матроса с удивлением. Иван Егорович был явно не в себе, разволновался, даже немного вспотел, морщинистые щёки разругались.

— Идёмте, там решим, — сказал старпом, надеясь, что всё как-нибудь разъяснится.

Так и вышло: только основная группа ушла вперед, Сипенко потянул Акимова за рукав, зашептал:

— Мальца бы туда не надо. Ему ещё жениться, детей заводить.

— Иван Егорович, я в этом смысле тоже не могу зарекаться. Да и вы молодец хоть куда, — пошутил старпом. — В чём дело-то? Вы тоже верите в эту ерунду?

— Как ерунда! Не ерунда. Не надо бы мне говорить, да только... Там при погрузке в порту один ящик немножечко разошёлся, я заглянул... Короче, узнал, видел такое, когда на флоте служил. Имели дело. Вроде закрыто, в контейнере, а всяко может быть... Но я об этом никому не говорил, вам первому, не подумайте чего!

У Акимова всё задрожало внутри.

— Идите к трюму, скажите всем, чтобы ждали меня, — сказал он. — Я сейчас.

Капитан стоял на мостике в своей обычной позе, широко расставив ноги, опершись прямыми руками на поручень перед иллюминатором, устремив взгляд вперед.

— Без лоцмана в проливах обойдёмся, — рассудительно говорил он третьему помощнику. — На хрен нам лоцман? Сами пройдем. Имеем право. Так, Юрий Дмитриевич?

Старпом встал рядом, тихо попросил его выйти для неотложного разговора. Красносёлов взвился: какой ещё разговор? Встречных судов до хрена, расходиться с ними надо, а штурман на руле стоит! На миг оглянулся недовольно на Акимова, потом, за что-то зацепившись взглядом, с удивлением поглядел ещё раз, подольше. Нехотя оторвался от иллюминатора, бросил Бородину:

— Пока так держите.

Вышли из штурманской в коридор, Красносёлов плотно затворил за собой дверь.

— У вас одна минута. Чего так разделись, работать, что ли, собрались? — спросил.

— Николай Николаевич, я задам вам смешной вопрос, только вы не смейтесь, — предупредил Акимов. — Что мы везём в первом трюме?

Капитан фыркнул, откинулся назад, выпятив живот, ответил с раздражением:

— Что вы мне тут ваньку валяете? Займитесь делом!

Отвернувшись, взялся было за ручку двери.

— Постой, — сказал Акимов, схватив его за плечо. — Ещё раз спрашиваю: что в ящиках?

Красносёлов долго смотрел на него в упор, пожёвывал губами, топорща усики. Как будто пытался понять, насколько тот искренен и как далеко способен зайти в своей нелепой шутке. Наконец вымолвил недоверчиво:

— Я знаю об этом столько же, сколько вы.

— Тебя спрашивают, — заорал Акимов, уже теряя контроль над собой, — ты бы послал сейчас в трюм своего сына? Меня интересует только это, больше ничего.

Красносёлов перестал жевать и, кажется, что-то определил для себя. Взгляд его потух. Он снова двинулся к двери, но приостановился и буркнул через плечо:

— Сына бы — не послал. И не потому, что в курсе, а так, на всякий случай.

Проход в носовую часть судна был затруднён: в районе четвертого и пятого трюмов на палубе от борта до борта лежал груз — связки пиломатериалов в штабелях, удерживаемых стензелями и обтянутых тросами, сверху укрытых брезентом. Накануне Сипенко по распоряжению старпома устраивал деревянные трапы и настил для прохода поверх штабелей, а поздно вечером, уже в море, вместе с боцманом поставил леерные стойки и натянул между ними трос. Шагая по сходням, Акимов машинально проверил прочность ограждения и обратил внимание, что Ругинис с Егорычем либо не догадались, либо не успели закрепить сам настил на палубном грузе. Достаточно хорошей волны или сильного крена — и люди, ступившие на это сооружение, вместе с ним окажутся за бортом.

Команда в ожидании старпома переминалась на полубаке возле боцманской кладовки, пришли туда и Ругинис с Жабиным.

— Значит, так, — сказал Акимов. — Со мной в трюм пойдут Сипенко и Чернец. Жабин наверху рубит трос и подает нам концы и другое снаряжение. Боцман, подготовьте тросы, скобы и подберите все талрепы, какие есть.

Старпом был серьезен и крепко чем-то рассержен. Это почувствовали все, даже Жабин подтянулся и удержался от обычного ворчания. Возмутился один только Бугаев:

— А я?..

Акимов будто не слышал, строго продолжил, обращаясь к боцману:

— Вам, Герман Витольдович, персональное замечание. Настил просто-напросто кинули поверх штабелей. А ведь вы прекрасно знали, что идём в шторм. Вот это уже ваша проблема и ваша личная ответственность. Как закончите здесь для нас приготовления, возьмёте с собой Бугаева, и чтобы к обеду все трапы и настил были принайтовлены. Да не на соплях, а намертво. Сам проверю.

— Я пойду в трюм, — упрямо сказал Бугаев.

— Вы пойдете, куда прикажут! — прикрикнул старпом. — Боцман, если он будет заниматься самостоятельностью, дайте ему в руки швабру и отправьте чистить гальюны. Хватит с нас этого детского сада.

Через лаз спустились втроем по приваренным к переборке скобам в тёмный твиндек, дали свет. Больше часа понадобилось только на то, чтобы разобрать груду беспорядочно наваленных поверх ящиков досок. Раньше, во время грузовых работ в порту, Акимов не предполагал в этой куче умысла, считая её простой неряшливостью докеров или такой своеобразной сепарацией, подготовленной для догрузки трюма в Швеции, но теперь, откидывая вместе с матросами тяжёлые сырые горбыли к бортам, убедился, что здесь явно была маскировка. Сами ящики, сбитые из плотных дощатых секций и обрамлённые стальным профилем, имели габариты весьма внушительные: метров четырнадцать в длину и квадрат со стороной более двух метров в поперечнике. Они были уложены вдоль судна, четыре в ряд. Ни надписей, ни маркировки. Высоту штабеля можно было определить только умозрительно, потому что всё пространство твиндека между ящиками, бортами и переборками было забито горбылём; Акимов прикинул по оставшемуся просвету до крышки трюма — должно быть, ряда три, никак не меньше. Причём в нижних, скрытых рядах не исключалось и по шесть, и по семь ящиков: ширина трюма позволяла. Первоначально верхние ящики лежали строго по центру, но теперь они съехали на левый борт, придавив рыхлую засыпку из досок. Каждый ящик был обвязан ближе к торцам стальными тросами с прикрепленными к ним скобами, видимо, для оперативной выгрузки где-нибудь на рейде. Это облегчало задачу — было к чему прилаживать растяжки.

— Интересно, что там всё-таки? — промолвил Чернец, в минуту передышки семена туда-сюда по одному из ящиков и пробуя каблуком на крепость дощатую обшивку.

— Если бы я знал! — Старпом вздохнул, вытирая взмокший под каской лоб.

— И что было бы тогда? — с вызовом спросил матрос. — Мастер вот знает, а что толку!

— Во-первых, я не мастер. А во-вторых, что там он знает и знает ли — это большой вопрос.

— Круто! Куча народу на пароходе везет фиг знает что, и никому...

— Ты, это, иди подбирай, — оборвал Чернеца Иван Егорович. — Иди, там Жабин уже бросает.

— Тросы нужны? — гудел сверху Жабин, нависнув над квадратным проёмом лаза. — Держи!

Несколько тяжёлых стальных бухт ухнуло вниз на доски, за ними полетели скобы.

— Стой, бленах..! — заорал ему Чернец. — Ты башкой-то соображай немного, всё сейчас под доски провалится! Как доставать будем? Спускай связку на шкентеле!

— Вон туда зацепим? — спрашивал тем временем Сипенко старпома, показывая вверх, на массивные рымы под палубой вдоль бортов.

— Не торопись, Иван Егорович. Ты что, подвешивать эти ящики собираешься? Тогда нижние ряды поедут. Надо не кверху тянуть, а прижимать. Понял? Сейчас я тебе нарисую... Ах, чёрт!

Старпом прилачился было начертить Сипенко на гладком распиле доски схему, как вдруг ручка, бережно вынутая из нагрудного кармана рубашки, скользнула из руки и мигом исчезла в глубокой щели между горбылями.

— Чёрт! Дорогая ручка-то. Подарок...

— Теперь не достать, — посочувствовал Сипенко, заглядывая в чёрную пропасть щели. — После выгрузки поищем, Алексеич.

— Да ладно. Потерявши голову... Я к чему тебе стал рисовать: надо верхние ящики между собой плотно стянуть за обвязку, скобами или ещё как, а от крайних растяжки вниз вести! Чтобы зажать нижние ряды.

— Так-то так, да куда вниз, доски же мешают?

— Будем разбирать...

На обед Акимов опоздал. Решил, что за столом никого уже не будет, не стал тратить время на переодевание, чтобы сразу опять нырнуть в трюм. Но в дверях кают-компания столкнулся с капитаном.

— Как у вас? — деловито спросил Красносёлов как ни в чём не бывало.

— Закрепили, обтянуть осталось.

— Помощь требуется? Может, кого-то из машины привлечь?

— Не нужно, Николай Николаевич. Управимся.

— Давайте.

В шестнадцать часов Акимов принял вахту у Грибача. К тому времени груз в трюме закрепили стальными растяжками, по четыре с каждого борта. Боцман и старший матрос по распоряжению старпома обходили всё судно от бака до кормы, ещё раз проверяя готовность к шторму. Капитан не покидал мостика: приближались к Датским проливам. Он разговорился — по-начальственному снисходительно, как давно уже привык, даже немного по-барски, но видно было, что ему сейчас не очень уютно и он пытается загладить утреннее происшествие.

— Дожили, етить твою. Думал ли я, когда плавать начинал, что буду суда под мальтийским крестом водить!

— А что, под российским нынче лучше? — сухо зато спросил старпом, только чтобы поддержать разговор.

— Не знаю. Теперь — не знаю. Раньше за флагом стояли могучая держава, традиции. Гордость какая-то была. А теперь вот он, — капитан кивнул в сторону практиканта, — с какой мыслью работает? Куда после окончания пойдёт? Деньги зашибать, и только. И деньги-то никакие, на берегу сейчас много больше имеют.

— Да уж, наши деньги все в чужом кармане. Вы правы, наверное. Столько уже времени народ не может понять, кому или чему принуждают его служить. Отсюда и упадок сил, и вырождение. Вымираем понемногу... А всё-таки в море любовь к своей стране обостряется. Впрочем, как и многие другие чувства. Я два года назад, когда вернулся на флот, снова это пережил, будто в юности. Хоть и под чужим флагом, а чувство — русское, никуда от него не денешься.

— Да. Флаг чужой, а случись что — под защиту этого флага кинемся, некуда нам больше бежать, — невпопад поддакнул капитан.

Бугаев за вахту не проронил ни слова, выглядел надутым, но на руле стоял исправно и все распоряжения старпома выполнял с подчёркнутым усердием.

В четыре утра мастер по-прежнему был на мостике. Судя по утомлённому виду и красным от бессонницы глазам, он не уходил оттуда всю ночь, лишь ненадолго укладываясь подремать на диване в штурманской рубке. Акимов про себя одобрил столь ответственное поведение и подумал, что он бы на месте капитана тоже, наверное, не рискнул доверить судно в проливах штурманам. Но уже миновали Скаген, а Красносёлов всё маячил в своем углу за радаром.

Бугаев, как всегда, встал за штурвал. Шли в ручном режиме, приближаясь к точке поворота.

С каждой минутой волны становились выше, раскачивало сильнее. Это было похоже на аттракцион, раскручивающийся с ускорением, всё быстрее и быстрее, когда сам не знаешь, где же будет положен предел смертельно опасному росту...

Старпом заметил, как побелело лицо Бугаева, впервые в жизни, наверное, попавшего в настоящий шторм.

— Вы как вообще, качку-то переносите? Если мутить будет, скажите. Полборта лево!

— Полборта лево, — слабым эхом откликнулся Бугаев.

— Громче репетуйте!

— Есть полборта лево! Двести семьдесят... Двести шестьдесят пять... Двести шестьдесят... Двести пятьдесят пять...

— Хорошо. Прямо руль. Выходите на двести сорок пять.

После поворота капитан решил наконец отправиться в каюту поспать, но у самой двери, что-то вспомнив, вернулся. Отвёл Акимова в сторону, тихо спросил:

— Вы вчера закидали ящики досками, как было?

— Как их закидаешь поверх оттяжек, Николай Николаевич! Разве что под низ по одной доске просовывать, это ещё как минимум на день работы. Но в чём проблема, там же у нас буровые установки?

— Проблема в том, что никаких буровых установок на судне нет, — раздражённо обронил капитан, выходя.

В течение дня шторм усилился. Судно шло теперь почти лагом к волне, амплитуда бортовой качки росла. На вечерней вахте Акимов, чтобы уйти от опасного резонанса, уклонился на десять градусов к западу, держа скулой на волну. Капитан был рядом, не возражал, но через какое-то время произнес с сомнением:

— М-да... Этак мы мимо Ла-Манша проскочим.

— Дожмём потихоньку, время ещё есть, — сказал старпом. — Галсами будем двигаться. Как под парусами.

— Нет. Попробуем ещё раз двести десять.

— Повременить бы, Николай Николаевич. Потом, под защитой берега, возьмём покруче...

— Лучше даже двести, — капризно решил капитан. — Лево на борт!

— На руле, слышите? — угрюмо спросил старпом. — Лево на двести.

— Слышу лево...

Бугаев выполнил команду, но не успел закончить фразу. Огромная волна накрыла палубу до самой надстройки, так что не стало видно ни бака, ни уложенных по-походному кранов, ни даже палубного груза с перекинутым через него деревянным мостиком, одна только верхушка мачты осталась торчать над вспененными волнами, — и в ту же секунду судно завалилось на левый борт и так застыло, словно раздумывая, куда ему двигаться дальше. Мастер прижался к поручню, старпом успел схватиться за стойку радара. Бугаев от неожиданности присел и едва удержался возле рулевой колонки. В жилых помещениях что-то срывалось с мест, грохот с нижних палуб достиг мостика.

Судно, лежа на борту, нехотя пошло назад. Старпом скользнул вдоль переборки к растерявшемуся практиканту, сам переложил перо руля вправо.

— Ну вот, теперь без ужина остались, — попытался пошутить капитан. — А у меня в качку зверский аппетит просыпается! Так с юности повелось.

Хлопнула дверь штурманской. Неверной походкой, держась за переборки, пробрался в ходовую рубку Сикорский с перепуганным лицом.

— Николай Николаевич, разрешите? Дедушка интересуется, когда будем купаться.

— Ишь ты, лазутчика прислал! — сказал капитан, совсем развеселившись. — А что бы ему телефонную трубку снять? Передайте Станиславу Игоревичу, что как станем плавки надевать — обязательно его позовём!

Старпом остался серьёзен. Не отходя от штурвала, приказал Бугаеву:

— Пройдитесь по нижним палубам, посмотрите, что там. Успокойте народ. На камбуз обязательно загляните. И попросите Сипенко спуститься в первый трюм, проверить состояние груза и доложить. Скажите, что это моя просьба, слышите? Просьба!

Матрос вышел следом за Сикорским. Акимов с мастером остались на мостике одни.

— Галсами, говорите? — пробормотал капитан, стараясь не выдать смущения. — Ну, галсами так галсами... Думаете, выдержали ваши растяжки?

— Наши, Николай Николаевич. Пока держат, они наши. А после будут уже ничьи.

— Опять вы за свои словесные упражнения. Да не ерепеньтесь, я отлично вас понимаю. Вы старше, а приходится подчиняться. Обидно... Что ж тут поделаешь? Так судьба распорядилась.

— Судьба удобное слово, непрозрачное... Николай Николаевич, вы в комсомоле-то успели побывать?

— Успел. На втором курсе был секретарем факультета.

— Вон даже как! Может, и в партию заскочили? Это какой год-то был, восемьдесят девятый? Тогда ещё весы раскачивались, как вот мы сейчас на волне. Никто не знал, какая чаша перетянет...

— Заскочил.

— А выскочить вовремя успели?

— Тоже успел. А вам опять завидно?

— Точно. Я вообще, что называется, тормоз по жизни. Вы детство своё часто вспоминаете? У меня одна картинка из начальной школы накрепко в память врезалась. Как сейчас перед глазами. Тогда ребяташки ловили майских жуков, приносили их весной в класс. Может, и современные так делают, не знаю. Жуки красивые, огромные. Едва в спичечном коробке умещались. Показывали их друг другу, хвастались, у кого лучше и больше. Обменивались. Теперь, наверное, за деньги продают. Ну вот, и однажды на глазах у всего класса двое мальчишек не поделили такого жука. Заспорили чуть не до драки. Жук тем временем на пол свалился и в сторону пополз. В классе-то не разлетаешься. А пол у нас в школе был деревянный, половицы широкие, краска на них местами потёртая и облупленная... Это я так, картинку вспоминаю, дело не в том, конечно. И один из этих парней, который, возможно, проигрывал в споре по слабости или просто был не прав и понимал это, подбежал к жуку и, чтобы он сопернику не достался, подошвой его — хрусть!.. Говорю, до сих пор этот хруст в ушах стоит. А я никогда не мог никем пожертвовать. Что бы там кто ни делил. Оттого, наверное, и остался назади...

Капитан молчал, смотрел на море, шея его налилась кровью.

— Смешно, — сказал старпом. — Когда меня вчера Бугаев донимал своей правдой, я всячески старался остудить его пыл, а с вами сам становлюсь правдолюбом. Так что это вы, пожалуй, старше меня, я перед вами просто мальчишка.

— Вот видите. Каждый получает по заслугам.

— Знаете, что самое страшное? Даже не то, что людей обманывают. Этим время от времени промышляет любая власть. Страшно то, что наши люди давно ничему не верят. Каждый не сомневается, что начальство, да и само родное государство лгут во всё. Что эта машина, когда ей будет нужно, ни перед чем не остановится. На судне все до последнего матроса так считают. А вы просто принимаете это как должное. Вам всю жизнь было не до правды. В конце восьмидесятых вы торопились вскочить в отходящий литерный вагон, куда ещё пускали только по билетам. Через пару лет, когда убеждения разменяли на деньги и вас вместо заседания партбюро потащили к целованию креста, вы, пожалуй, даже удивились, ощутили какой-то дискомфорт, но предпочли молча покориться. Наверное, в вашей жизни и потом было много случаев, когда вы тщательно скрывали свои мысли. Вот как теперь. Или уже и мыслей никаких нет, отвыкли думать? Не знаю, может, государству такие люди и нужны, не напрасно же оно пестует вас.

— Выговорились? — нетерпеливо спросил Красносёлов. — Молодец, прямо Цицерон. Вам бы не в моряки, а в сельские батюшки податься. Теперь мы точно знаем, что я исчадие зла. Неплохо бы ещё выяснить, что думают в экипаже про вас. Есть такая притча, про сучок в глазу...

— Да никакое вы не исчадие, вы как раз далеко не худший, — сказал Акимов. — Просто рядовой огромной армии. Но настоящие-то негодяи как раз на эту безгласную армию и опираются, вот в чём штука.

Неизвестно, что бы они друг другу ещё наговорили, чем бы вообще этот разговор закончился, если бы не прибыл на мостик Бугаев. Старпом с некоторым даже облегчением обернулся к практиканту, намереваясь выслушать его доклад, — и ахнул: с одежды Бугаева текли ручьи, а к разбитому лицу он прижимал окровавленный платок.

Глава четвертая

Проверка

Миша никому не признался, как всё было. Когда старпом с капитаном стали допытывать расспросами, сказал, что просто поскользнулся на трапе и упал. Он знал, что сейчас ему надо быть крайне осмотрительным. Опасности грозили со всех сторон, иногда просто сваливались на голову. Если бы он рассказал, как в поисках Ивана Егоровича забрел на корму, которая то возносилась на огромную высоту над пучиной и вся сотрясалась от вибрации оголившегося винта, то, наоборот, проваливалась в пропасть между громадинами покрытых пеной водяных гор, — если бы попытался объяснить, что он увидел и услышал в этом аду и во что вынужден был ввязаться, — это неизбежно повлекло бы за собой пристрастные расспросы, формальное расследование, крупные неприятности для всех участников, вражду и месть со стороны тех, кого он выдал. А всё вместе могло помешать исполнению задуманного плана. После того как вчера утром его не пустили в секретный трюм, он понял, что находится под особым надзором и подозрением у начальства. Теперь для успеха дела требовались бдительность и строжайшая конспирация.

По этой же причине он всячески старался скрывать растущие неприязнь и недоверие к старшему помощнику. Вчерашнее происшествие стало в этом смысле поворотным: Миша понял, что Жабин, при всем своём идиотизме, был недалек от истины. Дело осложнялось тем, что Бугаева с первого дня на судне тянуло к старпому. Он полюбил беседовать с ним на разные отвлечённые темы, чувствуя себя в этих разговорах уверенно, почти на равных. В Акимове не было снисходительной навязчивости Сикорского или высокомерного занудства Лайнера. Его суждения были непривычны и отличались силой и глубиной неведомого для Бугаева опыта. Нередко они больно задевали и даже оскорбляли. Бывало, что после разговора Миша продолжал перебирать в уме отдельные фразы старпома и приходил в негодование. Как вообще можно говорить такое, игнорируя общепринятые в цивилизованном мире нормы? Да и сам Бугаев хорош, как он мог такое слушать и не приводить очевидные контраргументы? Полемика продолжалась заочно, уже в воображении, и теперь Миша блестящими смелыми доводами разбивал оппонента в пух и прах, иногда на полночи лишаясь ради этого сна. А наутро жадно искал повода на практике применить своё отточённое накануне оружие, почему-то успевавшее к тому времени изрядно притупиться и потускнеть...

И вот всё закончилось. Теперь важно было себя не выдать. На вахтах Миша держался настороженно, не вступал в разговоры, покорно выполнял приказания, терпеливо сносил глупости. Как ещё можно расценить, например, солдафонское требование старпома «репетовать громче», когда кругом был кромешный ад? Словно от громкого голоса, от тупых повторений однообразных команд (и слово-то какое варварское — «репетовать»!) что-то реально зависело. В ту минуту Миша стоял за штурвалом ни жив ни мёртв, с вивавшей в голове одной-единственной, неведомо к кому обращённой мольбой: «Заберите меня отсюда!» Он был потрясён стремительно нарастающей бурей, жуткой панорамой дикого бушующего моря, открывавшейся с мостика. Что-то похожее, наверное, испытывает человек, который впервые в жизни сгоряча вскарабкался, не озираясь

и не глядя вниз, по отвесным скалам на вершину — и оказался кругом перед пропастью: ни вперед, ни назад... И ещё добивала мысль: почему он, Бугаев, с его умом и чувствительностью, только-только начавший жить, ждавший от жизни столь многого, обречён погибнуть на этой жалкой железной посудине вместе с чужими ему людьми, — так рано, так случайно и ничтожно. Этого просто не могло, не должно было быть! Он не желает больше здесь оставаться, не хочет двигаться к верной смерти, он должен любой ценой отстоять своё право на жизнь. Ведь когда у кого-то в море случается приступ аппендицита или, к примеру, роды у женщины, гуманные иностранцы немедленно присылают помощь и эвакуируют такого человека. А разве ему сейчас легче? Пусть дают сигнал бедствия, вызывают спасательное судно, вертолёты, делают что угодно — в конце концов, это же не тюрьма и он не осуждённый, он свободный человек, который каждый миг волен в выборе, в особенности если речь идёт о жизни и смерти, — зачем же с ним так?!

Паника довольно быстро прошла от новых, ещё более грозных впечатлений этого дня, от необходимости что-то реально делать для общего выживания. Сосредоточенная работа бок о бок с другими людьми успокоила, зародилось даже что-то похожее на чувство профессиональной ответственности — за судно и за команду. И когда, уже на вечерней вахте, старпом послал его вниз с проверкой и специально упомянул про камбуз, Миша думал только о Светлане. К ней-то и кинулся в первую очередь. И только по дороге задним умом дошёл, что старпом, конечно, не случайно про камбуз отдельно сказал, — что-то ему об их отношениях со Светой стало известно.

С отношениями этими всё было тоже непросто. Ещё вчера на утренней вахте, вернувшись от Светы на мостик, Миша мог побиться об заклад, что их чувства взаимны. Он входил к ней по утрам уже без той робости, что была вначале, тихо захлопывал и запирали за собой дверь, склонялся над койкой. Она уже не спала, молча обнимала его, одетого, не включая лампочку. Минут пять они страстно целовались в темноте. Он с упоением вдыхал чудесный запах её сухих рассыпчатых волос, прикоснулся губами к молочным на вкус шее и плечам. Больше ничего себе и своим рукам не позволял — знал по опыту, что на этом всё закончится: сразу зажжётся свет, на милом, припухлом со сна лице проявится укоризненная мина, и его решительно спровадят за дверь. Выпроводят и так, но хотелось продлить хотя бы на минуту-другую ни с чем не сравнимую радость близости.

Они давно были на «ты», днём встречались как добрые приятели (кто-то из экипажа прозвал их «подружками»). После обеда, когда она заканчивала на камбузе с уборкой, он, свободный в этот час от вахты и работ, заглядывал в столовую. Она выходила к нему в «красный уголок» в коротком белом халатике и тапочках на босу ногу. Садилась на журнальный столик, по-детски болтая ногами, расспрашивала о курсантской жизни в училище, много смеялась.

Так было и вчера, после того как старпом не пустил его в трюм и при всех матросах жестоко унизил. Тогда, правда, поддержал Мишу боцман: несмотря на то, что во время дальнейшей совместной работы на палубе оба ни словом не обмолвились об этой подлой выходке старпома, Бугаев чувствовал в Ругинисе солидарную приязнь. Это было ощутимой компенсацией — к боцману он по-прежнему относился с восторгом, как к настоящему морскому волку, и чувствовал перед ним острый стыд за недоразумение, случившееся в первый день.

С мостками управились до обеда, про гальюны боцман и не заикался. А после обеда Миша, всё ещё с тяжестью на сердце, мучаясь догадками, чем обернется для него спора с начальством, и уже замышляя свой план, не удержался и пожаловался Светлане на Акимова. Вернее, она сама заметила удручённое Мишино состояние и вынудила признаться. И когда услышала историю в его пересказе, как-то вся сникла. Сидела задумчивая, опустив голову, стиснув руки на голых коленках, так что Бугаев уже проклинал себя за жалобу — не по-мужски вышло... А она вдруг тряхнула головой, посмотрела на Мишу стеклянным взором и сказала:

— Ты всё себе выдумал, маленький. Ты считаешь себя тут самым важным. Ну и считай на здоровье. Только у Владимира Алексеевича, конечно, была совсем другая причина. Чего ему тебя бояться? Он тебя жалеет. Хочешь, я с ним поговорю?

Только тут он почувствовал, что не всё в их отношениях безоблачно и что о тайном его замысле нельзя рассказывать никому — даже ей.

Для успеха дела нужен был надёжный фонарь. У рядовых матросов фонарей не было. Перебрав возможные варианты, Миша сразу отбросил боцмана и Сипенко, которые могли заподозрить неладное. Остановился ненадолго на механике Александре Васильевиче (в машинном отделении, он знал, ручными фонарями пользовались постоянно) и тоже забраковал: слишком болтлив.

После грустной беседы со Светой Бугаев встретил на шлюпочной палубе скучающего Лайнера, от нечего делать ковырявшего спичкой в зубах, и решил к нему подойти. Сам удивился, как ему сразу мысль об электромеханике в голову не пришла: фонари — это как раз его хозяйство!

Лайнер был рад нечаянному собеседнику. Облокотясь на релинги, они обменялись сожалениями по поводу необычно дурной для этого сезона погоды. Миша откровенно пожаловался на тупость и однообразие морской службы, особенно ночных вахт, состоящих в том, чтобы бороться со сном и пялить глаза невесть на что. Сказал, что тяготы профессии его никогда не пугали, напротив, — он представлял работу в море даже более опасной, но и более увлекательной, что ли, фееричной, свободной, а не уныло-казённой, как здесь. И потом, можно плавать, пока живёшь один; а если женишься? Как он, Лайнер, переносит в рейсах разлуку с женой?

Бугаев, конечно, немного лукавил в своих наводящих вопросах: он помнил слова Сикорского насчет «озабоченности» электромеханика.

Борис Исаакович пустился пространно рассуждать, что супружеская верность — это рудимент прошлых эпох, связанный с неразвитой экономикой и трудностями физического выживания. Современный благополучный и обеспеченный человек давно исключил эту категорию из своего морального кодекса. Да, многие люди на Западе по-прежнему живут в браке, но их связывают в основном дети и общая собственность. Что же касается половой жизни, тут цивилизованное общество озабочено только достижением максимального комфорта. А раз так, моряки оказываются в самом невыгодном положении из всех возможных, ибо где же взять комфорт для кучи мужиков, неделями и месяцами практически лишённых женского общества? Одна-две женщины на экипаж, когда они есть, конечно, — не в счет, эти обычно достаются начальству, которое имеет финансовую возможность платить за сексуальные услуги. У Лайнера такой возможности никогда не было. Борис Исаакович вспомнил к месту слова какого-то доктора Джонсона, прочитанные им однажды по-английски на упаковке британских лезвий: о том, что жизнь на судне — это жизнь в тюрьме, с той лишь разницей, что на судне можно ещё и утонуть; что заключённый к тому же имеет больше жизненного пространства, лучшее общество и, как правило, более разнообразную пищу...

— Вам не нравится, как готовит Света? — простодушно спросил Бугаев.

Лайнер почему-то смутился и уточнил, что доктор Джонсон жил, кажется, в восемнадцатом веке, когда моряки на парусных кораблях плавали в страшной тесноте, страдали от недостатка витаминов и жрали тухлую солонину, рейсы длились по нескольку месяцев, а на флот шли в основном разбойники. Что же касается Светланы Герасимовны, она готовит превосходно и не относится, к счастью, к категории тех девиц легкого поведения, которых он только что упомянул, так что если Бугаев сдрейфит, то, во-первых, сделает её несчастной, а во-вторых, сам будет всю жизнь страдать, как по сей день страдает он, Борис Исаакович, упустивший много лет назад свой шанс.

Пришел черёд смутиться Мише, он побагровел до слёз, но всё-таки сумел пролепетать:

— Какой шанс вы имеете в виду? Вы собирались жениться?..

Борис Исаакович строго сказал, что к тому времени он уже был женат и вовсе не собирался бросать семью. Шанс состоял в том, что баба хотела ему отдаться, а он сплеховал. Был зелёным и неопытным, вешал ей лапшу на уши, а на дело не сподвигся. Всё казалось, что нельзя так сразу, что это её испугает, оттолкнёт, оскорбит, что за женщиной надо сначала как следует поухаживать... Так его учили в советском обществе. Она всего месяц как была замужем. Ждала возвращения мужа из рейса. В первый день знакомства они просто разговаривали, во второй уже целовались, на третий она привела его к себе домой, а он оробел. А на четвёртый день прибыл муж. Больше они не виделись, но она ещё много лет писала ему трогательные письма. Когда он их читал, его сердце разрывалось.

— Но это же настоящая любовь! — сказал Миша. — Как в «Даме с собачкой» Чехова. Жалеть тут можно только о том, что вы не сошлись, не решились порвать семейные узы...

— Ничего не надо рвать, — возразил Лайнер. — Надо было просто трахнуть её в тот вечер, и всё. Тогда бы мы сразу забыли друг друга, и не было бы никаких писем и страданий. Переспи с бабой, и всякая любовь пройдёт. Глупо из-за этого пустячного дела разрушать семью и вообще сходить с ума. Но вот именно это-то и мешают сделать наши отсталые интеллигентские понятия...

Такой поворот мысли совершенно обескуражил Мишу. Вся душа его возмутилась, но не было ни опыта, ни даже подходящей лексики, чтобы уверенно возразить. Он мог сослаться разве что на литературу, на ту же «Даму с собачкой», где настойчивость героя в овладении женщиной не уберегла обоих от последующих страданий, но книжная романтика едва ли убедила бы прагматичного Бориса Исааковича. К тому же Миша нутром ощутил, что в теории Лайнера, несмотря на всю её примитивность, что-то есть — какая-то банальная животная правда; ну, частичка правды. Он решил поразмыслить над этими смутными и тревожными ощущениями после, а теперь надо было довести до конца дело.

К просьбе о фонаре Лайнер отнёсся настороженно. Миша заверил, что фонарь ему нужен на вахте, для ночного обхода палубы и спуска в тёмные помещения.

— Но на мостике есть фонарь! — возразил Борис Исаакович.

Пришлось соврать, что в том фонаре сел аккумулятор и он едва светит. Лайнер, похоже, был близок к тому, чтобы немедленно подняться на мостик и проверить оборудование, но потом, на счастье Бугаева, устало махнул рукой, позвал его в каюту и выдал фонарь из своих запасов — с возвратом. Миша тотчас отнёс фонарь к себе и спрятал в изголовье койки под матрасом.

Вторая вещь, которая была необходима в его предприятии, — ломик или топор. Топоров в распоряжении боцмана и Егорыча имелось много, самый доступный висел недалеко от первого трюма на пожарном щите, но его пропажу легко могли заметить. Поэтому Миша специально приглядел увесистую заострённую свайку, которую Жабин днём вытащил из кладовки вместе с грудой другого железного добра для работавших в трюме, — что-то вроде воровской фомки. Улучив момент, когда на палубе никого не было, Бугаев спрятал её возле деревянных мостков под краем брезента, прикрывавшего палубный груз. Если бы хватились и обнаружили, могли бы решить, что свайка сама туда закатилась; однако никто, конечно, не хватился.

Все эти приготовления он успел сделать ещё вчера до вечерней вахты, намереваясь в ту же ночь исполнить задуманное. Но судно весь вечер шло проливами, по берегам горели зарева больших городов, курс то и дело пересекали ярко освещённые белые паромы и маленькие ладные катера, на воде сверкали разноцветные дорожки каких-то нереальных, «нездешних» оттенков — Мишу не покидало чувство праздника, как будто он попал в окружение незнакомых красивых и весёлых людей, которые радуются, пляшут и поют. Это была его первая заграница, пускай пока и в отдалении, но уже поражающая особым порядком вещей. Он засмотрелся, увлёкся, а к тому ещё и другие на судне до-

поздна разгуливали, тоже глазели на близкие берега, кто-то постоянно торчал на палубе, и вахта была усилена, капитан всю ночь не покидал мостика, — так что он отложил своё тайное дело на сутки.

Начавшийся наутро небывалый шторм перетряхнул все Мишины мысли, но не поколебал его отчаянной решимости. Выполняя на вечерней вахте поручение старпома, после того как судно легло на борт и едва не перевернулось, Бугаев, как уже сказано, первым делом спустился на камбуз. Влетев туда с попутным толчком волны по наклонной палубе, он, к своему огромному облегчению, нашел Свету живой и невредимой, всю в хлопотах возле плиты.

— Как ты тут? На мостике боятся, что у тебя ужин накрылся...

— Хороша бы я была! — откликнулась она с непривычно строгой, какой-то вымученной бодростью. — Передай этим обжорам, что они ещё и мою порцию слопают в придачу.

— Плохо тебе? Помочь?

— Спасибо, маленький, управлюсь. Привыкла уже.

— А старпом меня специально к тебе послал. Думаешь, он догадывается?..

— Беги-беги, ты ведь на вахте. Поговори там с волнами, чтобы не беспредельничали больше!

Ему нравилось это полушутливое отношение Светы ко всем вещам как к живым и разумным существам, с которыми всегда можно договориться, он сам не заметил, как начал его перенимать. Она казалась ему иногда доброй колдуньей: вот скажет, нагадает что-нибудь — и так и выйдет...

Каюта старшего матроса была пуста, боцман тоже отсутствовал. Никого не было и в «красном уголке». Бугаев решил поискать Сипенко на палубе, по неопытности пошёл к наветренному выходу из надстройки, с трудом отворил задраенную стальную дверь — и в тот же миг оказался мокрым с головы до ног; волна плеснула в тамбур, забрызгала коврик в коридоре. Хорошо ещё, что судно в тот момент накренилось на левый борт и дверь вновь захлопнулась под своей тяжестью, иначе ему пришлось бы долго её ловить и умирять на заливаемой палубе.

Проход вдоль надстройки по левому борту был более сухим, но не менее устрашающим: эта сторона судна то и дело заваливалась в пучину, и тогда горизонт опрокидывался прямо на Мишу, как в самолете на крутом вираже. Волны здесь, заслонённые корпусом судна от ураганного ветра, были глаже, исходили шипящей пеной и приближались порой так близко, что их, казалось, можно было достать поверх фальшборта рукой. С высоты трапа, не отваживаясь спуститься, Бугаев оглядел залитую водой главную палубу со штабелями лесного груза. Мощные фонтаны, вздымаемые носом судна при каждом ударе о волну, потоками обрушивались на бак и первый трюм. Едва ли кто мог оказаться в этот час в носовых помещениях. Миша с тоской подумал о почти непреодолимых трудностях, с которыми будет связано выполнение его тайного намерения: ведь надеяться на то, что к ночи шторм уляжется, не приходилось.

Он решил на всякий случай заглянуть ещё на корму и оттуда сразу подняться на мостик по наружному трапу, трезво рассудив, что старпом может вызвать Сипенко и по трансляции.

К его радости, на корме оказались люди. Он увидел их сразу, как только завернул за угол надстройки: между шпилем и вышкой вполборота к нему, лицом друг к другу стояли Чернец и Жабин. Они его не замечали.

— ...зду блена... отсиживаться когда другие зае... дохнуть?! — донес ветер до ушей Бугаева обрывки крика Чернеца.

— Я не ...аюсь подыхать из-за ...ёвина ...ись оно в пи... крысятнику ... опу! — проорал в ответ Жабин.

— Кто ...зал жопу? Это я ли... собачий?

Миша не понимал, что они кричат. Как раз в это время он увидел перед собой огромную изумрудно-зелёную гору воды, всю в белых разводах пены, нависшую высоко над кормой, и застыл в оцепенении, обеими руками ухватившись что есть сил за металлический поручень и прикинув к надстройке. Величе-

ственная картина завораживала ужасом и красотой, от неё невозможно было оторваться. Такое море, такие волны он видел впервые — всё это совершенно не походило на уже привычную серую Балтику. Казалось, гибель неминуема, громада вот-вот должна была обрушиться на судно, поглотить его, как щепку. Это длилось всего несколько секунд; затем корму подбросило кверху с такой силой, что у Миши подогнулись колени и зашлось сердце; судно вознеслось на самый гребень вершины, беспомощно переваливаясь с борта на борт, с оголёнными винтом и рулем, отданное целиком на волю судьбы, и — снова кувыркком рухнуло в пропасть между двумя валами...

Наверное, у Бугаева был в это время ошалелый вид. Матросы могли бы заметить, как он перетрусил. Но Чернецу с Жабиным, к счастью, было не до него.

Придя в себя в короткий промежуток между падениями и взлетами кормы, Миша, не отпуская идущего вдоль надстройки поручня, придвинулся к ним поближе.

— ...Подыхай, если у тебя мозгов нет! — заканчивал очередной свой выпад Жабин.

— Да у тебя, бленах..., не только что мозгов, у тебя и кишки давно все высохли! — кричал Чернец. — Потому что любая тварь с кишками понимает, что нельзя жить только за счёт других, надо и самой что-то делать! Ты просто червь, паразит!

— Для кого делать, для крысятника? Чтобы он карманы набивал, а я потом сдох?

— Для себя, дубина! Если бы мы вчера за тебя не отдувались, ты бы давно уже рыб кормил. И кончай брехню про старпома, он весь день вместе с нами в трюме просидел. Зачем ему себя-то гробить?

— А мне насрать, чем вы там с ним занимались! Можешь теперь вместе со студентом пойти и пососать у него!

Белесый взгляд Жабина впервые упал на Мишу.

— Бегите сосите оба, пока ещё у него стоит! — нарочно громко повторил он, нехорошо ослабившись.

В этот момент Чернец нырнул рукой под китель, и Миша увидел у него нож. Жабин, который был почти на голову выше, растерялся, отступил назад, шаря около себя глазами, затем резко пригнулся за шпилем и выпрямился уже с занесённой кувалдой.

Посреди урагана, брызг, накатывавших валов, всего того величественного ужаса, который только что ощутил Миша, происходящее между двумя матросами казалось особенно бессмысленным и безобразным. Люди, чья жизнь и без того ежесекундно висит на волоске, готовы убить друг друга из-за пустяка, из-за простого недопонимания, из-за какого-то глупого обидного словца!

Того, что вышло дальше, он и сам от себя не ожидал. Сказались переживания последних часов, постоянная борьба с давящим чувством страха, напряжение на грани истерики.

— Нет! Не сейчас! Вам нечего здесь делить, дураки! — завопил он какую-то чушь, вскакивая между ними.

Чернец свободной короткопалой рукой крепко сжал Бугаева за локоть и молча отодвинул в сторону; лицо его было страшно. И тут Миша сделал очередной непредсказуемый шаг: вдруг размахнулся и со всей силой залепил Чернецу пощёчину. И сразу же, не дожидаясь реакции, повернулся и ударил Жабина головой в живот. В ту же сторону как раз кренилось судно; Жабин не удержался на ногах, выпустил из рук кувалду, оба рухнули на палубу и покатались к леерному ограждению. Жабин вскочил первый, мимоходом двинул Бугаева тяжёлым кулаком в лицо и снова изготовился к схватке с Чернецом, почему-то громко шмыгая носом и всхлипывая.

— Ну, хватит, хватит, — сказал отрезвевший Чернец, поднимая пустые руки. — Мир.

Жабин швырнул кувалду под шпиль и боком, продолжая хлюпать соплями, скрылся в подветренном проходе за надстройкой.

Нокаутированный Миша лежал на палубе головой на чугунной подушке кнехта. Какое-то время ему было тепло и уютно. Раскачивало, точно в колыбели, горящее лицо орошали брызги, по небу неслись тёмные рваные облака, затайливо меняя очертания... Потом сильно заболел нос, что-то густое потекло по щеке. Потом над ним склонилась фигура в чёрном кителе:

— Живой? Холоду надо приложиться!

— Ты что, думаешь, если эти подонки делают с нами что хотят, то и вообще всё можно? — прошепелявил Миша разбитыми губами, по инерции всё ещё пытаюсь донести какую-то застрявшую в голове мысль.

— Вот сука, бленах..., — сказал Андрей, оглядываясь вслед исчезнувшему Жабину. — Кто за него кувалду будет прибирать?..

На мостике старпом, переведя руль на автомат, достал из аптечки пакеты, бинты, какой-то антисептик, сам перевязал Бугаева и велел до конца вахты лежать на диване в штурманской рубке.

Вызвали по трансляции старшего матроса. Тот явился не скоро; оказалось, что когда Миша его разыскивал и безнадежно оглядывал пустынную палубу, уверенный, что в такую погоду никто туда не сунется, Иван Егорович как раз проверял по собственной инициативе оттяжки в первом трюме. Доложил, что с ними всё нормально, держат.

Когда Сипенко ушёл, старпом произнёс себе под нос:

— Этот беспокоится, а боцману хоть бы что...

— Спишем после рейса, — откликнулся капитан. — На хрен нам забастовщики нужны.

— Да ведь он считает себя правым. И по большому счёту так оно и есть. Только где он этот счёт собирается предъявить, разве что в преисподней?..

Ужинал Миша на пару с Егорычем. Чернец к тому времени заступил на вахту с третьим помощником, Ругинис поел раньше, Жабин вообще не появился в столовой. Стёпа намочил водой скатерть и поднял бортики стола, чтобы посуда не скользила и не падала на палубу. Светлана вышла к столу, присела на минутку рядом с забинтованным Мишей, посокрушалась о его беде (настоящую причину, конечно, он не открыл и ей), но есть не стала и скоро ушла отлёживаться к себе в каюту. Её в качку мутило — сильнее, чем Мишу, чем всех прочих; но приготовила она, казалось, именно то, что только и можно было съесть в такую тошную минуту.

Сразу после ужина он отправился в душ, надумав ополоснуться после потасовки на палубе, омыть раны и поменять промокшее бельё. Яркий электрический свет в белоснежной кабинке, горячая вода из крана, махровое полотенце — всё это было настолько далеко от ревушего во тьме ветра и пенистых валов, что та, внешняя жизнь, происходящая совсем рядом, в каких-то сантиметрах за тонкой стальной обшивкой, казалась отсюда мрачной фантазией. Если бы судно не швыряло с борта на борт и вверх-вниз, об этой фантазии можно бы и вовсе забыть. Но Мише это не грозило. Согреваясь под тёплыми струями, он всего лишь ненадолго отодвигал неумолимо приближавшееся рискованное предприятие, которое теперь не выходило у него из головы. Ещё, вспоминая вчерашние слова Светы, думал о том, что она, как всегда, права: надо не воображать, что ты пуп земли, не прикидываться гордым или значительным — это смешно, — а в любых условиях делать то, что считаешь необходимым. В этом и заключается достоинство.

Самым сложным казалось пройти по заливаемой палубе так, чтобы не увидела вахта с мостика. Для этого он решил дожидаться, пока все лягут спать и потушат свет в каютах. Из рубки палуба просматривается и ночью, но если удастся проскочить незаметно по деревянному настилу, уложенному поверх палубного груза и подсвеченному любовными иллюминаторами кают, то дальше будет легче: можно затаиться на время, оценить обстановку, а затем двигаться короткими перебежками под прикрытием комингсов трюмов. Возможно, ему повезёт, капитан отлучится поспать, третий помощник уткнётся в экран радара, останется один Чернец на руле... Андрей — зоркий, и как он поступит, если заметит чело-

века на палубе, предсказать невозможно. Едва ли он узнает в темноте Бугаева, да если и узнает, всё равно ничего не поймёт. Поднимет тревогу, зажгут везде свет... Всего бы лучше сделать его сообщником; тогда, может, он и других сумел бы отвлечь в нужную минуту и дал пройти беспрепятственно. Да только согласится ли он? Бугаев и прежде не был в этом уверен, а после сцены на корме и подавно. Не то чтобы Миша специально раздумался над смыслом отдельных выкриков Чернеца, но и так было ясно, что они со старпомом заодно, раз тот взял Андрея в трюм.

В общем, торопиться было некуда. После душа он пару часов пролежал без сна в постели, пытаясь расслабиться и набраться сил. Койка была расположена вдоль борта, при качке повреждённую голову возило ссадинами туда-сюда по шершавой наволочке, пока он не догадался раскидать подушки и обложиться с двух сторон, «заклинив» голову между ними. Около одиннадцати по-новому (часы по мере продвижения на запад вторые сутки подряд переводили на час назад, теперь судовое время совпадало с Гринвичем) Бугаев поднялся, рассмотрел в зеркале своё лицо: кровь уже не текла, однако нос распух, левый глаз заплыл и едва глядел, а самый белок стал кроваво-красным. В голове было тяжело и как-то мусорно, мысли беспорядочно скакали с предмета на предмет и перепутывались. Миша не стал возвращать на лицо повязку — с ней он был слишком заметен. По той же причине, в целях маскировки, впервые надел несвежую выцветшую матросскую робу, полученную от боцмана ещё в день прибытия (вахты он стоял обычно в курсантской форменке, которая теперь висела в сушилке, а на палубные работы выходил в футболке и спортивном трико). Достал из-под матраса фонарик, проверил его действие, сунул в глубокий карман рабочих штанов: на палубе в любом случае пользоваться им было нельзя. Осторожно выглянул из каюты, прокрался по коридору, оглядываясь, неслышно поднялся по трапу и прошмыгнул мимо столовой к выходу из надстройки. Все эти предосторожности были несущественны и даже излишни, он имел полное право разгуливать по надстройке и выходить наружу, например, просто подышать и поглядеть на море, такое не могло вызвать подозрений; но попадись ему сейчас кто-нибудь навстречу, начни разговор (Сикорский, Лайнер, Сипенко, да кто угодно) — тотчас заметит его возбуждённое состояние и станет приставать; не говоря уже о том, что дело ему предстояло долгое и трудное, и всякая непредвиденная задержка могла вымотать нервы и лишить последних сил.

Вода у борта фосфоресцировала мириадами крошечных огоньков. Такие же искорки разбегались внизу по главной палубе, когда на неё плескала волна. Миша осторожно спустился по наружным ступеням, крепко держась за поручень трапа, чтобы не сорваться при сильном крене, и сразу же получил первую дозу морского душа. В темноте не было видно подходившую к судну волну, невозможно было к ней подготовиться. Он рискнул пойти напролом. В секунды затишья взлетел по деревянным ступеням на мостки и в несколько прыжков, скользя рукой по натянутому тросу от одной леерной стойки до другой, достиг ступенек на другом конце. Скатившись вниз на палубу, притаился за штабелями, укрытый от взоров вахтенных, ожидая возможной реакции. В ушибленную голову лезла несусветная дичь вроде того, что жирный Бородин сейчас приказывает Чернецу: «Кто-то пробежал к трюму, поди и убей его!» — и вот уже Андрей крадётся по настилу с ножом в руке... Может, он уголовник, этот Андрей? Может, он отсидел в тюрьме за разбой или убийство и прикончить человека для него — раз плюнуть? Никогда не знаешь, кто с тобой рядом. Такой немолодой уже, такой странный, добродушный и ожесточённый одновременно...

Убедившись, что погони нет, Бугаев пополз вдоль штабелей, ища под брезентом свайку, которую положил туда накануне. На прежнем месте её не было. Пройдя на коленках по заливаемой палубе от борта до борта, он уже отчаялся и решил воспользоваться запасным вариантом — снять под полубаком топор с пожарного щита. Но свайка случайно обнаружилась у самого фальшборта, в

ватервейсе по левому борту возле шпигата, куда её занесло водой и уклоном палубы. Воодушевлённый первой маленькой удачей, Миша на полусогнутых ногах прокрался вдоль одного, затем другого трюма и оказался перед задранным люком, ведущим в первый трюм. Тут его, потерявшего бдительность, снова настигла большая волна, сбила с ног и отшвырнула к фальшборту, больно ударив о выступающий контрфорс. Отдышавшись и инстинктивно радуясь, что его не смыло за борт, теперь мокрый до нитки, Бугаев быстро заполз между первым и вторым трюмами под защиту крана (барахтанье в воде на открытой палубе могло броситься в глаза вахтенным), поднялся на ноги и вновь приблизился к лазу. Свайка осталась при нём — он ещё до падения догадался опустить её в глубокий карман, туда же, где лежал фонарь. С огромным трудом Миша отдраил и откинул люк. Перекинул ногу через комингс, нащупывая в темноте скобу трапа, и тут понял, что столкнулся с новой неразрешимой проблемой. Если оставить люк открытым, волны станут заливать трюм. Закрывать тяжёлую стальную крышку, держась на узенькой скобе над чёрным провалом трюма, когда тебя ещё и швыряет со страшной силой из стороны в сторону, было хотя и трудно, но возможно. Но вот задраить её изнутри — никак: ручки имелись только снаружи. Хуже того: пока Миша в трюме, любой из команды, проходя мимо, может автоматически задраить эту крышку — не имея никакого злого умысла, даже не подозревая, что там кто-то есть, просто потому, что в шторм люки обязательно должны быть задраены, так велят порядок и морская практика, — и Бугаев окажется заточённым в железной тюрьме без надежды когда-либо выбраться. Отсюда не докричаться и не достучаться до жилой надстройки; и кто, даже если его хватятся, додумается искать здесь? Решат, что смыло за борт, и только.

Но не отступать же сейчас, когда цель практически достигнута! Он решил прислушиваться и сразу громко кричать, как только почувет на палубе возню. Боцман или Сипенко — те, конечно, и сами вначале проверят, нет ли кого в трюме, прежде чем задраивать люк. Что до набегающих время от времени волн, то через щель между крышкой и комингсом много воды не проникнет. Другое дело, если судно начнет переворачиваться, крышка отпадет под собственной тяжестью, и через отверстие лаза хлынет поток... Но тогда, рассудил Миша, будет уже всё равно — открыт люк, закрыт ли. Один конец.

Превозмогая боль, он двумя руками опрокинул на себя люк и, приняв часть тяжести на голову, медленно опустил его за собой. Теперь можно было воспользоваться фонарём. Держась одной рукой за скобу, Миша посветил вниз: провал оказался не столь уж глубоким, твиндек под трапом был заполнен горбылями, наваленными рыхлой кучей, без всякого порядка. Правда, возле самого трапа и дальше вдоль переборки зияли узкие щели, где без фонаря легко было застрять, но когда Бугаев опустился на несколько ступеней и шагнул на доску, что казалась покрепче, он убедился, что куча держит, по ней можно ходить.

В огромном железном помещении было пустынно и гулко. Пахло смолистым деревом и сосновой корой, примешивался горьковатый аромат осины. Отовсюду слышались скрипы, стуки, шорохи. Свет фонарика не достигал дальних углов, но сразу выхватил гигантские деревянные ящики, занимавшие по длине почти весь трюм, до самой носовой переборки. Каждый был обвязан на концах толстым тросом, а между собой они соединялись сцепками из нескольких шлягов стального троса потоньше. Миша ступил на один из средних ящиков. Как раз в это время судно, до того кренившееся влево, пошло уваливаться на правый борт. Когда крен достиг значительной величины, ящик справа двинулся под собственной тяжестью к борту, подминая доски сепарации, и резко дернул за собой средний; от толчка Миша рухнул на четвереньки и ногами вцепился в дерево; его ящик, в свою очередь, рванул за такие же сцепки следующий, тот — крайний левый, и теперь вся громада из четырех связанных между собой и подталкивающих друг друга рядов пошла в направлении крена с нарастающей скоростью, со страшным треском раздавливая и вспучивая насыпанные между ними и правым бортом горбыли. И — раз! — раздался глухой удар, сопровождаемый звуком

лопнувшей басовой струны, протянутые к противоположному борту оттяжки в одно мгновение напряглись и застопорили левый ящик, за ним остановился второй, затем третий, Мишу толчком перекувырнуло в сторону правого борта, и он очутился на четвёртом, крайнем ящике, который к тому времени тоже застопорился. А судно уже катилось назад, и через минуту всё повторилось в обратном порядке: треск придавленных досок слева — и глухое гудение теперь правых оттяжек, принявших на себя ударную нагрузку.

Вправо — влево. Вправо — влево. Сухой хруст дерева, бряканье и скрежет стальных рымов, скоб и тросов, постукивание чего-то в недрах ящиков... Трюм с загадочным грузом, почти весь укрытый темнотой, не переставая, жил своей шумной жизнью, «дышал». Только теперь Бугаев оценил меткость старпомовского слова. От размеренности, изнурительного однообразия и постоянной, не дающей забыть о себе угрозы этого «дыхания» можно было сойти с ума.

Миша распластался для устойчивости на том ящике, где невольно оказался, и принялся его обследовать. Первоначальный план состоял в том, чтобы поддеть свайкой край доски, отогнуть и через образовавшуюся щель с помощью фонарика обследовать внутренности, а затем вернуть всё на прежнее место и подколлотить гвозди, так чтобы никто ничего не заподозрил. Если там действительно части буровой установки — хотя Бугаев совершенно не представлял, как они должны выглядеть, — в общем, если трубы, валы, муфты, шестеренки, короче, железо, — это одно; и совсем другое, если... Как может выглядеть «другое», он тоже не знал; по части секретных военных изделий в голове не было ничего, кроме разве что телевизионных картинок праздничных парадов в День Победы. Но Миша, конечно, был не таким круглым идиотом, чтобы предположить, будто нечто муляжно-пропагандистское, какая-нибудь серебристая сигара может прямо с Красной площади перекочевать в этот трюм.

На деле всё оказалось труднее. Ребра ящиков были тщательно заделаны массивным Г-образным стальным профилем, с двух сторон прошитым гвоздями. Чтобы приподнять край какой-нибудь доски, требовалось вначале отодрать обрамлявшее её железо, а после осмотра, соответственно, прибить его назад, что без плотницких инструментов (хотя бы гвоздодёра и молотка) было невозможно. Миша сообразил, что такой длинный ящик не может состоять из цельных досок, где-то должен быть стык. В самом деле, направив луч фонаря вдоль верхней стенки, на которой лежал, он обнаружил посередине ящика тёмную поперечную полосу. Однако тут же убедился, что это прибитая гвоздями металлическая шина: стык был заделан так же прочно, как и ребра.

Ему пришлось в голову подковырнуть пару досок подальше от края, просунуть между ними свайку и немного их раздвинуть. Не исключено, что для приблизительной оценки характера груза будет достаточно совсем узкой щели. Трубы — это трубы, что их долго разглядывать. Удобнее всего было бы найти в досках готовое отверстие, какой-нибудь выпавший сучок, который позволил бы без усилий протолкнуть суженный конец свайки поглубже, чтобы затем воспользоваться ею как рычагом.

Увы, обшивка была крепкая и без изъянов. Более того: когда Миша стал остервенело долбить свайкой узкую щель между двумя плотно пригнанными досками, он убедился, что доски, во-первых, достаточно толстые, а во-вторых — шпунтованные; насквозь в щель между ними не могла бы пройти даже бритва, и ни одну из них нельзя было приподнять отдельно от соседних; они были сбиты намертво, сплошным щитом. Единственное, что оставалось, — отколупывать, отковыривать тупой свайкой по щепочке, пока не образуется достаточно большое отверстие. К этому Бугаев и приступил, жалея, что с ним нет обычного перочинного ножа, и уже не думая о том, чтобы замести следы взлома.

На работу ушло немало времени. Когда он доковырялся до небольшого сквозного отверстия, пошло быстрее: Миша вставлял в него свайку и яростно вращал и дергал её из стороны в сторону, размочаливая края дыры; затем вытаскивал инструмент, отбивал образовавшуюся мелкую щепу, действуя свайкой как долотом; снова погружал её в отверстие и рвал. Время от времени на-

правлял в дырочку луч фонаря. Однако одновременно светить и глядеть через маленькое отверстие не получалось; если отвести фонарь в сторону, луч становился совсем узким, и ничего, кроме дрожащей световой точки, в ящичном нутре рассмотреть было нельзя. В конце концов он убедил себя не тратить время на пустые проверки и тупо пробить отверстие во всю ширину доски, сантиметров пятнадцать диаметром. Дерево крошилось всё крупнее, иногда удавалось отколупнуть длинную широкую щепу, и тогда Бугаев с особым рвением углублялся свайкой в новую брешь. Руки были разодраны в кровь, все в занозах, на это он уже не обращал внимания. Исколотив наконец доску от края до края, терпеливо подчистив лучины вокруг отверстия (больше для того, чтобы выдержать характер, чем для пользы дела), он посветил туда — и увидел совсем близко металлическую поверхность серебристого цвета. Отверстие было достаточным, чтобы просунуть руку; Бугаев так и поступил, погрузил правую руку по локоть и на ощупь пришёл к заключению, что в ящике находится гладкий цилиндрический предмет большого диаметра. Тогда он опустил в ящик руку с фонарём, исхитрившись при этом заглянуть сбоку в направлении ближнего к отверстию конца ящика, действительно различил серебристый цилиндр метра полтора в диаметре, с какими-то буквами и цифрами на боку, заканчивающийся впереди на торце чем-то вроде закруглённой крышки. Миша постарался прочесть надпись, торопливо повёл фонарем вдоль округлого бока, и в этот момент по руке что-то остро резануло. Он от неожиданности вскрикнул, невольно разжал кисть — фонарь выпал на металлическую поверхность, продолжая светить в стенку ящика, его ещё можно было достать рукой, — но Миша, не сознавая опасности, чуть замешкался, желая немедленно вытащить и осмотреть пораненную руку — хотя как и смотреть без фонаря? — а тот, словно дразня, слегка покачивался на гладком выпуклом металле и вдруг, во время очередного крена судна, сам собой развернулся к отверстию, на миг ослепил — и плавно, неторопливо заскользил по округлому боку на дно ящика. Из глубины раздался судорожный звон разбитого стекла, и настала полная тьма.

Первым Мишиным страхом было: как теперь отчитываться перед Лайнером за утерянный фонарь? Он вынул руку, слизал в темноте бегущую из раны на тыльной стороне ладони кровь (насколько серьёзна рана, было не понять, лишь ощущались языком закраины вспоротой кожи) и ещё немного полежал, придумывая оправдательные версии. Вернее всего сказать, что фонарь он выронил на палубе во время шторма, и тот утонул; главное, не проговориться, не привести их по своим следам на это место. Следующей стала мысль о том, чтобы найти и подобрать свайку, которая служила уликой. Дыра — это всего лишь дыра, она могла появиться, например, при неосторожной погрузке, когда ящик обо что-то ударился; а вот дыра с лежащей поблизости свайкой-фомкой — это уже взлом, тут впору вызывать следователя и снимать отпечатки. Миша излазил на карачках, кажется, весь ящик от края до края, ощупывая ладонью каждый сантиметр поверхности: свайки нигде не было. Возможно, она откатилась и провалилась в щель между ящиками, откуда её уже не достать. Спеша заглянуть в отверстие, Миша отложил её в сторону и забыл, хотя нужно было тотчас спрятать в карман, при такой-то качке...

Он распрямился, встал на ноги и вдруг поразился тишине. Судно почти не раскачивалось, со всех сторон доносились только легкие скрипы и шорохи. В глазах плыли сине-красные круги. Только теперь до него дошло, что прежде, чем отвечать за фонарь и объясняться по поводу свайки, ему предстоит в полной темноте выбраться из этой ловушки.

Сначала надо было понять, в какой стороне трап. Он снова опустился на колени и пополз, ища длинную сторону ящика. Во время суетливой охоты за свайкой он закружился и полностью потерял ориентацию. Нашупав на краю полосу стального ребра, Миша осторожно двинулся вдоль неё и метра через полтора дошёл до угла; тогда он устремился в обратную сторону, надеясь, что ребро долго не кончится, и тотчас ухватился рукой за пустоту, едва не свалившись с

ящика. Видимо, это всё-таки была торцовая сторона. Миша пополз вдоль перпендикулярного ребра, через полтора-два метра наткнулся на препятствие из толстого стального троса и обругал себя за недогадливость: поперечные стропы были хороши ориентирами.

Теперь он знал, что к трапу надо двигаться по этой, продольной линии. Но в какую сторону? Можно было дойти до конца ящика, попытаться сойти с него на доски, по ним осторожно, рискуя на каждом шагу провалиться, добраться до переборки, обследовать её всю на предмет железных ступеней трапа и, ничего не найдя, отправиться в опасное путешествие к противоположной оконечности трюма... Ему пришла в голову мысль получше: сориентироваться по вибрации машины и винта. Машинное отделение располагалось в корме, и в той же стороне, на кормовой переборке трюма, должен быть трап, ведущий наверх, к лазу.

Бугаев прислушался — и поразился покою и мёртвой тишине. Казалось, двигатель остановлен и судно дрейфует.

Внезапно его озарило: ведь этот ящик, на котором он оказался не по своей воле, совершив во время сильного рывка кульбит, был крайним! Крайним справа. А значит, надо всего лишь узнать, с какой стороны находится соседний ящик, и двигаться к корме, держа его по правую руку.

С прежней осторожностью, на коленках, он добрался вдоль стропа до одного края ящика, пошарил в темноте рукой, затем, прижавшись всем телом к доскам, спустил одну ногу. Нога везде натыкалась на пустоту.

Он немного отполз назад, повернулся на 180 градусов, сделал несколько шагов к другому краю — и сразу нащупал ребро соседнего ящика. Занес на него ногу, затем перевалился всем телом, переполз подальше от края и уже по нему двинулся к корме. С надеждой и страхом опустил в темноту сразу обе ноги...

Под ним пружинили доски.

Бугаев ещё раз ощупал рукой ящик, стараясь запомнить направления его створ, чтобы не заблудиться на дровяной свалке, и от него шагнул в сторону предполагаемой переборки. Ползти здесь было уже нельзя, приходилось рассчитывать на чуткость ног и быстроту реакции. Он помнил о провалах возле самой переборки и держал руки вытянутыми впереди себя. Наконец уперся в стену; немного отпрянув, двинулся вправо, где, по его расчетам, должны были быть ступени, и уже через пару шагов, к большому своему облегчению, нащупал рукой скобу.

Теперь надо было собраться и не оплошать на завершающем этапе. С особой тщательностью, как предписывали правила, он ухватился руками за разные скобы, ноги тоже переставлял четко последовательно, одну следом за другой, так чтобы всегда иметь три разные точки опоры. Уткнулся головой в люк. Возмолился про себя: только бы не оказаться запертым! Напряг все силы, толкнул крышку вверх...

В этот момент он едва не ослеп. В глаза хлынул яркий электрический свет.

Опустившись от слабости на палубу возле комингса люка и прикрывая глаза рукой, Бугаев паниковал: он разоблачён, теперь его схватят!

Время спустя действительно послышалась или почудилась чья-то речь.

Когда глаза немного попривыкли к свету, он выглянул из укрытия в направлении надстройки. Там мельтешили несколько фигур. Двое или трое людей в чёрном стояли на палубе юта возле трапа, склонившись над планшетом и как будто переговариваясь с кем-то на воде у борта. Один забрался на штабеля груза и прохаживался туда-сюда по деревянному настилу. Другой разгуливал по палубе уже по эту, Мишину сторону. Никому, казалось, не было никакого дела до Бугаева. Самый же удивительным было то, что Миша никого из них не узнавал. Это были совсем новые, посторонние люди. Одеты они были в одинаковые чёрные комбинезоны; лица также казались чёрными либо были чем-то закрыты.

Вся картина в целом являла собой скорее сон или мираж, чем реальность. В это, конечно, невозможно было поверить, но Бугаеву явственно почудилось, что в руках у этих призраков были автоматы. Ближний повернулся спиной — и Миша прочел на его комбинезоне крупную белую надпись «POLICE».

От изумления Бугаев вскочил на ноги и огляделся. По-прежнему свирепствовал налетавший резкими порывами ветер, но на море стало значительно спокойней. По крайней мере, большую волну не разводило. Судно практически стояло, слегка подрабатывая против ветра. Значит, они находились под прикрытием берега, возможно, в территориальных водах Англии! Значит, люди на борту — английские полицейские, каким-то образом узнавшие, что судно перевозит запрещённый опасный груз!

Бугаев вышел из своего укрытия на свет. Первым его заметил тот, кто был на мостках, и громко свистнул. Человек, находившийся по эту сторону мостков, принял сигнал, огляделся и двинулся навстречу Мише. Нижняя часть лица у него действительно была закрыта чёрной маской.

— Weapon! Missiles! — закричал он, направляя дуло прямо на Мишу. — Where's weapon?³

Бугаева не напугал автомат в руках законопослушного английского полицейского. В этот момент его заботило одно: правильно понять чужую речь и подобрать нужные слова для ответа, чтобы не опозориться перед англичанином, да ещё представителем власти. Он понял, что речь идёт об оружии и ракетах.

— Look through this hold, please!⁴ — тщательно выговорил он и сделал широкий жест рукой по направлению к первому трюму.

Незнакомец, продолжая держать Мишу под прицелом, жестом подозвал напарника, стоявшего на мостках, и что-то шепнул ему на ухо.

— Русский? — коротко спросил тот Бугаева хриплым голосом. — Ну, пошли, пацан, показывай свой трюм.

В этот момент Мишу оставили последние силы. Голова закружилась, палуба ушла из-под ног; он едва сумел сделать два шага и повалился грудью на планширь, свесив голову за борт: его рвало.

Глава пятая

Люди в чёрном

Позже говорили, что налётчики будто бы уже отказались от своего плана, уже собирались садиться в лодку и отчаливать, когда увидели на палубе паренька с разбитым носом и нелепо торчащими слипшимися волосами, выскочившего прямо на них неведомо откуда, как чёртик из табакерки, — и просто так, ради хохмы, спросили его про бомбы и ракеты. Будто капитан дал им на мостике столь решительный отпор, в таких красках обрисовал последствия их действий, что они смутились и едва ли не струсил. Кто теперь что докажет?

Однако некоторые факты вынуждают не отвергать такую версию безоговорочно.

Например, то, что непрошеные гости почему-то действительно на время покинули мостик после переговоров с капитаном, дав ему возможность связаться с берегом и сообщить о происшедшем судовладельцу. Сообщение, которое обошло впоследствии чуть не все мировые СМИ, было невнятным и коротким: судно на подходе к Ла-Маншу остановлено скоростной резиновой лодкой с вооружёнными людьми, одетыми в полицейскую форму, они поднялись на борт и намеревались что-то искать, но вскоре, удовлетворённые объяснениями капитана, удалились. Но каким бы нелепым это сообщение ни было — в конце концов, пускай и через много дней, оно было-таки предано огласке, многих встревожило, кого-то напрягло и имело важные последствия.

Из уст в уста в экипаже передавалась также шутка Сикорского, отпущенная им в тот момент, когда налётчики покинули надстройку и сгрудились внизу возле штормтрапа, якобы готовясь к отбытию.

³ Оружие! Ракеты! Где оружие? (Англ.)

⁴ Осмотрите этот трюм, пожалуйста! (Англ.)

— Знаете, что такое spring? — взволнованно спросил Александр Васильевич капитана, вместе с ним глядя на эти приготовления с крыла мостика. — Я только вчера вычитал ещё одно значение в оксфордском словаре. Соскочить с крючка! Так что поздравляю, у нас отличное название.

Короче, народ уже вздохнул с облегчением, и тут вдруг вылезает из трюма практикант Бугаев, который должен был в это время мирно сопеть в подушку в своей каюте, и радостно сообщает заботливым дядям в масках и с автоматами, где нехорошие судовые начальники спрятали ракеты...

По другим догадкам, захватчики просто перегруппировались. Кучка столпилась внизу возле штурмтрапа, получая от руководителя новые указания, и некоторые уже разбрелись по судну, готовые приступить к осмотру грузовых помещений. Тут-то им навстречу и вышел Бугаев, действительно облегчивший и ускоривший дело. При этом, как говорят, минимум один вооружённый человек продолжал контролировать мостик (возможно, спрятавшись на время в туалете по соседству или где-нибудь ещё) и сознательно позволил капитану сделать тот самый звонок — вроде как такая дозированная огласка была в интересах самих захватчиков.

Нет единого мнения даже по поводу палубного освещения. Второй помощник, явно находившийся в те минуты в шоке, впоследствии утверждал, что включил свет по указанию капитана, чтобы проследить дальнейшие перемещения спустившихся вниз нарушителей спокойствия и убедиться, что никто из них не останется на судне. Но Сикорский, примчавшийся на мостик сразу после того, как в машину поступила команда резко сбавить ход (он должен был заступать на вахту в машинном отделении с восьми утра, однако появился там в половине четвёртого, по его уверению, — в силу какой-то необъяснимой тревоги: «проснулся, как от зуботычины»), напротив, показывал, что свет зажгли сами налётчики, прекрасно ориентировавшиеся на мостике и на судне в целом, — и сделали это, очевидно, для того, чтобы облегчить себе осмотр палубы и трюмов.

Однако ни тому, ни другому, ни чему-то третьему нельзя в этой запутанной истории отдать предпочтение. Версии складывались много позже, порой не без подсказки заинтересованных либо владеющих ситуацией лиц, а тогда все на судне воспринимали происходящее как один непрерывный, последовательно нарастающий кошмар.

Когда всё началось, шёл уже четвёртый час утра. (Бугаев впоследствии никак не мог поверить, что провел в трюме больше четырех часов.) Чёрная резиновая лодка с людьми неожиданно вышла из темноты прямо наперерез судну. На экране радара её приближение почему-то не засекали — скорее всего, по халатности второго штурмана, который звал и уже собирался сдавать вахту старпому. Вахтенный сбавил ход и вызвал на мостик капитана, одновременно послав матроса Жабина на палубу приготовить (но не спускать!) штурмтрап. Грибач оправдывал свои действия тем, что принял людей в лодке за терпящих бедствие — они махали руками, что-то кричали и всячески привлекали к себе внимание. Жабин, то ли по тупости своей, то ли злонамеренно, то ли действительно (как он после объяснял) решив поторопиться с помощью несчастным, выполнил команду превратно, молниеносно закрепил и скинул трап, так что, когда мастер поднялся из каюты на мостик, посторонние уже были на борту. Впрочем, Жабину первому же и досталось: подсобив двоим забраться на палубу и вдруг разглядев у поднимавшегося за ними следом третьего оружие за спиной, он глупо крикнул: «Э, ты, куда с автоматом лезешь!» — и попытался стряхнуть его с трапа смешными движениями, словно блоху с рукава, за что немедленно получил сокрушительный удар в затылок от одного из тех, кто уже был на борту, и остался лежать без сознания тут же, возле фальшборта. Наблюдавшие эту картину с крыла мостика второй помощник и капитан, только что выдернутый из постели и не успевший ничего предпринять, могли уже не сомневаться в серьезности намерений и профессиональных навыках гостей.

Через пару минут трое вооружённых людей в масках вломились на мостик, и старший из них по-английски заявил, что на судне, по их информации, находят-

ся незаконный груз. Капитан на английском же спросил, кого они представляют, и попросил предъявить документы.

— Сейчас мы, сука, зальём тебе в глотку бутылку спирта, вызовем береговую охрану, и полгода на нарах в британской тюрьме тебе обеспечены, — сказал вдруг на чистом русском один из налётчиков. — А если судно при этом сядет на мель и его придется избавиться от кое-какого груза, то дома тебя ждёт ещё и пуля.

— Думаю, это действительно хорошая мысль — вызвать береговую охрану, — ответил капитан по-английски (он предполагал, видимо, что русский язык знают не все, и продолжал говорить со старшим). — Если этого не сделаете вы, то сделаю я. Власти должны заинтересоваться посторонними вооружёнными людьми на судне.

— Мой товарищ погорячился, — сказал старший тоже по-русски, но с легким акцентом. — Третьейские судьи не нужны ни нам, ни вам. Предлагаю открыть карты, и вы как перевозчик будете избавлены от всякой ответственности.

— Если бы у меня были какие-то «карты», я был бы уже не перевозчик, а соучастник преступления. Пока что преступление на моём судне совершаете вы, и я в любом случае предпочту общение с властями. Не забывайте, что мы приближаемся к Английским проливам, где существует контроль проходящих судов. Или вы перестреляете всю команду и поведёте судно сами?

— Не ссы, Александров Матросовых мы из вас делать не будем, — заверил второй бандит.

Тем временем старший, ничего больше не говоря, повернулся к выходу, другие двое двинулись за ним, и как раз в этот момент в рубку влетел запыхавшийся Сикорский. Увидев людей в масках и автоматы, нацеленные прямо ему в грудь, он побледнел, отступил в сторону и вытянулся у переборки. Именно тогда он будто бы заметил, как один из выходивших включил по дороге палубное освещение.

Старпома обычно поднимали без четверти четыре. В этот раз будить было некому; он проснулся сам без пяти, понял, что опаздывает на вахту, торопливо оделся и взбежал на ходовой мостик, никого по пути не встретив. Подходил, рассчитывая на привычную тишину, рабочий полумрак штурманской с лампой над картой, зашторенную ходовую с мерцающим в темноте экраном радара, — а нашёл распахнутые двери, яркий свет, посторонних людей и суету. Капитан как раз заканчивал передавать свою телефонограмму в контору компании (на связи там в это время был только дежурный диспетчер). Вахтенный помощник с третьим механиком торчали на крыле. Судно фактически не двигалось, едва выгребая против ветра на малом ходу. Акимов бросил взгляд на палубу и сразу увидел незнакомцев в чёрных комбинезонах. Вышел на левое крыло мостика к Грибачу и Сикорскому, имевшим совершенно ошалелый вид, испуганно перед ним расступившимся, глянул вниз, увидел пришвартованную к борту десантную резиновую лодку, спины людей с надписью «POLICE», автоматы, маски.

— Как они попали на борт? — спросил у второго помощника. — Почему вы не подали сигнала тревоги?

— Так ночь же, зачем народ будить... — глупо пробормотал тот.

— Они сейчас покинут судно, — уверенно сказал капитан, приблизившись. — Уже были здесь, я их послал куда следует.

— Что им нужно? Какие у них полномочия?

— Да какие там полномочия! Обычные бандюги. Шантажом промышляют.

— Они могут вернуться, — сказал Акимов. — Давайте воспользуемся тревожной кнопкой, пока не поздно. Свяжемся по УКВ с берегом. Надо бить во все колокола!

— Что делает Бугаев на первом трюме, кто его туда послал? — вдруг сорванным дискантом выкрикнул Сикорский.

— На первом трюме? — переспросил капитан, кидаясь к поручням, чтобы разглядеть получше. — Да... Лезут осматривать. «Тревожная кнопка!» — перердразнил он старпома. — Лучше бы, чем трепаться, закидали ящики досками, когда кончили работу. Лучше бы вообще туда не совались, мать вашу... Теперь всё.

После этой гневной вспышки никто уже ничего не говорил и не предпринимал никаких действий. Заворожённо смотрели, как вышедшие на палубу после недолгого осмотра трюма двое в чёрном оторвали от планширя бессильно висевшего на нём Бугаева и поволокли его под руки к надстройке. Один из налётчиков на ходу что-то уже докладывал своему начальнику по «воки-токи». Моряки на мостике догадывались, что у них остались считанные минуты свободы. Помимо тревожной кнопки, о которой сказал старпом, в их распоряжении была масса других средств оперативной связи, от спутникового телефона до передатчика УКВ. У кого-то в кармане лежал мобильник. Даже когда падает горящий самолёт, пассажиры успевают воспользоваться мобильниками и послать прощальное сообщение. Почему-то здесь такое никому не пришло в голову. Возможно, никто, кроме капитана, не осознавал реального масштаба происходящего и катастрофических последствий. Надеялись на то, что это лишь проходной эпизод, что за известные пределы в этом вполне цивилизованном и оживлённом районе Мирового океана, у самых берегов Великобритании, нарушители спокойствия выйти не посмеют — это же не какое-нибудь пиратское Сомали... Никто особенно не верил, что пострадает именно он. Или в том числе он. Мастер да ещё старпом, наверное, кое-что предвидели. Но Акимова сковывали дисциплина и служебная этика: он не мог на глазах у экипажа пойти против капитанской воли. К тому же он был сбит с толку паническим окриком Красносёлова, лихорадочно соображал и сам для себя не мог решить, как следует поступить. Может, в этой ситуации оставалось только запеть: «Наверх вы, товарищи, все по местам!» — и открыть кингстоны? По крайней мере, у людей останется шанс выжить — подоспеют английские спасатели. А будет ли такой шанс при другом выборе? Он ведь действительно не знал, что находится в ящиках, от кого и кому доставляется груз и чем всё это грозит.

В любом случае правом принимать последнее решение на судне наделён только один человек, такова многовековая традиция, к которой Акимов относился с уважением.

Капитан же впоследствии официально объяснял своё бездействие тем, что не хотел рисковать жизнями и здоровьем экипажа.

А вскоре и поздно было что-то предпринимать.

В ходовой рубке снова появились вооружённые люди, на этот раз без масок. Очевидно, налётчики более не считали нужным скрывать свои лица, и в этом было дурное предзнаменование: словно команда судна заведомо была приговорена к смерти или как минимум к доживанию остатка своих дней в плену. Во всяком случае, остроумного и суеверного Сикорского такая мысль посетила и тотчас заставила похолодеть. Но люди в чёрном первым делом занялись приборами связи, обнаруживая их с профессиональной уверенностью и методично выводя из строя — большей частью с помощью прикладов и широких ножей. Добрались и до секретной тревожной кнопки, и до системы опознавания и слежения, и до «чёрного ящика». Пощадили только внутрисудовую трансляцию, радиотелефон ближней связи по УКВ и спутниковый телефон, которые могли, судя по всему, понадобится им самим. Четверых членов экипажа во главе с капитаном на это время просто загнали в угол рубки, приказали встать лицом к переборке, и худой верзила с рябым, в крупных оспинах, лицом держал их там под прицелом. По отрывистым репликам на английском, которыми обменивались налётчики, можно было понять, что кто-то уже занимается уничтожением раций в спасательных шлюпках.

Переговоры никого больше не интересовали. Но поднявшийся на мостик в разгар погрома главарь (тот самый переговорщик, что беседовал с капитаном по-русски с лёгким акцентом) всё-таки удостоил моряков своим вниманием.

— Приступаем к погружению, — злоеще известил он. — Теперь выход на поверхность только через меня. Судно и контрабанда арестованы. Вы нам больше не нужны, но если будете вести себя послушно, останетесь жить. На всякий случай: меня зовут Боб, а вот он (главарь ткнул в сторону рябого) Киржак. Со всеми вопросами к нам, другие могут вас неправильно понять.

Лицо главаря было мясистым, серым от обилия чёрных угрей, черты имело крупные и грубые; наблюдательный человек, наверное, отметил бы, что такие лица больше пристали актёрам, играющим классических злодеев, нежели самими злодеям, но морякам, особенно когда они увидели испещренные татуировками руки, было не до анализа.

— Про какую контрабанду вы говорите? — обреченно спросил капитан.

— Не гони пургу! — обрезал Киржак. — Пацан знает, а ты не знаешь.

— Это тот, которого вы на палубе, что ли, встретили? — вступил в разговор старпом. — Вот салажонок! С юмором. Он вас не посылал в канатный ящик бриться?

— Вопросов не должно быть много, — предостерег Боб. — Всем, кроме капитана, немедленно спуститься в столовую.

— Вы мне не начальник, — возразил Акимов. — К тому же я не имею права оставлять мостик, сейчас моя вахта...

В ответ его ударили в живот, заломили назад руки и туго скрутили запястья скотчем. Заодно связали и Сикорского с Грибачом, они не сопротивлялись. Затем всех, не исключая капитана, тщательно обыскали; у Сикорского изъяли мобильник, у Грибача — паспорт и дорогие часы. Капитан остался на мостике с Бобом, остальных Киржак повёл вниз.

В это время другие громилы, столь же мало расположенные шутить (только потом стало ясно, что всего их было девять, сначала казалось — много больше), обходили каюты: ничего не понимающих со сна людей грубо вытаскивали из постелей, скручивали руки, не дав одеться, и тоже гнали под конвоем в столовую. Исключение сделали только для женщин, позволив им под строгим надзором облачиться в халаты, предварительно тщательно осмотренные, и оставив руки свободными.

Минут через пятнадцать почти вся команда струдилась в «красном уголке», с недоумением и страхом поглядывая на вооружённых людей. В углу на диване сидел Бугаев, с бескровным лицом, запрокинутой назад головой и полуприкрытыми глазами — не то в обмороке, не то окончательно сомлев после бессонной ночи. Старпом со скованными за спиной руками примостился подле него. Там же устроилась Портянкина, помогая себе причитаниями и тихим воем. Крепко связанным втащили пришедшего в себя Жабина со свежими ранами на затылке; он уже не сопротивлялся, но был, как всегда, неуклюже-угловат, словно нарочно торчал на ходу и всем мешал. Чернец, в одних трусах, мускулами и статью похожий на боксера на ринге, оценил обстановку, пожалуй, лучше многих и держался на удивление смиренно, лишь приглядывался к происходящему. Ругинис всем видом выражал презрение и брезгливое равнодушие. Сипенко, которого приволокли в подштанниках, не пощадив его лета, напротив, был беспокойно-суетлив, глаза испуганно бегали, сморщенное лицо раскраснелось. Ничего не соображающий спросонья Лайнер, с волосатыми брюшком и ногами, отчаянно зевал. Стюард Стёпа казался невозмутимым, как Будда. Патлатый Бородин, недоспав после вечерней вахты, негромко матерился. Сикорский и Грибач, видевшие и знавшие уже слишком много, пугливо жались к переборке. Светлана зябко куталась в махровый халат, её била крупная дрожь.

Когда все собрались, с мостика под конвоем Боба прибыл капитан. Натужно кашлянул, сказал осипшим голосом:

— Судно в эти минуты никем не управляется, поэтому я буду краток. Мы все задержаны, груз и судно арестованы. Теперь у вас другие начальники. Какое-то время, до прояснения ситуации, прошу беспрекословно им подчиняться. Придётся потерпеть временные неудобства. Жить будете здесь, в столовой... После вам разрешат перенести сюда постели с матрасами, а пока как-нибудь. Это в интересах нашей общей безопасности. Уверен, что скоро всё утрясётся. Уверен...

— Хватит, — оборвал Боб. — Все тут?

Капитан осмотрелся, стараясь не глядеть никому в глаза. Долго шевелил губами, подсчитывая.

— Нет старшего и второго механиков, они в машинном отделении.

— Отлично. Стой тут, сейчас вместе пойдём на мостик. А вы все слушайте сюда. Кое-кто уже схлопотал, но это цветочки, дальше будем расстреливать. Без предупреждения. Поэтому не шалите. Кто боцман? Ты? Пойдешь с Киржаком! Остальным сидеть здесь.

— Холодно же! — вдруг возмутился очухавшийся Лайнер.

Боб повел в его сторону дулом автомата. Воцарилась мёртвая тишина. Все, затаив дыхание, ждали страшной развязки.

— Ты кто здесь будешь? — тихо спросил Боб.

— Лайнер... То есть электромеханик!

— Не понял. Выбирай одно из двух, — сказал Боб. В его глазах при этом не блеснуло ни искорки, лицо оставалось мёртвым, как маска.

— Это же неприлично, — невпопад ответил Лайнер. — Здесь красивые женщины, а вы нас в таком виде выставяете! Везде одно и то же безобразие.

— Везде — это как?

— Да, говорю, при всех режимах. Любая новая власть только раздевать умеет.

Никакой Сикорский, ни один завязтый острослов не мог сказать лучше простофили Лайнера. Не говоря уже о том, что не посмел бы. На каменном лице Боба впервые появилось некое подобие усмешки.

— Одевать начнёте с него, — бросил он на ходу Киржаку.

Народ в столовой оставили под присмотром двух вооружённых бойцов, занявших, соответственно, посты у двух выходов — главного, к трапу, и другого, что вёл через посудное хозяйство Стёпы на камбуз. Позже Акимов в разговоре со следователем вспоминал, что они стояли, как «топтуны» возле кремлёвской стены или на Лубянке — грудь вперёд, ноги на ширине плеч, наглый немигающий взгляд, — так что у него даже сомнение закралось: уж не ту ли самую школу прошли ребята? или таких всегда и повсюду учат одинаково?..

Боцмана Киржак сопроводил в раздевалку, ножом разрезал ему путы на руках, приказал натянуть робу и идти готовить кран для подъёма лодки с воды на борт судна. Боцман, впрочем, только освободил принайтовленную стрелу и включил питание; в кабину за рычаги, не доверяя ему, забрался сам Киржак, а боцмана под охраной отправил в кладовую на полубаке подобрать для заключённых в столовой большую парашу. На язвительный вопрос «что такое параша?» Ругинис получил хорошую зуботычину и далее уже молча делал, что скажут, судорожно облизывая кровь на разбитых губах.

Другие захватчики тем временем стали по одному «одевать» членов экипажа, начав, как и было приказано, с Лайнера. Его привели в собственную каюту и при нём всё перевернули вверх дном, не пропустив ни одного закутка и ни одной складочки. Особое внимание уделялось технике, колюще-режущим предметам и документам: найденные мобильный телефон и радиоприемник были тотчас выброшены в открытый иллюминатор за борт, а папки с отчётами, пустые бланки и справочники перевязали вместе и куда-то вынесли (как потом выяснилось, всё складывали в капитанской каюте, к тому времени уже оккупированной самим Бобом). Затем Лайнеру освободили руки, велели нормально одеться и взять с собой скатанную постель. Он попросился сначала в туалет; ему позволили туда зайти, но велели оставить дверь открытой. Постель, разумеется, предварительно перетряхнули, тщательно прощупав матрас. Про этих можно было подумать, что они работали раньше надсмотрщиками в местах заключения. Только здесь, в отличие от какого-нибудь СИЗО, всё проделывалось не за страх, а за совесть, на послабления или недосмотр рассчитывать не приходилось и сразу было понятно, что это не единственная специальность умельцев. С матрасом в обнимку, теперь свободного от пут, одетого в тёплую кофту, почти счастливого Лайнера вернули в столовую — и повели «одевать» следующего.

Так поступили по очереди со всеми. С собой разрешали брать туалетные принадлежности, самое необходимое из одежды, курильщикам позволили взять сигареты.

У Сикорского, который уже лишился мобильного, в морскую пучину полетели ноутбук и магнитола; кроме того, конвоиры забрали с собой бумажник с документами (лежавшие там деньги — небольшая сумма в долларах — были, как ни странно, отданы владельцу) и карточки с аккуратно выведенными на них тушью иероглифами — Александр Васильевич пробовал учить японский язык. Больше других занимались каютой Акимова: здесь было много судовой документации, в том числе личные дела членов экипажа. Разумеется, отняли связку ключей-вездеходов. Чернеца и Бугаева забирали в их каюту по отдельности. У Бугаева нашли под подушкой дневничок с ежедневными записями и простенький мобильник, то и другое безжалостно выбросили, а сумку с книжками и учебниками препроводили в капитанскую каюту; у Чернеца в рундуке не обнаружилось ничего, кроме нескольких пустых и одной початой бутылки; его ножик специально не искали, а потому и не нашли, — похоже, Андрей в смекалке и опыте не уступал новоявленным тюремщикам и всегда был готов к шмону. Оделся Чернец как обычно, в чёрный китель, — других нарядов, равно как и компьютеров с мобильниками, у него не водилось.

Пашку Жабина в его каюте крепко били. То ли он, когда развязали, снова попытался бузить, то ли конвоиры помнили старое и решили на всякий случай подстраховаться.

Рассказывали, что когда у Сипенко зачем-то выбрасывали за борт упакованную в целлофан игрушку — роскошную гондолу с танцующими на ней под музыку фигурками, купленную в предыдущем рейсе в Италии для внучки, — из глаз Ивана Егоровича побежали слезы.

С машинным отделением, где засели стармех Пильчук со вторым механиком Карапетяном, разбирались отдельно. Во избежание конфуза, чтобы машину не заблокировали изнутри и она не оказалась неподвластной зоной, предусмотрительный Боб с первых же минут захвата, когда начался погром на мостике, отправил в ЦПУ двух бойцов, которые проделали с находившимися там моряками примерно то же, что делалось наверху, а именно — лишили их средств связи и возможности сопротивляться. Обоим механикам предписали поселиться на рабочем месте, не выходя из машинного отделения ни днём ни ночью (туалет там был, вода тоже, а питание пообещали доставлять сухим пайком). Их каюты перевероршили и очистили в отсутствие хозяев.

Неприятная история вышла с Грибачом. Шок у парня прошёл довольно быстро, своей виной он тоже не шибко мучился. Валентин был из гладких и сытых «папенькиных сынков» (отец у него, говорили, занимал денежное место в большом порту), умел — к кому втереться в доверие, кому оказать покровительство, а в общем — ладить со всеми подряд. Когда его повели в каюту, он ещё немного нервничал, не зная, чего ждать, но там по-свойски разговорился с одним из конвоиров, признав в нем «земляка», и в конце концов сохранил за собой аудиоплеер, с которым никогда не расставался. Кстати, в первую же свою ночную вахту в этом рейсе он получил суровый нагоняй от Акимова, пришедшего сменить его на мостике и увидевшего торчащие у второго помощника в ушах провода.

Вернувшись, как и другие, в столовую с постелью, Грибач шустро развернул её в «красном уголке» на единственном диване, спугнув сидевшую с краю робкую Нину Васильевну, улёгся в ботинках поверх простыни и воткнул себе наушники.

— Вы бы всё-таки уступили диван женщине, — негромко сказал Акимов, смущённо кашлянув в кулак. Здесь он оставался начальником, но ему не хотелось взвинчивать общую нервную атмосферу и ухудшать и без того неважные отношения со вторым помощником.

— Что вы, что вы! — Буфетчица только замахала на Акимова руками.

Грибач делал вид, что не слышит, устремил пустой взгляд в переборку и покачивал ногой, должно быть — в такт музыке, а когда старпом настойчивее повторил свою просьбу и тронул его за плечо, вдруг повернулся и прямо в лицо ему заорал:

— Ты что пиз...шь, б..! Мы из-за тебя тут торчим! Ещё поучает, сука.

Он уже адаптировался к новой ситуации и брал от неё, как всегда, по максимуму, — таким любой режим нипочём.

Акимов даже не успел собраться для ответа. Маленький лысый моторист, который вообще никогда ни во что не вмешивался и подавал голос разве только за шахматной доской, внезапно ухватил матрас Грибача за углы, и тот в одно мгновение оказался на палубе.

— Воняť тут будет, дерьмо, — пробормотал при этом Симкин. Похоже, в этом тихом человеке давно что-то копилось против холеного наглого штурмана.

Разъярённый Грибач — куда выше и массивнее моториста, с хорошо накачанным торсом — вскочил со сжатыми кулаками, но рядом с Симкиным в это время уже встал Чернец. Второй помощник растерянно оглянулся, ища поддержки. Надсмотрщики никак не реагировали, они не имели указания вмешиваться во внутренние конфликты команды. Матрос Жабин, с которым он любил перебивать на вахте косточки старпому, весь в синяках и кровоподтёках, даже не шелохнулся. А толстый Бородин, шумно дыша и поминутно хватаясь рукой за сердце, добил приятеля окончательно:

— Валя, не возникай, и без тебя тошно.

Грибач убрался со своим матрасом под иллюминаторы, изрыгая невнятные угрозы сразу по всем адресам.

Между тем Ругинис притащил и поставил за переборкой возле посудной мойки Степы большой оцинкованный бак, определённый Киржаком в качестве общего отхожего места. Нормальный туалет располагался сразу по выходе из столовой в коридоре; ещё один находился на корме, возле двери камбуза. Однако выводить по нужде людей из столовой захватчики сочли, вероятно, слишком хлопотным и опасным — проще было большую часть суток держать обе двери на замке, приставив к ним и к выходящим на палубу иллюминаторам по часовому. В этом не ощущалось умышленного надругательства или желания унижить, подход был исключительно прагматичным; больше того, тюремщики имели основания считать моряков в какой-то мере облагодетельствованными: параша стояла всё-таки в отдельной выгородке, и рядом был кран с холодной и горячей водой. Такого комфорта, пошутил Киржак, не найти ни в одной тюремной камере на бескрайних просторах СНГ.

Акимов больше всего переживал за Светлану. Ему казалось, что попытки насилия над ней со стороны бандитов рано или поздно неизбежны, и он заранее хотел их предотвратить. Конечно, если это произойдёт на его глазах, он не останется в стороне, но будет, скорее всего, убит, что едва ли облегчит её участь. К тому же не в его силах всегда быть рядом. Хотелось изобрести что-то такое, что выведет её за пределы посягательств и сделает неприкосновенной. Объявить своей женой? Едва ли это остановит отморожков, скорее уж привлечёт внимание. Да и Светлана никогда не согласится на такое.

На досмотр каюты её повели последней, она встретила тревожный взгляд Акимова и слегка кивнула. Шедший за ней бандит, показалось старпому, ослабил. Минут десять прошли для Акимова в тягостном ожидании. Вернулась Света с вещами, с ворохом тряпок и всё в том же махровом халате — не захотела переодеваться под взорами конвоиров. Сидела в углу столовой позади обеденного стола на свернутом в рулон матрасе, задумчиво кусала губы.

— Идите переоденьтесь в буфетной, я подежурю у двери, — предложил Акимов, когда стражники отошли подальше.

— И что, никто не войдёт?

— Пока я цел — никто.

— Я вам верю. Спасибо. Только давайте немного подождём, пока уляжется суета. Все очень нервные. Ещё подумают, что мы с вами готовим заговор. Не будем их сейчас провоцировать, это опасно. Что случилось с нашим студентом?

Бугаев, в сомнамбулическом состоянии притащивший из каюты пожитки, ничком лежал на матрасе, с головой укрывшись одеялом.

— Его нашли утром возле первого трюма. Они нашли. Я не знаю, что он там делал.

— А я догадываюсь. Искушал вашу милосердную бестактность. Решил, что вы прогнали его, чтобы он не узнал какую-то тайну. Мне следовало раньше всё рассказать вам, это можно было предвидеть.

— Я прогнал потому...

— Это я тоже знаю.

Мастер принял свою участь одним из последних. Его постель принесли на мостик и кинули на узком диванчике в штурманской рубке. При этом Боб объяснил, что капитан круглые сутки будет вести судно, куда прикажут, что отлучаться ему позволено только в туалет по соседству, и ласково попросил показать, как открывается сейф в капитанской каюте. Для Красносёлова это было неожиданным и тяжёлым ударом; он наивно рассчитывал сохранить за собой возможность в той или иной мере контролировать судно в обмен на безропотное сотрудничество. Как минимум судовая касса и документы, за которые он отвечал головой, должны были остаться при нём. Всё-таки судно — это, во-первых, национальная территория, пускай в данном случае и небольшой островной Мальты, она защищена от постороннего вторжения флагом страны; во-вторых, это чья-то собственность, причём владельцы самого судна и владельцы груза проживают в разных странах; наконец, моряки тоже являются гражданами, у каждого есть отечество, которое обязано их защищать. Захватывать такое судно — всё равно что объявлять войну нескольким государствам!

Ошибка рассуждения была в том, что все действия налетчиков, реальные и предполагаемые, капитан в своей голове невольно помещал в легальные рамки. Это был все тот же синдром цивилизованных представлений о должном и недолжном, возможном и невозможном, осенённых близким присутствием британского побережья. Красносёлов понимал, что его впутали с перевозкой ящиков в очень некрасивую, видимо, даже криминальную историю, и внутренне был уже согласен понести ответственность, но *по закону*, причём желательно европейски гуманному. Кем бы ни было захвачено судно — кто-то же этим захватом руководит, какая-то сторона добивается таким путем вполне осмысленных, возможно, даже справедливых, на её взгляд, целей? Прекрасно сознавая, что столкнулся с беспределом, что люди в униформах с надписью «POLICE» — никакие не полицейские, Красносёлов тем не менее подсознательно переносил на захватчиков функции той или иной власти, законного возмездия, ибо никакого другого просто не мыслил. Да и никто из живущих не сможет вообразить себе территорию вне всяких законов, некую чёрную дыру правового пространства, пока не столкнётся с таковой наяву.

С лодкой управились быстро, подняв и закрепив её на крышке третьего трюма, сразу за штабелями. После этого Боб на мостике велел капитану дать полный ход и следовать прежним курсом в проливы, как если бы ничего не случилось. Единственное, что категорически воспрещалось, — выходить с кем-либо на связь.

Избежать этого, впрочем, не удалось. Уже в Дувре береговая охрана запросила по УКВ данные о судне и его маршрут. Возможно, диспетчера насторожило отсутствие сигнала системы распознавания и слежения за судами.

— Думаю, про буровые установки упоминать не будем? — почти весело спросил Боб, знаком разрешая капитану подойти к аппарату.

— Согласен, — хмуро сказал Красносёлов.

Диспетчеру было доложено, что сухогруз «Global Spring» под флагом Мальты, принадлежащий финской компании «Микофрейт», следует с грузом леса из России в Ливию.

Офицер береговой охраны не мог и предположить, что скоро станет мировой знаменитостью и его имя попадет в верхние строчки популярных новостей, — ведь он окажется последним, кто выходил на связь с загадочно исчезнувшим судном.

Глава шестая

Опасная близость

Это был, конечно, террор, — но террор, надо отдать должное, рациональный.

Насилие не было хаотичным, в нём прослеживалась чёткая логика. Оно подчинялось общему плану, строгой организации, было лишено признаков неприязни, издевательства, мести. Как сказали бы американцы, «ничего личного». Притеснения — да, но только те, что обеспечивают безопасность и облегчают жизнь хозяевам положения. Хотя большинство захватчиков определённо имели тюремный стаж (судя по лексике и расписанным татуировкой телам), вели они себя не как простые уголовники, а скорее как вышколенные спецназовцы. Боб не случайно расцвёл, услышав вырвавшиеся у Лайнера в сердцах слова о «режиме» и «власти»: он устанавливал именно режим, пусть кардинально отличный от прежнего, пусть на первый взгляд абсурдный, но вполне укладывающийся в ряд всех прочих режимов. И хотя рождавшийся на глазах в считанные часы новый уклад жизни небольшого социума на затерянном в океане крошечном плавучем островке не был освящён ни одним известным человечеству правом, моральным или юридическим, не вписывался ни в одну традиционную систему общественных отношений, — власть оставалась властью, она сама, можно сказать, творила историю, сама была себе судьёй, как бы возвращалась к своим первоосновам и с лёгкостью доказывала, что ничего другого, никаких иных оснований, кроме преимущества в силе, у любой власти в общем-то никогда не было, да они ей и не нужны.

Надзором за моряками, их бытом и самой жизнью, хозяйственными вопросами и в целом «низями» распоряжался Киржак (Боб, оставивший при себе капитана, решал на мостике стратегические задачи). Одной из первых забот новой «администрации» было организовать питание — прежде всего для себя, а заодно уж и для арестантов. И хотя ещё накануне никаких проблем на судне с этим не возникало — запасов в артелке и холодильной камере было не меньше чем на месяц, на камбузе с утра аппетитно дымились противни и котлы, а столы в кают-компании и столовой накрывались строго по часам четыре раза в день, — теперь всё было иначе. Во-первых, буфетные помещения и камбуз в одночасье оказались складами оружия, от простых вилок («два удара — восемь дырок», как острил, бывало, Жабин, беря в руку вилку за обедом) до громадных секачей и топоров для разделки замороженных туш. Всё это при первом же досмотре пищеблока подручные Киржака сгребли в один порожний котёл, но выбросить не решились, спрятали под замок. Во-вторых, самим боевикам готовить на всю ораву было не с руки, а допустить на камбуз кого-то из команды — значило опасно ослабить режим и распылить и без того немногочисленную охрану.

Между тем бойцы Боба изрядно оголодали, некоторые из них, дорвавшись до артелки, тотчас вспарывали ножами мясные консервы и жрали на ходу. Киржак не препятствовал; более того, собрался было вообще ограничиться раздачей сухих пайков. Но затем, оценив объём и качество консервных запасов и соблазнительный содержимым холодильника, передумал.

Найти повара труда не составило, Юнаева сама хотела поскорее приступить к своим обязанностям. Время близилось к полудню, а экипаж ещё не завтракал. Люди были раздавлены катастрофой и словно вообще забыли о еде, но это не значило, что их не надо было кормить. Однако Светлана категорически отказалась идти работать одна. Стараясь сохранять выдержку, она объясняла Киржаку, что ей всегда помогал кто-нибудь из команды — одной просто не справиться с тяжёлыми морожеными тушами и кипящими котлами. Это был с её стороны рискованный ход: избранная захватчиками с первой минуты тактика устрашения и насилия не предусматривала диалога. Акимов держался рядом, готовый кинуться между ней и Киржаком и принять на себя удары, да и вся почти команда устремила на рябого громилу напряжённые угрюмые взгляды.

Киржак на удивление легко уступил. Возможно, внял доводам или просто осознал, что приготовление пищи — дело особого рода, и грубое принуждение обязательно скажется на качестве блюд. Решил побаловать себя и своих соратников хорошей судовой кухней. Но напарника, а вернее, напарницу Светлане выбрал сам: знаком приказал трясущейся Портянкиной следовать вместе с ней на камбуз под охраной одного из боевиков.

Порядок был установлен такой: пару часов готовятся сразу обед и ужин, отдельно для тюремщиков и арестантов, первым — посытнее, с большим количеством мяса, вторым — пожиже (за распределением продуктов на глазок следит охранник); затем котлы выносятся, соответственно, в столовую команды и в кают-компанию, которую Киржак определил для кормёжки своих людей, повара присоединяются к остальным заключённым, и камбуз запирается до следующего дня. Двухразового питания, по мнению Киржака, было вполне достаточно. Никаких вилок и ножей в столовом обиходе не предусматривалось. Разумеется, пищу из господских котлов перед их подачей на стол обе поварахи, Света и Нина Васильевна, должны были отведать на глазах у Киржака, — без этого никак, традиция освящена веками.

Внутри столовой возле дверей постоянно дежурили два бойца с оружием на изготовку. Подходить к ним ближе чем на два-три метра не рекомендовалось. У каждого на ухе висело устройство оперативной связи, оставляя в момент переговоров руки свободными. Смена караула осуществлялась в разное время, без строгого расписания (в этом можно было усмотреть ещё одну предосторожность), но по-военному чётко: тюремщик, получив сигнал по телефону, вставал у двери в боевую позу, утروив внимание; затем дверь отпиралась снаружи, и в неё входил столь же бдительный сменщик; оглядев помещение и убедившись, что опасности нет, прежний ретировался за спиной прибывшего, и дверь вновь запиралась снаружи на ключ.

Проблема с общественным туалетом разрешилась явочным порядком: у запертых в помещении людей просто не оставалось другого выхода, кроме как начать, первые разы стыдливо, а затем всё привычнее, уединяться в посудомоечном закутке. Чтобы параша не слишком воняла, старпом велел Стёпе на треть заполнять бак водой из-под крана. Сам он устроил сверху что-то вроде стульчака, употребив сломанную дверцу буфетного шкафа и пробив в ней дыру; Иван Егорович взялся Акимову помогать и без инструментов сумел выровнять и отшлифовать края отверстия. Договорились с охраной, что раз в день двоим узникам будет позволено выносить и сливать парашу в ближайший туалет.

Часы текли, первоначальный ужас и смятение проходили, тоска по совсем ещё недавней нормальной жизни притуплялась, невозможное становилось обыденностью. В полном молчании был съеден приготовленный Светланой обед. Стёпа привычно взялся мыть посуду, остальные разбрелись по углам. До многих начинало доходить, что самым, может быть, тяжёлым испытанием, которое им предстоит, как раз и будет вот эта обыденность неволи, бездельное, глухое и слепое времяпрепровождение в плену у горстки бандитов, в слишком тесном контакте друг с другом, без какой-либо информации о планах и целях своих тюремщиков, без возможности подать сигнал на волю и оповестить близких, без надежды.

Любой нормальный человек задастся вопросом: как можно было терпеть такое? Почему у экипажа не хватило решимости защитить свою свободу, дать немедленный отпор, вступить в борьбу, игнорировать враждебные порядки? Ведь насильников было меньше, только девять человек; притом им приходилось спать, есть, контролировать на судне различные удаленные одна от другой точки, поневоле рассредоточивая свои силы; получалось, что в каждый момент времени команде непосредственно противостояли двое-трое из них, не более. Конечно, у них было оружие, но много ли могут два-три вооружённых охранника против полутора десятка доведённых до отчаяния и готовых на всё людей? К тому же моряки гораздо лучше ориентировались на судне и могли обратить себе на пользу технические средства, а некоторые из команды даже по силе и

ловкости не уступали тюремщикам. Существуют, наконец, пассивные формы протеста, требующие одних только душевных сил: не сотрудничать с властью, не работать на неё, не помогать ей, не вступать в диалог, не двигаться, не принимать пищу, наконец. Замереть. Да самый безнадежный бунт, даже гибель какутся предпочтительнее этой унижительной, незаконной и подлой неволи!..

Вопрос коварный. По большому счёту его можно обратиться ко всем людям, терпящим унижения от власти в разные времена при любых режимах.

На борту «Global Spring» каждый реагировал по-своему.

Мастер, сутками не смыкавший глаз на мостике, пребывал в оцепенении. Он и перед этим-то, с самого отхода, спал урывками — то узкости, то шторм... Как ни суди, а он всё-таки обладал набором благоприобретённых профессиональных качеств, делавших его капитаном, то есть человеком, основной заботой которого было довести судно из точки А в точку Б. Все другие мотивы, личные и общественные, в море отступали перед этой почти инстинктивной волей на задний план. Как всякий инстинкт, этот работал помимо сознания, даже когда отключалась способность думать и осмысленно реагировать на происходящее. А именно в такое состояние — в своеобразный транс — с течением времени всё больше погружался Краснощёлов. Чтобы его взбодрить, Боб распорядился доставлять на мостик коньяк из капитанских же запасов (сам Боб к спиртному не прикладывался и подручным пить не позволял). С какого-то момента мастер уже не интересовался, куда они движутся, ему было всё равно. Следил только за тем, чтобы идти и оставаться на плаву. Лишь иногда, проблесками, вызывала недоумение картинка на карте: некоторое время путь судна в Бискайском заливе в точности совпадал с предварительной прокладкой, ведущей прямо к Гибралтару, и вдруг эти линии разошлись. По какой причине он задал новый курс, каким планом руководствовался, было уже не вспомнить, но, кажется, этому предшествовал бурный разговор с Бобом, высказывавшим какие-то претензии и опасения.

В один прекрасный день капитан рухнул в штурманской рубке прямо на стол с картой, и его долго не могли привести в чувство. Это убедило Боба в необходимости слегка изменить внутренний распорядок и имело разнообразные последствия, о чём будет сказано в своём месте.

Старпом тоже, на свою беду, обладал качествами настоящего старпома. Увидит оброненную кем-то крошку — покоя не будет знать, пока её не поднимут. А не встретит в неурядице понимания, сам пойдёт поднимать: не столько в укор, сколько по необходимости. Не терпел беспорядка. Таких людей на свете не много, и они на вес золота. Большинство всё-таки больше склонно бездумно разрушать и гадить, а эти убирают и строят. И совсем не важно, кем они при этом работают: старпомами, садовниками, издателями, почтальонами... До больших чинов и славы они добиваются не часто (что говорит не столько о них, сколько о самоубийственных трендах человеческого общежития), но на пути своём уж точно никого не спихнут в овраг и ничего ценного, да и просто кому-то нужного не растопчут. По крайней мере, приложат все старания, чтобы не сделать этого. Судьба, конечно, многим вертит по-своему, но не губить жизни и не уродовать вещи — это в силах человека.

Столкнувшись на судне, как писали потом в прессе, с «беспрецедентным уровнем насилия», сам проведя разведку боем и пострадав одним из первых, Акимов думал только о том, как в этих условиях уберечь людей, помочь им выжить и сохраниться. В отличие от капитана, он остался с командой, был теперь среди моряков старшим по должности и имел реальную возможность в какой-то мере управлять событиями: подбадривать и успокаивать народ, не давать ему опускаться, гасить ссоры, предупреждать необдуманные опасные поступки, а в случае крайней нужды организовывать оборону.

История с Грибачом показала, что без твёрдой дисциплины в такой раскалённой атмосфере не обойтись. Только вот как её, эту дисциплину, поддерживать, когда, с одной стороны, реальная власть принадлежит террористическому «режиму», перед которым Акимов бесправен наравне со всеми, а с другой —

многие из команды считают именно его виновником всех бед, и прежде сдерживаемая субординацией ненависть к нему готова выплеснуться наружу? Уже в первые минуты унижения и страха люди не однажды успели проклясть и судовладельца, и того, кто подsunул подлый груз, и, конечно, «сопровождающего». Ведь Акимов по-прежнему оставался в сознании многих моряков таким «сопровождающим».

Последнее он старался выбросить из головы. Не так уж много выродков, сразу кидающихся, подобно Грибачу, мстить поверженному начальнику. В основном будут выжидать и по инерции полагаться в критическую минуту всё-таки на него, поскольку в прежнем, опрокинутом миропорядке он был командиром. На кого ещё им здесь надеяться? В новых условиях предстояло всё пройти заново. Бесплезно читать пришибленным бедой людям нотации, запугивать их карами или учить правилам хорошего тона. Нужно было начать с малого, первым подбирать те самые «крошки», исподволь настраивая на это других.

К счастью, среди сложной и разношёрстной публики были в экипаже и такие, на кого Акимов мог рассчитывать. Нежданной радостью для него стал поступок замкнутого моториста Симкина, которого до этого мало кто на судне замечал и брал в расчёт. Испытанную опору составляли авторитетные Сипенко и Чернец, хотя первый был по-стариковски оглядчив, а второй, наоборот, склонен к авантюризму, его требовалось постоянно контролировать и сдерживать.

— Надо выбираться из этого дерьма, — сумрачно пробормотал Чернец старпому в первый же вечер, когда они сошлись за шахматной доской.

Начали игру, как всегда, Чернец с Симкиным, но моторист после первой же проигранной партии затосковал, ушёл к себе на матрас, других желающих сразиться с Чернецом в понуром экипаже не нашлось, и Акимов решил поддержать компанию. Просто чтобы доказать себе и остальным, что жизнь не кончена и следует понемногу выходить из ступора.

Переставляли фигуры рассеянно, думая совсем о другом и понимая друг друга с полуслова.

— А что, есть варианты? — поинтересовался старпом.

— Пока нет. Изучаю позицию.

Недалеко в углу сидел охранник, но если до него что и долетало — ведь они просто обсуждали игру.

— Я заметил. В шахматных делах вы, кажется, дока.

— Натаскали. Пришлось поиграть в жизни.

— Да ну? И где же?

— В разных местах.

— Ну и как, на взгляд спеца, смотрятся чёрные пешки?

— Не слабо.

— Вот видишь. Не шантрапа какая-нибудь... Давай так: сидим и приглядываемся. Думаем. Случай обязательно подвернётся, не может такого быть, чтобы не подвернулся. Любой игрок совершает ошибки. Если уж атаковать, то со всех флангов. Ага! Вот тебе и шах.

— Шах еще не мат.

— Верно... Надо понять стратегию чёрных. К чему они ведут. Допустим, перебьём мы всех, сами при этом лишимся половины фигур. Это в лучшем случае. И что? Поплывём дальше и доставим эти ящики по назначению? За что тут кровь проливать? Нам и спасибо не скажут. Их так и так кто-то продаст, а деньги себе в карман положит. В конце-то концов это не наша игра, чёрт подери!

— Знать бы, у кого наши пешки в заложниках.

— Как всегда, у короля с челядью. Не торопись! Когда-нибудь узнаем. Все фигуры пока целы, это главное. И, кажется, у чёрных нет причины идти на крайние меры. Зачем-то мы им нужны. Действовать будем только тогда, когда возникнет угроза жизни.

Про себя Акимов постоянно держал в голове ещё одну угрозу, но распространяться об этом не стал.

Иван Егорович, поначалу совсем было растерявшийся, в конце концов по-крестьянски примирился с судьбой, рассматривая всё происходящее как удары природной стихии, не более и не менее, и даже нашёл в себе силы подбадривать других. Он был из той же породы собирателей и строителей, что и Акимов, так же совестлив по отношению к людям и вещам, но попроще, без старпомовской рефлексии, поближе к большинству моряков, с простыми и всем понятными маленькими недостатками. Над ним нередко подтрунивали: кто-то считал его скуповатым, кто-то усматривал за внешним простодушием мужицкую хитрость, — но это никому не мешало его любить. Потому и к суждениям его прислушивались, и поступкам старались следовать. Как-никак старый морской волк, в какие только переделки не попадал, а вот — жив, лёгок на подъём и всем открыт, точно блаженный... К блаженным наш народ тянется. Старпом уже знал, что в серьёзных делах Сипенко, несмотря на свою осторожность, мог быть и принципиален, и решителен. Такой соратник в пору кризиса и всеобщего разброда просто не имел цены.

Полной противоположностью Ивану Егоровичу был механик Сикорский. Александр Васильевич придерживался весьма распространённого среди образованной публики взгляда, что «против лома нет приёма». Эта позиция, казалось бы, сближала его с сипенковским пониманием любого зла как природной силы, перед которой приходится склонять голову. Однако разница была именно в том, *как* склонять. Сипенко, старый моряк, привыкший к противным ветрам, сгибался им навстречу и продолжал по мере возможности двигаться вперёд. Сикорский боязненно отворачивался и закрывался от бури, подставлял ей спину, поднимал воротник, подтрунивая над обстоятельствами и самим собой, но между тем отступая под враждебным натиском всё дальше и дальше... Так это виделось старпому. Хотя высокий голос Александра Васильевича, пускай и без прежней жизнерадостности, продолжал иногда оживлять общую унылую атмосферу в столовой.

Ему, впрочем, было теперь не угнаться в острословии за другим нечаянно раскрывшимся самородком — Лайнером. Это невероятно, но таланты иногда действительно рождаются по прихоти диктаторов. Музы словно чувствуют высочайшее благоволение. Превращение Лайнера из записного зануды в оригинального афориста стало, без сомнения, плодом снисходительного внимания Боба, и хотя тот больше в столовой не появлялся, Бориса Исааковича было уже не остановить, его несло.

— Да вы у нас просто второй Виктор Степанович, — обронил в ответ на очередное замысловатое творение Лайнера Сикорский, любивший когда-то цитировать Черномырдина.

На этих двоих не приходилось особо рассчитывать, как и на толстяка Бородину. Впрочем, ждать от них каких-то умышленных подвохов — тоже.

Очень важен был веский голос Ругиниса, к нему прислушивались многие, но боцман изначально занимал во всей этой истории позицию особую, к старпому относился с недоверием и почти враждебно, и теперь трудно было предсказать, чью сторону он примет в случае конфликта. Скорей всего, только свою, и будет выбирать, что лично для него более выгодно.

А вот матрос Жабин и практикант Бугаев — те несли реальную опасность для себя и остальных. Каждый из них мог в любую минуту взорвать обстановку. Не говоря уже о втором помощнике Грибаче, из новой генерации мерзавцев, у которых не было никаких моральных ограничителей даже и в зародыше: в такое уж время и в такой среде возросли. Этот себя не подставит, но всадить кому угодно нож в спину из самых мелких шкурных соображений, да просто без причин, для самоутверждения, может запросто...

Прежде всего следовало разобраться с курящими. Были в команде такие, кто никогда не курил или бросил, — сам Акимов, Сикорский, Сипенко, Чернец, Бугаев. Не курили женщины. Были кутившие умеренно. Но некоторые и в обычное-то время почти не выпускали изо рта сигарету, а в нервной обстановке заточения удвоили усердие. Особенно отличались этим Лайнер и Симкин.

Столовую быстро заволокло дымом, всё вокруг пропиталось невыносимым кислым запахом табака. Тут старпом не был в одиночестве — громко жаловались на головную боль Светлана и Нина Васильевна, ворчали Иван Егорович и Андрей, да и сами курильщики скоро поняли, что в такой атмосфере не выжить. К тому же возникла угроза истощения принесённых из кают сигаретных запасов, а позволят ли когда-нибудь суровые стражи пополнить их в судовой артелке, никто загадывать не мог.

Эгоистичный расчёт подействовал лучше любых увещаний. В конце концов сообща постановили: курить по мере крайней потребности и только за переборкой, в «гигиеническом» закутке, а окурки немедленно топить в параше. Это создавало дополнительные проблемы, особенно для женщин, которым неловко было заявлять о своей неотложной нужде, когда кто-то увлеклся курением, но иного выхода не было.

Светлана и Нина Васильевна, при всём их разительном несходстве, поневоле образовали женский союз. Когда одна шла в туалет, другая сторожила дверь в буфетную; приспособились там же переодеваться, стирать мелкие вещи и даже наскоро обмываться, воспользовавшись найденным в кладовке пластиковым корытом.

В первый день плена все улеглись необычно рано. Многим хотелось, должно быть, поскорее забыться, спрятаться от изнурительного кошмара реальности хотя бы во сне. Но сон в таких случаях освежает разве только детей: взрослые продолжают в ночном бреду гадать, где тут сон и где явь, а утром просыпаются с сокрушённым сердцем и ещё более острым ощущением катастрофы... Светлана постелила матрасик в углу вдоль переборки, отделяющей столовую от буфетной, позади длинного обеденного стола. Следующим в ряду, также головой к иллюминаторам, но уже по эту сторону стола, ещё утром примостился Бугаев, так и пролежавший весь день укрытым с головой. (К нему подходили старпом, Иван Егорович, Сикорский, его тормошила Света, приглашая к обеду, — он отнекивался, отказывался осипшим голосом или просто молчал, нервно вздрагивая спиной.) Дальше шли постели Бородина, Лайнера, Сикорского, Чернеца и моториста Симкина. В «красном уголке», отделённом от столовой декоративным барьерчиком, диван остался за Ниной Васильевой; на палубе широко раскинулся под иллюминатором Грибач, нарочно разбросав вокруг одежду и другие вещи, чтобы никто не занимал место рядом; в стороне от него лежали Ругинис, Жабин и Степа-стюард.

Иван Егорович устроился отдельно от всех, у противоположной переборки в проходе. Там же, только ближе к буфетной, как раз напротив Бугаева и Светы, постелил себе старпом.

Верхний свет охранники позволили потушить, оставив лампочки возле дверей.

Полумрак развязал языки. Толпа взрослых людей, волей случая оказавшихся в одной спальне, становится похожей на кучку одичавших малолеток: те же беспричинное возбуждение и потребность проявить себя как можно гаже, в полной уверенности, что темнота всё спишет. Началось в «красном уголке».

— Я бы тому козлу, который нам ящики в трюм подкинул, еловый стензель в жопу запиндярил, — для затравки сказал Грибач, громко зевнув. — Прямо так, с сучками и с корой. На всю длину.

— Какие ящики? — сонным голосом невинно спросил Стёпа.

— Ты что, про ящики не знаешь? — возмутился матрос Жабин. — Вот глядь! Вот заколебал! А почему тогда, скажи, мы тут сидим? Почему ты со мной рядом воняешь?

— Я не воняю, — сдержанно оскорбился Стёпа.

— Всю ночь не продохнуть будет, в пенду! — распаялся Жабин. — Да какой-нибудь трупец ещё пердеть начнёт!

— Уж известно какой, — снисходительно подтвердил Грибач. — Всё тот же, с ящиками который. Ему-то сладко спится, старой заднице. Насрал и сопит. Если пёрнет — сразу деревяшку ему туда всажу.

— Мужчины, как не совестно! — слабенько запротестовала с дивана Портянкина, которая побаивалась Грибача: всё-таки комсостав.

— Ты это... Ты знаешь что возьми? Стёпкину швабру, — злобно поддакивал своему бывшему вахтенному начальнику обнаглевший Жабин. — А ещё лучше в параше крысятника утопи.

— Слышали анекдот? — Это уже вступила столовая, Лайнер прорезался. — Приезжает, значит, большой московский начальник в Алма-Ату... Степан, она у вас как нынче называется? Алматы? Вот ё...! Тогда ещё Алма-Атой была. Значит, водят его по столице советского Казахстана, показывают достопримечательности. Приводят в новый пивной бар, только что его открыли, и говорят: «А тут у нас...» Хе-хе-хе-хе...

— Что говорят-то? — с раздражением в голосе прервал хихиканье Сикорский. — Заканчивайте, Борис Исаакович, да спать будем.

— Сейчас, хе-хе-хе... «А тут у нас, говорят, пиво с раками пьют»... Хе-хе-хе-хе-хе... «С раками!» А он...

— Ну?..

— А он говорит: «Я думал, это у них лица такие!»

— Подонки! — раздался посреди столовой громкий и хриплый незнакомый вскрик. Не все сразу узнали этот голос.

— Что?! — изумленно спросил кто-то со стороны «красного уголка».

— Все вы подонки! — истерично повторил Бугаев.

— Это кто ещё там выступает? — угрожающе протянул Грибач. — Шмакодавка, которая нас сдала, что ли? Да таких шмакодавок...

— Всё! — не выдержал Акимов. — Или ты немедленно заткнёшься, или я набью тебе физиономию.

Он сел на своей постели. Терпел долго, решив сначала не реагировать на провокации, надеясь, что кто-нибудь другой догадается одёрнуть, или что бравада пакостников сама собой иссякнет. Но они, похоже, одолевали. Перед глазами старпома от ярости плыли разноцветные круги. Он сам боялся в себе таких состояний — это не могло кончиться ничем хорошим. Вся полутёмная, кишащая людьми столовая казалась ему в эту минуту какой-то мрачной фантазией, всплывшей из средневековья. Едва ли не преисподней, у врат которой оставляют всякую надежду.

— Слыхал, Валентин? — начал было подзуживать Жабин. — И этот не спит!..

— А я ещё кое-кому добавлю! — жёстко оборвал его лежавший там же неподалеку Ругинис.

Для Акимова да и для многих других солидарное вмешательство боцмана было неожиданным. Весь день после плохо для него закончившейся стычки на палубе с Киржаком Ругинис был мрачен и ни с кем не разговаривал.

Чернец поставил окончательную точку:

— Мы таких накрывали одеялом, бленах..., — бесстрастно обронил он в пустоту. — Утром уже холодненькие.

Больше никто не проронил ни слова. Акимов откинулся на спину, старался успокоиться. Ещё один маленький бой выигран, надолго ли? А самое противное, что биться-то приходится не с врагами, они недосыгаемы, а как бы со своими. Но кто тут теперь разберёт, где «враги», а где «свои»? И вообще, кто или что назначает человеку «врагов»? Почему, например, во время войны какой-нибудь соотечественник-выродок — изводивший всю округу дебошир и подлец, вор, насильник, убийца — должен считаться «своим», а достойный и гуманный иностранец — умный писатель или отважный путешественник, которым ты давно восхищался заочно, — оказывается в стане «врагов»? Это так же дико и бессмысленно, как считать «своими» всех мальтийцев только оттого, что приходится плавать на судне под коммерчески выгодным флагом Мальты. Что за абсурд эти «государевы интересы», эта стадная рабская логика, жизнь по чьей-то указке, в то время как люди — вот они — так хорошо видны, и каждый знает, с кем ему хочется иметь дело, а с кем — ни за что...

После полуночи щёлкнули один за другим замки дверей, сменились караульные на посту.

— Миш, а Миш! — тихонько позвала Света. — Ми-ша! Я знаю, что ты ни в чём не виноват. Слышишь?

Ей никто не ответил.

— Хочешь, я к тебе приду?

Акимов только начал засыпать, очнулся быстро. Слышал, как прошуршал по палубе пододвигаемый Светланой матрас, как кто-то из мужиков в дальнем углу приглушённо хохотнул и тотчас смолк. В сторону двоих старпом старался не смотреть. «Какой она всё-таки ребёнок!» — думал с досадой. И что ему делать теперь ещё и с этим детским садом, как предостеречь дурочку, которая на глазах всего экипажа и тюремщиков ложится с психованным беспомощным мальчишкой? Ведь она же пойдёт по рукам! А и отказаться от неё, махнуть рукой не получится, и в этом двусмысленная тяжесть его положения, угадываемая, наверное, многими: если вмешается — решат, что от ревности. Светлана первая так подумает. И будет отчасти права.

— Владимир Алексеевич! — раздался вдруг её горячий, захлебывающийся шёпот. — Владимир Алексеевич, подите-ка сюда!

Это уже походило на издевательство. Акимов нехотя приподнялся и посмотрел: Светлана лежала рядом с Бугаевым и прижимала его голову к своей груди.

— Подойдите, он без сознания. У него жар!

Включили большой свет, Бугаева перенесли на диван. Пока Светлана с Ниной Васильевной возле него хлопотали, старпом кинулся к буфетной аптечке, но в ней ничего, кроме бинтов и зелёнки, не оказалось. Пришлось обращаться к охране с требованием позвать Киржака. К тому времени поднялись почти все. Один раз вякнул разбуженный Грибач: пригрозил, что накатает утром начальству телегу и добьётся, чтобы нарушителей режима до конца дней заперли в трюме с ящиками без еды и воды. Киржак, войдя в столовую, попал точно во встревоженный улей и, хотя тоже был зол на полуночников, не стал противодействовать. Большая аптечка из капитанской каюты, предварительно проинспектированная и облегченная наверху, скоро оказалась в столовой.

— Что делать-то? Думайте! — потребовала Светлана от старпома.

Лайнер, который раньше много занимался своими детьми, вызвался послушать через трубочку Мишины легкие. Ничего определённого не диагностировал, но подсказал жаропонижающее средство и взялся было за шприц...

— Нет уж, я сама, — сказала Света.

Ей предоставили свободу действий и разошлись по койкам. Очнувшийся вскоре Бугаев попросил пить, а после задремал на руках у девушки, бережно державшей его голову на коленях. Акимов, так и не уснув до утра, готовый по первому зову прийти на помощь, невольно думал, что это, может быть, самый сладкий сон мальчишки со времен его младенчества, и как хорошо, наверное, с таким сном отойти в небытие... После он ещё припомнит свою дерзкую мысль, которой тогда застыдил: о том, что лучшей долей для Миши Бугаева было бы умереть в ту ночь.

В Бискайском заливе шторма уже не было, судно лишь плавно переваливалось на довольно-таки сильной зыби от норд-веста. Днём светило яркое солнце, вдоль бортов гонялись друг за другом, сверкая выгнутыми спинами, дельфины, и вода для тех счастливиц, которые имели возможность взирать на неё сверху (как, бывало, смотрели вахтенные с мостика или комсостав из своих кают на верхних палубах), приобрела глубокий лазурный цвет.

Наши узники могли наблюдать море только вскользь, с уровня кормовой палубы, да и то вполглаза, из глубины помещения. Оттуда оно казалось чернильно-тёмным, глянцевым и холодным. Приближаться к иллюминаторам, открывать их и выглядывать наружу запрещалось — в этом случае, предупредил Киржак, внешняя стража будет открывать огонь. И это не было блефом: на палубе за иллюминаторами нередко мелькала фигура караульного с автоматом.

Задействованных одновременно стражников получалось что-то слишком уж много. Старпом пытался подсчитать число постов и в конце концов решил, что служба у захватчиков идёт по весьма суровому графику: как минимум восемнадцать часов боевого дежурства в сутки, не считая авральных ситуаций. Остальное время, не более шести часов, отводилось на еду и бдительный сон с пальцем на спусковом крючке. Такая жизнь и в самом деле требовала необычайной выносливости и специальной тренировки. Кто-то этих людей великолепно обучил, вооружил и дал им чёткие указания. Кто и зачем?

Весь следующий день Бугаев приходил в себя. Света ухаживала за ним, как за младшим братом. Он ощущал её близость и внимание, но сильная слабость и постоянные провалы сознания как-то не позволяли сосредоточиться на особых чувствах к ней. Утром температура была ещё под сорок; ему снова делали уколы, давали что-то выпить. Очень болел бок, повреждённый во время ночного барахтанья в воде на палубе. Вероятно, он жаловался на боль, потому что его снова осматривали, прослушивали холодным фонендоскопом и щупали (Лайнер, затем старпом). В конце концов, судя по долетавшим до него репликам, пришли к выводу, что это не лёгкие, что болит повреждённое или даже сломанное ребро. Последнему предположению Бугаев про себя ужаснулся, потому что он ещё никогда ничего себе не ломал, тем более рёбра, но, судя по спокойствию, с которым все приняли эту версию, он понял, что это ещё не конец, и опять задремал. Ему казалось или снилось, что старпом разговаривает по телефону, вызывает вертолёт для его эвакуации. Он ещё подумал: интересно, куда повезут — в Роттердам или в Лондон? Успеет ли он разглядеть город, перед тем как попадёт в больничную палату? Но и самой больницы было уже достаточно, она была удивительно красивой, светлой и воздушной, открывалась к небу. Его мягко, чуть покачивая, везли по залитым светом необыкновенных фонарей просторным коридорам, близости сновали туда-сюда огромные белые паромы, с них неслась музыка и завораживающая чужеземная речь, и рядом постоянно было чьё-то доброе лицо, полное значения и достоинства, — определённо лицо иностранца, но и не вполне иностранное, как если бы гордый и мужественный красавец Ругинис вдруг расцвёл нежной улыбкой Светы... Но краски удивительной больницы разом потемнели и сгустились, когда заговорил Лайнер.

— Кошек Сталин завозил, говорю. Миллионы кошек расплодили в подвалах!

После Миша вспоминал эту реплику, вертел её и так и сяк, пытаясь как-то понять, приспособить к ситуации и оправдать, но так и не смог найти в ней смысла. Ничего, кроме разве что «крысятника», и близко не вставало. Одно он знал точно — эти слова были произнесены, потому что дальше шло продолжение.

— Да, бомжей не было, но вся страна была как один большой серый барак. Вам от этого легче? — вопрошал механик Сикорский.

— Всем было легче, подавляющему большинству. Люди знали, зачем они живут, — отвечал Лайнер.

— А теперь просто живут, не зная. Да ещё как живут! Особняки, машины, яхты. Чем хуже?

— Теперь живет маленькая кучка. А остальные подышают, потому что у них впереди ни просвета.

— Вот-вот. Свет в конце тоннеля...

— Что ж тут смешного, — сказал старпом. — Без этого света остаётся только помирать. Вот если вам сейчас сказать, что вы никогда из неволи не выберетесь, так здесь свои дни и окончите, а?.. Пьют и бомжуют от слабости и от обиды. Дух в народе убили. Когда всё расхватали, все пути перекрыли и ещё тычут в глаза своей роскошью — на что людям уповать?

— На бога, на что же ещё! — сказал Сикорский.

— На бога... Мы, видишь, так устроены, что нам подавай царство божие на земле.

— Знаете, почему случилась эта самая перестройка, чтоб её? — услышал Бугаев родной убаюкивающий голос старого сказочника, не сразу признав в нём

Ивана Егоровича. — А я знаю. Как раз перед этим в Кремле решили поменять часовые пояса! Сдуру или от скуки, кто их разберёт. Моя сестра жила во Владимирской области, в двух часах езды от Москвы на электричке, каждую неделю за маслом и колбасой в столицу ездила. Заезжаю к ней как-то в отпуск, а она говорит: «Ведь у нас теперь другое время! Мы ж от столицы на час отстаём!» Да не отстаёте вы, утешаю, — наоборот, впереди стали идти! «Нет, отстаём. Начальство ж на Запад смотрит. Москва от России отгородилась, знать не хочет». И с кем тогда ни говорил, все так думали. Затосковал отставленный народ и бросился неведомо куда очертя голову...

— Дураки! — подтвердил Лайнер. — Знали бы, какими крепостями от них после отгородятся!

— Всё это очень непросто, — снова вступил старпом. — Я так думаю, что порядок, наверное, при Сталине наводился, но только внешними, насильственными методами. А внутри у людей хаос и безначалие — что тогда, что теперь. Если бы не это, народ бы теперь так не скрутили. Возьмите Англию: какая разница, кто там сегодня премьер-министр, — англичане при любой власти будут, например, строго соблюдать очереди и никому не дадут их нарушить. Идеи закона и справедливости у них в крови. Можно ли это одним страхом наказания внедрить? И если можно, то сколько времени на это потребуется? При Сталине-то я не жил, но какой-то заряд оттуда, наверное, к нам шёл через родителей. Помню, маленького привезли меня в деревню. Пошел с матерью в магазин, встали в очередь за хлебом. Голода не было, но хлеба в стране всегда не хватало. Давали по две буханки в руки, чтобы скотине не скармливали. И вот, смотрю, бабка одна шустрая отходит от прилавка, прячет свои буханки в авоську, прикрывает платком и снова за нами в очередь становится. Как я на неё тогда смотрел! Так смотрел, что она не выдержала, стала передо мной, мальцом, оправдываться: «Что смотришь? Не чужое, своё беру!» Своё! А в моих-то глазах она была преступница. И я мечтал в душе, чтобы продавщица догадалась, разоблачила нарушительницу, пристыдила при всех... Да будто продавщица всего этого не знала и не видела! Вся страна так жила. Вот такое несовпадение. А теперь оно невероятно усилилось, души людей на клочки порваны. Где тут закон и где — справедливость, почему для нас они никогда не совпадают? Законы смягчились, а справедливости в обществе всё меньше. Как это понимать?

— Туда, где мягче законы, стекается криминал, — сказал Сикорский. — Ну, вы представьте: в Америке в одних штатах за ограбление банка приговаривают к электрическому стулу, а в других дают, к примеру, десять лет. Куда поедет тот, кто хочет ограбить банк?

— В Мексику, — пошутил старпом.

— А хоть и в Мексику. Они же считают её каким-то там по счёту своим штатом...

— Значит, по-вашему, приличные люди должны тусоваться под сенью тираний и диктатур, а на территорию гуманных режимов всегда выносит сброд? Но я не хочу жить при диктатуре! Не люблю кровь и насилие. Что тут делать?

— Приличные... Не обязательно приличные. Обыватели, так скажем. Трусливые обыватели, которые не переступают за установленные для них пределы и хотят чувствовать себя защищёнными. Таковых большинство.

— А как быть с демократией?

— Не нужно никакой демократии! — горячо сказал Лайнер. — Один разврат от неё.

— Слышали? — спросил Сикорский. — Тут я согласен с Борисом Исааковичем. Насколько легче, когда приходят к тебе с автоматом и доходчиво объясняют, как ты должен себя вести. Никаких выборов! Или как в России теперь: пускай будут для отмазки, чтобы правозащитники не гнусавили о какой-то там демократии, а правит всегда тот, кто правит.

— Олигархи? Я вот, например, так и не могу уразуметь, кто у нас правит.

— Олигархи, номенклатура, чиновники, варяги, элита...

— Элита — кощунственное слово. А в России ещё и непристойное. Я бы запретил его под страхом уголовного наказания.

— ...Пастухи, в общем. «К чему стадам дары свободы?..»

— Легкомысленный вы человек, Александр Васильевич!

— Господи, это же не я, это Александр Сергеич! Ладно, принимаю упрёк. Только, если бы Пушкин, например, не был легкомысленным, он бы в России и до своих тридцати семи не дожил.

— А если бы все другие в России были менее легкомысленны и чуть более ответственны, Пушкин прожил бы не меньше Льва Николаевича.

— Ох-ха-ха-ха! Уморили, Владимир Алексеевич. Вы можете себе представить восьмидесятилетнего Пушкина? Это уже не Пушкин, а какой-то Победоносцев!

В общем, странный и не очень уместный в тех драматичных обстоятельствах разговор, наполовину, возможно, Бугаеву приснившийся, — ведь сны любят договаривать за реальных людей, дорисовывать их портреты, так что получается иногда даже натуральнее, чем в жизни. Для юноши в разгар болезни, да ещё привыкшего ежедневно записывать свежие впечатления и только что потерявшего свою тетрадку, болтающуюся теперь на волнах где-то у берегов Британии, такие «сочинительские» сны были бы вполне естественны.

Однако первые два-три дня плена в столовой именно так и разговаривали — возбуждённо и о чём попало. Занимали себя отвлечёнными темами либо сущими пустяками. Например, глубокомысленными рассуждениями о глобальном потеплении или об антибиотиках, которые, оказывается, не только вредны, но и большей частью бесполезны, потому что человек к ним уже привык. А то начинали выяснять, какие волосы у певца Кобзона — настоящие, пересаженные или приклеенные. Что им волосы Кобзона и антибиотики, что им даже вселенский потоп, сидевшим под дулами автоматов и не знавшим, доживут ли до завтра?

На третий день суетливая болтовня стала стихать. На четвёртый Лайнер вдруг вспомнил, что обещал из Ла-Манша позвонить жене, и схватился за голову: что она может вообразить! Когда теперь войдём в зону связи, только в Гибралтаре?

— Ты сначала нырни за своим мобильником, — насмешливо посоветовал Грибач.

А старпом, услышавшего перепалку, точно громом поразило: ведь Гибралтар должны были уже пройти. И вот — нет. Значит, судно идёт не туда?

— Судовладелец-то должен бы забить тревогу. Ведь ему каждый день от нас отчёты шли. А, старпом? — нервно вопрошал Сикорский.

— Откуда тебе знать, может, они продолжают идти, — одышливо говорил Бородин. — Мастер на мостике чего-то химичит, не зря его там держат.

— При Сталине над нами давно бы уже красновзвёздные истребители летали, — мечтал Лайнер.

— Да, очень нужна твоему Сталину кучка безродных космополитов на мальтийской калоше! — возражал Ругинис. — Разве бомбу сбросить, чтобы лишнего не сболтнули.

— Яхту Абрамовича бы сюда, — загадочно бормотал Чернец.

— Зачем тебе яхта Абрамовича?!

— А с неё сразу на Луну можно стартовать, бленах..! Чтобы не видеть всей этой срани.

За эти дни, живя бок о бок, все поневоле как-то притёрлись друг к другу. Грибач, встретив дружный отпор в первую ночь, больше не нарывался, проводил дни наедине со своими наушниками и общался с тремя-четырьмя лояльными к нему соседями по камере. Сикорский, Лайнер, даже Иван Егорович — они держались со всеми одинаково ровно, старались никого не задеть, избегали групповых союзов; свойство замечательное, весьма удобное для его обладателей и позволяющее даже последнему изгою в коллективе рассчитывать на чьё-то понимание и поддержку, хотя такой расчёт нередко оказывается обманчивым.

Жабин по любому поводу ворчал и матерился, на это никто уже не обращал внимания. Ругинис очень тяжело переживал неволю, воспринимал её как личное оскорбление и сторонился общих разговоров.

Бугаев, едва начав подниматься, вернулся на свой матрас на палубе. Света продолжала за ним ухаживать, даже придвинула поближе постель, чтобы всегда быть рядом. Её прежний угол возле переборки теперь занимала Нина Васильевна, а диванчик так и остался свободным. По ночам Света с Мишей подолгу о чём-то шептались. К этому за время болезни Бугаева тоже привыкли, никто не хихикал и не подшучивал. Акимова, лежавшего у них в ногах, однажды привлёк разговор.

— Почему Сталин завозил кошек? — спрашивал Бугаев.

— Каких кошек, маленький, что с тобой?

— Значит, мне приснилось. Ещё что-то про часовые пояса. Все вокруг говорят про часовые пояса, а я рисую снежное поле. Ну не рисую, маслом пишу. Серое такое поле в сырой пасмурный день. А в углу картины нарисовал зайца. Тут подходит старпом и говорит: «Правильно, в жизни всегда должны быть просвет и надежда». А я сначала этого своего зайца стыдился, не вышел он у меня, сплющенный какой-то и морда лошадиная. Но когда Владимир Алексеевич стал им восхищаться, я уже иначе поглядел и решил, что в нём действительно воплотился идеал.

— Какой идеал?

— Так, вообще. Идеал жизни. Этот заяц нас с Владимиром Алексеевичем примирил, а до того мы будто ссорились.

— Вот и хорошо, что помирились.

— Но я точно слышал, как Лайнер сказал, что Сталин завозил в подвалы кошек, и они потом расплодились. Зачем? Разве у нас не было своих?

— Лайнер? Да, я что-то такое припоминаю... Ой, смешной ты! Он говорил: «стали заводит». Не «Сталин завозил», а «стали заводит кошек»! Он объяснял, почему ему притивно в отпуске бывать дома. Тут и божжи, и кошки с собаками бездомные...

— Бездомные... Мы с тобой тоже бездомные...

— А вот это не надо. Спи.

— А я хочу. Может быть, это последняя наша ночь, и завтра нас всех убьют.

— Ну и что?

— И тебе будет не жалко, что ты... Что мы не были вместе?

— Вижу, что ты поправился. Когда болел, ты об этих глупостях не думал.

— Ты хочешь, чтобы я опять слёг? Или даже умер?

В полумраке старпом увидел, как Света вдруг вскочила, освобождаясь от прилипшего к ней Бугаева, постояла секунду в раздумье, а затем склонилась к постели Нины Васильевны, о чем-то её попросила. Та молча поднялась, они поменялись местами: Света перекинула свой матрасик к переборке, а Портянкина легла между ней и Бугаевым. Отвергнутый Миша остался лежать неподвижно, не издав больше ни звука.

Акимов пережил смятение. Всё последнее время он, чтобы подавить горечь и не ожесточиться, старался воспринимать Бугаева и Светлану как малых детей, несмышлёншей. Пробовал даже умиляться, на них глядя. Вспоминал молодость, пытаясь поставить себя на их место. Как и весь экипаж, он не сомневался, что у них уже «всё было». Но если с Бугаевым уловка прошла легко, то Светлана не желала входить в предписанную ей роль. Образ игривой лани почему-то никак к ней не подходил, хотя, казалось бы, для этого было всё: и сила молодости, и грациозность, и наивная ребячливость в характере... Слишком уж она при всём при том была мудра. Или слишком серьёзно относился к ней Акимов. Или, может, она становилась мудрее, оттого что он к ней серьёзно относился?..

Сравнительно мирный период в экипаже продлился недолго. У моряков нарастало раздражение — от вынужденного тесного соседства, от духоты и недостатка движений, от изоляции и полного неведения. Что ждёт впереди, какие

действия предпримут захватчики? Начались мелочные ссоры даже среди тех, кто никогда раньше не ссорился.

Старпом сориентировался по солнцу в иллюминаторе и поделился наблюдениями со всеми: Гибралтар остался позади, судно идёт на юго-юго-запад, примерно в направлении Канарских островов. Сикорский к слову заметил, что с детства мечтал побывать на Канарах, о которых много судачат, а когда пару лет назад впервые пристал в Лас-Пальмесе, то поразился, насколько там скучно: скалы да колючки, совсем не на что посмотреть.

— Ну и что? — с вызовом спросил Лайнер.

— Ничего. — Сикорский пожал плечами.

— Я спрашиваю: ну и что? Вот какие дураки эти богатые, да? А разве на нарах лучше?!

Александр Васильевич от подобных истеричных перепалок и ссор старательно уклонялся, но жизнь достала и его: демонстративно вывернул наизнанку свой клетчатый пиджачок и повесил на барашек иллюминатора проветриваться. Он привык каждый день стоять под душем, часто менять рубашки, а тут пришлось париться в одном и том же.

Чернец первые дни занимался по утрам зарядкой. Дело благое, но в тесноте не для всех, видимо, приятное. Тем более что Андрей приседал и размахивал руками самозабвенно, вторгаясь на чужие территории, так что соседям приходилось от него шарахаться. Первым не выдержал Лайнер:

— Слушай, хватит гнутья! Без тебя дышать нечем, воняет, как в цирке.

— Ты ополоснись поди! — посоветовал Чернецу Сипенко. — И носки постирай.

У того заиграли на лице желваки:

— А ты, отец, пердишь по ночам. Я же молчу.

— Андрей, хоть ты останься человеком! — попросил старпом.

— Человеком? — пробормотал Чернец, уже забившись на матрас и сжавшись в комок. — Самая никчемная и грязная тварь — человек...

Бугаев после обидного для него ночного происшествия стал точно одержимый: не отходил от Светы ни на шаг, постоянно пытался вызвать её на разговор, ставил какие-то условия. Говорил вещи почти безумные: например, что он один на судне знает правду, что раскрыл преступление, рискуя своей жизнью, и уже за этот подвиг заслуживает её любви. Нелепое заявление привлекло многих; Ругинис, услышав его слова, даже крикнул с досады, Сикорский задумчиво присвистнул, а Жабин произвёл угрожающий жест, как будто у него чесались руки. Светлана защищалась от Мишиных домогательств, как могла, и тоже начинала выходить из себя. Акимов едва сдерживался, чтобы не вмешаться. Бугаев же в подобных случаях словно нарочно дразнил старпома, с вызовом на него поглядывал; его продолжало притягивать к Акимову как магнитом; похоже, ему хотелось снова, как бывало на ходовых вахтах на мостике, войти со старпомом в доверительный контакт, как будто разузнать о чём-то или доспорить... Однажды Бугаев сказал Свете (и это тоже многие слышали, укрыться от посторонних ушей в набитом людьми помещении было невозможно), что она не имеет права его отвергать, потому что у него, в отличие от окружающих, есть высшее предназначение. Он не тупое быдло, как другие матросы. И не ископаемый вроде старпома, прикрывающего своё двуличие совковой моралью. Они духовные мертвецы, трупы. А он ищет в жизни цель и смысл и найдет их, откроет людям свет истины, подчинит этот потонувший в грязи и преступлениях мир высшим законам. Но для этого требуется много сил и уверенности в себе. Долг женщины — поддерживать в мужчине эту уверенность, а не убивать её...

— Позанимайся онанизмом, мальчик, — грубо ответила Светлана. — У тебя всё ещё впереди.

К концу первой недели заточения это уже было скопище полусумасшедших, до предела взвинченных людей, готовых взорваться от любого пустяка и вцепиться друг другу в глотку. Старпом едва держался, чтобы самому не взбеситься. От непрерывно висящего дыма, в котором терялись реальные очертания

предметов, от смрадных запахов и всеобщей агрессии, портившей атмосферу похуже любого смога, от собственного давно не мытого тела с мышинным запахом нестираного белья, от беспомощности он тоже готов был возненавидеть себя и весь мир...

Перемены начались с того, что однажды утреннее солнце не заглянуло, как всегда бывало, в иллюминаторы столовой. И поскольку вся водная пустыня, доступная глазам невольников, продолжала сверкать под его лучами и на небе не было видно ни облачка, вывод можно было сделать только один: судно сильно отвернуло вправо.

Вечером того дня, когда на море опустилась тьма и все уже укладывались спать, вдруг смолк двигатель, и стало слышно мягкий плеск воды у борта. А ещё через полчаса охранники у дверей встали в боевую позу, в столовую вошёл Киржак в сопровождении ещё одного головореза и потребовал:

— Акимов! Пошли.

— Крантец приходит незаметно, — тотчас прокомментировал Грибач — без особого, впрочем, злорадства, как-то вяло, едва ли не сочувственно.

— Да в чём дело-то? Куда? — поинтересовался Акимов.

— Не вякай! Быстро давай.

Выходя, он оглянувшись, заметил панический страх в глазах Бугаева и Сикорского, играющие желваки Чернеца, Ивана Егоровича, беспомощно теребящего завязки на подштанниках, но самое сильное и неожиданное, что осталось в памяти, — Светлана на постели в позе готовой к прыжку тигрицы, с глазами непривычно тёмными и жгучими.

Не исключено, что последнее в полумраке дальнего угла столовой ему просто померещилось.

(Окончание следует)